

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-49472
24 апреля 2012 г.

Журнал входит в перечень научных изданий ВАК

Главный редактор

КАРЦХИЯ Александр Амиранович, д.ю.н., доцент, Москва

Шеф-редактор,

МАКАРЕНКО Григорий Иванович, Москва

Редакционная коллегия

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор, Москва

ГАБОВ Андрей Владимирович, д.ю.н., профессор,

член-корреспондент РАН, Москва

ДЕМИДОВА-ПЕТРОВА Елизавета Викторовна, д.ю.н., доцент,
Казань

ЗАЙЦЕВ Владимир Васильевич, д.ю.н., профессор, Москва

ЗАПОЛЬСКИЙ Сергей Васильевич, д.ю.н., профессор, Москва

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович, д.ю.н., профессор, Москва

ЗИБОРОВ Олег Валентинович, д.ю.н., доцент, Москва

КАБАНОВ Павел Александрович, д.ю.н., доцент, Казань

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор, Москва

АТАГИМОВА Эльмира Исамудиновна, к.ю.н., Москва

РАДЧЕНКО Владимир Иванович, к.ю.н., доцент, Москва

БАБИЦЕВ Валентин Павлович, д. социол. н., профессор, Белгород

МАРКИН Валерий Васильевич, д. социол. н., профессор, Москва

МАЛЫШЕВ Михаил Львович, д. социол. н., профессор, Москва

СИЛИН Анатолий Николаевич, д. социол. н., профессор, Тюмень

УРЖА Ольга Александровна, д. социол. н., профессор, Москва

Иностранные члены редколлегии

ШАРШУН Виктор Александрович, к.ю.н., Минск, Белоруссия

Учредитель и издатель

ФБУ «Научный центр правовой информации при
Министерстве юстиции Российской Федерации»

Адрес: 125438, Москва, Михалковская ул., 65, к.1

E-mail: monitorlaw@yandex.com

Телефон: +7-985-939-7501

Требования, предъявляемые к рукописям, а также
архивные файлы размещены на сайте:

<http://uzulo.su/mon-prav>

Отпечатано в РИО ФБУ НЦПИ при Минюсте России

Подписано в печать 27.12.2021

Общий тираж 120 экз. Цена свободная

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

ESG-ПРИНЦИПЫ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Шахназаров Б.А. 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПРАВО

ОТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРАВА К ИНТЕЛЛЕКТОЛОГИИ

Леонтьев Б.Б., Леонтьева В.Б. 12

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

КОМПРЕХЕНДНАЯ КОНЦЕПЦИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА
РЕСОЦИАЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сальников В.П., Захарцев С.И., Воронков К.И. 29

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН И LEGAL TECH

ПРАВОВЫЕ ОНТОЛОГИИ В МАШИНОЧИТАЕМОМ ФОРМАТЕ —
ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В
СЕМАНТИЧЕСКОЙ СЕТИ

Миролюбова С.Ю. 39

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Белякова А.В. 46

О ПРИНЦИПАХ МОНИТОРИНГА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Уваров А.А. 56

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

КУМУЛЯТИВНАЯ ОХРАНА СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ:

ВЕЛИКАН БЛЕНДЕРБОР, ПОЛЕЗНАЯ СМЕСЬ ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ
ПРАВОМ?

Афанасьева Е.Г. 61

СОЦИОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ
ПО ОПРОСАМ СЛУШАТЕЛЕЙ УЧЕБНЫХ КУРСОВ

Шулепин М.В., Воронов В.В. 69

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ
РАЗВИТИЕМ: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ

Медведева Н.В., Фролова Е.В., Рогач О.В. 79

Подписка на журнал осуществляется в почтовых отделениях по каталогу «Пресса России». Подписной индекс 44723

ESG-ПРИНЦИПЫ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ¹

Шахназаров Б. А.²

Ключевые слова: ESG-принципы, устойчивость, стандарты, раскрытие информации, цепочки поставок, цели ООН, законодательство ЕС, мягкое право, изменение климата, прозрачность отчетности, социальная ответственность, устойчивые контракты, интеллектуальная собственность.

Аннотация.

Цель исследования: выявление правовых аспектов закрепления и реализации ESG-принципов в различных общественных процессах.

Метод исследования: в настоящем исследовании в качестве основного используется формально-юридический метод.

Результаты исследования: проведен анализ международных, региональных нормативных основ устойчивого развития. Особое значение в контексте ESG-повестки имеют требования к раскрытию информации, прозрачность, доступность отчетности и следование ESG-принципам в общественных отношениях.

Научная новизна: автор приходит к основному выводу о том, что для достижения эффективности процессов стандартизации в сфере ESG обеспечение максимальной прозрачности и эффективного порядка оценки соответствия отчетов предъявляемым требованиям в тесном взаимодействии бизнеса с компетентными государственными органами, создание государственной инфраструктуры как основы соответствующей контрольной и стимулирующей устойчивое развитие деятельности, стандартизация отчетов и показателей соответствия ESG-стандартам, должны стать основными направлениями ESG-повестки, обсуждаемой на международном и национально-правовом уровне. Для эффективной реализации ESG-принципов и широкого распространения отношений устойчивого развития необходимо использование специальных методов правового регулирования — стандартизации и определения соответствия (сопоставительный метод), которые могут быть положены в основу процессов гармонизации ESG-принципов в мире.

DOI: 10.21681/2226-0692-2022-1-2-11

Введение

Проблематика устойчивого развития (sustainable development) в современных условиях глобальных социальных, экономических и экологических вызовов приобретает особое значение. Стандарты устойчивого развития в контексте реализации ESG-принципов («экологическое, социальное и корпоративное управление», от англ. Environmental, Social, and Corporate Governance) оказывают воздействие, гармонизирующее регулирование важнейших областей общественных отношений в мире. ESG-принципы представляют собой основополагающие регулирующие начала, на которых в современных условиях выстраиваются общественные процессы по всему миру, в том числе и в различных сферах предпринимательской деятельности, в целях устойчивого развития — такого развития общества, которое обеспечивает удовлетворение потребностей нынешнего поколения и не подрывает при этом возможности удовлетворения потребностей будущих поколений. ESG-принципы включают нормативные основы защиты окружающей среды (в частности, углеродное регулиро-

вание, управление отходами, снижение вредных выбросов), социальные обязательства (в контексте устойчивого социального развития общества, в частности, требования к персоналу, безопасность труда на производстве, учет демографического фактора и потребительского спроса при осуществлении предпринимательской деятельности), а также стандарты корпоративного управления (в частности, раскрытие нефинансовой информации, обеспечение финансовой прозрачности и прозрачности бухгалтерского учета, закупочной деятельности, управление рисками).

Здесь действительно крайне важно, чтобы оценка и учет воздействия деятельности компаний на устойчивое развитие через призму ESG-принципов были заложены в основу коммерческой, инвестиционной деятельности, учитывались при выработке надежной бизнес-стратегии с использованием риск-менеджмента. Правовая основа раскрытия информации в контексте ESG, учета такого рода факторов предпринимательской и инвестиционной деятельности крайне важны для эффективного обеспечения и

¹ Статья подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет — 2030».

² Шахназаров Бениамин Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация. E-mail: ben_raf@mail.ru

развития соответствующих процессов. Так, например, отсутствие раскрытия компаниями ESG-информации может привести к неэффективным инвестициям в секторах с высоким уровнем риска, которые могут загрязнять окружающую среду или дискриминировать сотрудников³. А при высоком уровне внутреннего и внешнего контроля, обеспечиваемом раскрытием ESG-информации, сдерживающий эффект такого раскрытия от финансовых нарушений проявляется значительно сильнее⁴. При этом инвесторы все чаще основывают свои финансовые решения на ESG-предпочтениях⁵. Трансграничное же правовое регулирование в рассматриваемой сфере отношений позволяет гармонизировать подходы к ESG-принципам и факторам соответствия этим принципам (ESG-факторам) и достигать целей устойчивого развития в мировом масштабе.

В настоящее время происходит формирование права устойчивого развития, которое представляет собой систему норм, регулирующих комплексные общественные отношения, возникающие в связи с устойчивым развитием (отношения устойчивого развития). ESG-принципы, как представляется, лежат в основе такого регулирования и, соответственно, права устойчивого развития. Собственно правовое регулирование обозначенных отношений дополняется и нормами негосударственного регулирования, которые опосредуют т. н. ESG-стандарты.

Регулирование в рассматриваемой сфере отношений должно быть построено таким образом, чтобы инвесторы, иные предприниматели и потребители в конкретной юрисдикции имели всю полноту информации о рисках причинения вреда окружающей среде, социальных рисках (в контексте проблематики социальной справедливости в широком смысле), рисках корпоративного управления. Оно должно быть ориентировано на обеспечение прозрачности деятельности компаний при раскрытии корпоративных данных, повышение доверия со стороны инвесторов, в том числе на основании теории заинтересованных сторон (stakeholder theory), которая предполагает, что взаимоотношение компании с заинтересованными сторонами определяет потенциал компании в устойчивом развитии⁶.

Особое значение в контексте ESG-повестки имеет и пандемия COVID-19, которая усилила тенденции к большей интеграции ESG на основе решения бизнесом социальных проблем. Несмотря на глобальный кризис

в сфере экономики и здравоохранения, возникший в результате пандемии COVID-19, и серьезные экологические последствия, многие компании продолжили развивать свои ESG-подходы. Во многих случаях пандемия фактически усилила ранее существовавшие тенденции к большей интеграции ESG, подчеркнув роль бизнеса в решении более широких проблем.

Цель исследования

Настоящее исследование ориентировано на выявление правовых аспектов закрепления и реализации ESG-принципов в различных общественных процессах. Формирование ключевых векторов правового регулирования отношений устойчивого развития представляется крайне важным в контексте преодоления современных глобальных вызовов, к которым относится изменение климата, пандемия коронавирусной инфекции, высокий уровень бедности, низкий уровень социального обеспечения в ряде государств и др., что, безусловно, сказывается и на трансграничных процессах, международных публичных и частных правоотношениях. Именно правовые механизмы реализации ESG-принципов могут быть положены в основу процессов гармонизации и унификации законодательства различных государств в особо значимых для устойчивого развития общества областях отношений.

Материалы и методы исследования

Анализ международно-правовых, региональных нормативных основ устойчивого развития, а также требований к раскрытию нефинансовой информации, устойчивым контрактам и интеллектуальной собственности в условиях устойчивого развития взят за основу ввиду того обстоятельства, что соответствующие отношения реализации ESG-принципов представляются ключевыми в контексте возможного правового регулирования и обеспечения Целей устойчивого развития ООН. За основу анализа в исследовании взяты и нормы т. н. мягкого права (soft law).

В качестве **основного метода** в настоящем исследовании используется формально-юридический метод. Представляется важным уяснить правовую природу ESG-принципов и целей устойчивого развития для их унифицированной интеграции в национальные правовые системы.

Результаты исследования и их обсуждение

Экологическая составляющая, проблематика изменения климата является одним из важнейших элементов ESG-повестки в контексте устойчивого развития, которое еще в 1987 г. было определено Всемирной комиссией по окружающей среде и развитию как «развитие, обеспечивающее удовлетворение потребностей нынешнего поколения и не подрывающее при этом возможности удовлетворения потребностей будущих поколений»⁷.

³ Wan Masliza Wan Mohammad, Shaista Wasiuzzaman. Environmental, Social and Governance (ESG) disclosure, competitive advantage and performance of firms in Malaysia. *Cleaner Environmental Systems*. 2021. Volume 2. URL: <http://doi.org/10.1016/j.cesys.2021.100015> (дата обращения: 18.12.2021).

⁴ См.: Xueying Yuang, Zhongfei Li, Jinhua Xu, Lixia Shang. ESG disclosure and corporate financial irregularities — Evidence from Chinese listed firms. *Journal of Cleaner Production*. 2022. Volume 332. URL: <http://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.129992> (дата обращения: 18.12.2021).

⁵ См.: Merz, Thomas. A Conceptual Framework to Test the ESG Portfolio-Level Performance Hypothesis. 2019. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3358927> (дата обращения: 18.12.2021).

⁶ См.: A.S. Garcia, W. Mendes-Da-Silva, R.J. Orsato. Sensitive industries produce better ESG performance: Evidence from emerging markets. *Journal of Cleaner Production*. 2017. № 150. P. 135-147; см. также: Ebru Saygili, Serafettin Arslan, Ayse Ozden Birkkan. ESG practices and corporate financial performance: Evidence from Borsa Istanbul. *Borsa Istanbul Review*. 2021. № IF3.348. URL: <http://doi.org/10.1016/j.bir.2021.07.001> (дата обращения: 18.12.2021).

⁷ Доклад Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» (доклад Гру Харлем Брундтланд), 1987 г. URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 05.11.2021).

С учетом того обстоятельства, что глобальное изменение климата порождает серьезные риски и вызовы для всего человечества и всех государств, решение проблем, связанных с изменением климата, должно быть экстерриториальным, т. е. преодолевать территориальные границы государств в своем регулирующем воздействии.

Так, Парижское соглашение об изменении климата 2015 г. как важнейший международный договор в сфере глобальной экологии направлено на существенное сокращение глобальных выбросов парниковых газов и ограничение повышения глобальной температуры в этом столетии до 2 градусов Цельсия при одновременном поиске средств для еще большего ограничения этого повышения до 1,5 градуса (ст. 2 Парижского соглашения)⁸.

Рассматриваемое Соглашение отсылает к положениям Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата 1992 г., которая является универсальным международным договором (197 государств-участников), направленным, прежде всего, на недопущение опасного антропогенного воздействия на климатическую систему Земли.

Анализ положений Соглашения позволяет заключить, что термин «устойчивое развитие» относится к стратегии и принципам принятия государственных и управленческих решений, прежде всего, во всех областях использования природных ресурсов. А с учетом глобального характера процессов изменения климата и взаимозависимости экологических процессов во всем мире, такие решения должны носить унифицированный характер, что представляется невозможным без принятия унифицирующих международно-правовых норм, к которым и относятся положения Парижского Соглашения 2015 г., Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, 1992 г. При этом положения этих международных договоров не содержат достаточно конкретных норм в части выработки четких критериев определения устойчивого развития и соответствия тех или иных государственных и управленческих решений ESG-принципам.

В связи с этим в рамках ООН принимаются и релевантные программы, содержащие различные цели развития. Так, например, еще в 2000 г. Генеральная Ассамблея ООН на 15 лет приняла «Цели развития тысячелетия (ЦРТ — Millennium Development Goals, MDGs)». ЦРТ ООН — это 8 целей, которые государства-члены ООН договорились попытаться достичь к 2015 году.

Данные цели в области развития были сформулированы в соответствующей Декларации тысячелетия и варьируются от сокращения вдвое уровня бедности до прекращения распространения ВИЧ / СПИДа и обеспечения всеобщего начального образования к установленной дате — 2015 г. Сами цели вытекают из этой Декларации. Каждая цель имеет задачи, установленные на срок до 2015 г., и индикаторы для отслеживания прогресса по сравнению с уровнями 1990 года. Декларация обязала мировых лидеров бороться с бедностью, голодом, болезнями, неграмотностью, ухудшением состояния окружа-

ющей среды и дискриминацией в отношении женщин и привела к беспрецедентным мерам, принимаемым по всему миру.

Признавая успех программы ЦРТ, в 2015 г. 193 государства — члена ООН достигли консенсуса по итоговому документу новой повестки дня — Декларации «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»⁹.

В п. 18 Декларации закреплено, что объявляются 17 целей в области устойчивого развития и 169 связанных с ними задач, которые носят комплексный и неделимый характер. Декларируется направленность на устойчивое развитие в контексте совместного обеспечения глобального развития и взаимовыгодного сотрудничества, которые могут принести огромную пользу всем странам и всем регионам мира, при этом каждое государство сохраняет «полный постоянный суверенитет». Подтверждается приверженность международному праву и подчеркивается, что планируемые меры будут осуществляться таким образом, чтобы это соответствовало правам и обязанностям государств в соответствии с международным правом. Таким образом, можно заключить, что Декларация носит международно-правовой характер, а ее положения и цели могут служить ориентирами при развитии национального законодательства государств в сфере устойчивого развития.

В качестве целей устойчивого развития в п. 59 Декларации устанавливаются 17 укрупненных групп целей, среди которых: повсеместная ликвидация нищеты и голода; обеспечение здорового образа жизни, всеохватного и справедливого качественного образования; содействие экономическому росту и достойной работе; создание прочной инфраструктуры устойчивой индустриализации и внедрения инноваций; снижение уровня неравенства внутри стран и между ними; обеспечение рациональных моделей потребления и производства; сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов; защита и восстановление экосистем суши; обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях и др.

В контексте реализации обозначенных целей уже сейчас представляется возможным включать механизмы устойчивого развития, коррелирующие этим целям, в деятельность органов государственной власти, в операционную деятельность компаний, в различного рода юридические акты, различные сферы правоотношений. Вместе с тем в мире наблюдается тенденция, когда предложение акционеров является инструментом для реализации программ ESG (Aquila, 2019), при том, что реализация ESG-принципов слабо влияет на прибыльность компаний¹⁰. Однако реализации механизмов корпоративной и социальной ответственности в деятель-

⁸ Парижское соглашение 2015 г. URL: http://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 05.11.2021).

⁹ Генеральная Ассамблея ООН. Декларация от 25 сентября 2015 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420355765> (дата обращения: 05.11.2021).

¹⁰ См.: Muhammad Umar Abdul Razak, Wan Zulhafiz Wan Zahari, Abdul Mu'iz Abdul Razak, Azlan Roni, Nurul Ula Ulya. The Legal Framework of Shareholders Activism in Malaysia in Promoting Environmental, Sustainability and Governance (ESG) // Environment-Behaviour Proceedings Journal. 2021. № 6(16). P. 203–208. URL: <http://doi.org/10.21834/ebpj.v6i16.2663> (дата обращения: 05.11.2021).

ности компаний представляются теми основами ESG-принципов, которые уже сейчас могут быть детально урегулированы национальными нормативными правовыми актами (НПА).

Рассматриваемые цели служат и в определенном роде нормативной основой для деятельности рейтинговых агентств (таких, например, как MSCI, Institutional Shareholder Services (ISS), Sustainalytics, S&P Global), оценивающих ESG-соответствие компаний¹¹. Многие инвесторы используют данные рейтинговых агентств в качестве основы для проведения собственного независимого анализа. Рейтинговые агентства собирают данные об усилиях компании в отношении ESG посредством прямых опросов или посредством публично раскрытой информации компании, выставляют оценки на основе своего мнения о подверженности компании рискам по сравнению с коллегами по отрасли. Рейтинги основываются на качественных и количественных данных. Публикуются сравнительные данные, полезные инвесторам.

Оговорки об устойчивости (sustainability clauses)

Направленность на устойчивое развитие при осуществлении трансграничной коммерческой деятельности проявляется и в операционной деятельности компаний, международных транзакциях, в том числе посредством закрепления оговорки об устойчивости (sustainability clauses), а также предварительного анализе и прогнозировании применимого к договору праву на предмет соответствия ESG-принципам в части регулирования конкретных договорных отношений.

Новая парадигма, а также давление со стороны потребителей и заинтересованных сторон в отношении вопросов устойчивого развития сделали для предприятий критически важной реализацию механизмов должной осмотрительности в отношении экологических, социальных и этических рисков в своих деловых отношениях, особенно в цепочке поставок. В результате компании сейчас более, чем когда-либо, включают требования корпоративной социальной ответственности (corporate social responsibility) в свои контракты в форме так называемой оговорки об устойчивости или положения о корпоративной социальной ответственности. Такие оговорки зачастую включают указание на обязательства поставщиков в рамках всей цепочки поставок не допускать коррупции в любом виде, форме в любой юрисдикции, даже если такая деятельность разрешена; оценивать и снижать воздействие на окружающую среду собственных продуктов и услуг на протяжении всего их жизненного цикла; ответственно использовать материальные ресурсы для достижения устойчивого развития с сохранением окружающей среды и уважением к правам будущих поколений; соблюдать применимые законы и отраслевые стандарты в отношении вопросов труда; учитывать ESG-подходы контрагента; гарантировать, что все субподрядчики и поставщики соблюдают

такое же поведение, и регулярно контролировать соблюдение указанных обязательств и т. д.¹²

Исполнение обозначенных обязательств поставщиков может быть обеспечено положениями оговорки, согласно которым заказчик в любое время может проверить напрямую или через третьих лиц соблюдение им взятых на себя обязательств. Кроме того, в качестве возможной ответственности за любое неисполнение соответствующих обязательств поставщиком может быть установлено положение об одностороннем расторжении заказчиком договора.

Зеленая интеллектуальная собственность (Green IP)

Еще одна проблематика, которая заслуживает внимания в контексте ESG-повестки, сводится к характеру инновационного развития общественных процессов и соответствующего отклика в праве интеллектуальной собственности, что уже привело к формированию целого направления «зеленой интеллектуальной собственности» (Green IP). Безусловно, без новейших технологий преодоление рисков, связанных с изменением климата и иными современными вызовами, представляется крайне затруднительным. Инновации в области зеленых технологий приобретут решающее значение, а права интеллектуальной собственности в этой сфере позволят получить серьезное конкурентное преимущество¹³. Права интеллектуальной собственности, помимо окупаемости исследований за счет коммерциализации технологий, также могут создавать препятствия и ограничения. В этом контексте особенно важно понимать влияние и возможности, связанные с развитием зеленой интеллектуальной собственности. Соответствующий запрос, действительно, сформирован и проявляется в совершенно различных сферах:

- ▶ производители потребительских товаров уже сейчас ориентированы на требования по разработке ремонтнопригодной и подлежащей переработке продукции;
- ▶ финансовые учреждения вовлечены в экологически устойчивые инвестиции;
- ▶ застройщики заинтересованы в обеспечении высокой энергоэффективности и низком уровне отходов при строительстве зданий;
- ▶ инфраструктурные и транспортные компании заинтересованы в разработке и использовании различных технических решений по сокращению загрязнений и замены опасных материалов¹⁴.

При этом, как представляется, специфика устойчивого развития, помимо патентуемых объектов, может

¹¹ Maria Castañón Moats, Paul DeNicola. The Corporate Director's Guide to ESG. Harvard Law School Forum on Corporate Governance. URL: <http://corpgov.law.harvard.edu/2021/12/15/the-corporate-directors-guide-to-esg> (дата обращения: 05.11.2021).

¹² См., например: Sustainability Clause. Pirelli. URL: <http://www.pirelli.com/asset/index.php?idelement=59887> (дата обращения: 14.12.2021).

¹³ Klein F. Green IP – A look at how sustainability influences IP and how IP can help in achieving sustainability. 2020. URL: <http://www.ashurst.com/en/news-and-insights/legal-updates/a-look-at-how-sustainability-influences-ip-and-how-ip-can-help-in-achieving-sustainability> (дата обращения: 14.12.2021).

¹⁴ Klein F. Green IP – A look at how sustainability influences IP and how IP can help in achieving sustainability. 2020. URL: <http://www.ashurst.com/en/news-and-insights/legal-updates/a-look-at-how-sustainability-influences-ip-and-how-ip-can-help-in-achieving-sustainability> (дата обращения: 14.12.2021).

быть отражена и во всех остальных объектах интеллектуальной собственности: авторских правах (зеленое программное обеспечение популярно в контексте функционала, отвечающего за сокращение выбросов парниковых газов), средствах индивидуализации (зеленые бренды: процесс получения прав на географические указания или наименования мест происхождения товаров может служить полезным инструментом для продвижения целей экологической устойчивости, поскольку особую ценность в соответствующем производственном цикле играет важность сохранения окружающей среды в соответствующем географическом регионе) и т. д.

На международном уровне уже сейчас можно выявить правовые основы для развития зеленой интеллектуальной собственности. Так, в ст. 7 Соглашения ТРИПС установлено, что охрана и обеспечение соблюдения прав интеллектуальной собственности должны содействовать техническому прогрессу и передаче, распространению технологии к взаимной выгоде производителей и пользователей технических знаний, способствуя социально-экономическому благосостоянию и достижению баланса прав и обязательств. А в ст. 8 отмечается, что при разработке или изменении своих законов и правил государства — участники ВТО могут принимать меры, необходимые для охраны здоровья населения и питания и для содействия общественным интересам в жизненно важных для их социально-экономического и технического развития секторах, при условии, что такие меры соответствуют положениям Соглашения.

ВОИС как международная организация, играющая главную роль в развитии права интеллектуальной собственности, уже реализует проекты в сфере Green IP. Так, функционирует онлайн-платформа WIPO Green, представляющая собой рынок экологически чистых технологий, предназначенный для ускорения реализации проектов, установления связи между заинтересованными сторонами и стимулирования распространения экологически чистых технологий, в рамках которого заинтересованные стороны могут предлагать свои технологии (например, по лицензионным договорам), а пользователи могут запрашивать технологию для решения конкретных проблем. На национальном уровне встречаются некоторые преференции, применимые к Green IP, например, различные национальные ведомства в сфере интеллектуальной собственности предлагают ускоренную экспертизу патентных заявок на зеленые технологии¹⁵.

В рамках деятельности по международной патентной классификации создан «Зеленый инвентарь МПК», разработанный Комитетом экспертов МПК, который облегчает поиск патентной информации, относящейся к экологически безопасным технологиям (EST), перечисленным Рамочной конвенцией ООН об изменении климата 1992 г.

Принятие мер, направленных на стимулирование создания зеленой интеллектуальной собственности,

¹⁵ В Великобритании, например, «Зеленый канал» открыт для всех патентных заявок, которые могут обоснованно утверждать, что они приносят пользу для окружающей среды. Для некоторых технологических областей, таких как солнечная энергия или ветряные турбины, это даже предполагается. Подобные сервисы есть в США, Австралии, Бразилии. См.: Klein F., указ. соч.

представляется крайне важным как на международном, так и на национальном правовом уровне. При этом законодательство в сфере интеллектуальной собственности, сохраняя в целом свои исторические основы, должно, как представляется, развиваться в направлении устойчивого развития, что может быть выражено в правилах, сводящихся к ускорению предоставления охраны зеленым объектам интеллектуальной собственности, возможно, сокращению государственных пошлин, иным способам поощрения создателей зеленой интеллектуальной собственности, а также в перспективе в уточнении критериев охраноспособности объектов интеллектуальной собственности с требованием о доказательстве обеспечения экологической, социальной безопасности (в частности, применительно к такому условию охраноспособности изобретения, как промышленная применимость).

Правовое регулирование отношений устойчивого развития в ЕС в контексте требований о раскрытии информации

Обозначенные выше цели ООН, как представляется, играли и продолжают играть важную роль в гармонизации деятельности государств в сфере устойчивого развития. При этом они остаются декларативными положениями, согласно которым государства принимают меры. Не сформулированы четкие международно-правовые нормы устойчивого развития по направлениям ESG-повестки.

Ввиду недостаточности международно-правового регулирования рассматриваемых отношений принимаются региональные документы, национальные акты, а также акты негосударственного регулирования отношений, опосредующих устойчивое развитие и соответствие компаний ESG-принципам, прежде всего, в контексте раскрытия информации.

Так, например, правила раскрытия информации об инвестиционных продуктах на основе ESG-принципов выводятся из совокупности большого количества принятых на данный момент правил, стандартов, рекомендаций, которые опосредуют достижение целей устойчивого развития. К таковым среди прочих относится Регламент (ЕС) 2019/2088 о раскрытии информации в области устойчивого развития в секторе финансовых услуг (SFDR), который устанавливает обязательства по раскрытию ESG-информации для управляющих активами и других участников финансовых рынков и является важной вехой в усилиях ЕС по обеспечению систематического и прозрачного подхода к устойчивости на финансовых рынках, предотвращая гринвошинг или зелёный камуфляж (попытка представить свою продукцию как экологически безопасную, когда она таковой не является) и обеспечивая сопоставимость товаров¹⁶. Стоит отдельно отметить и Директиву ЕС по нефинансовой отчетности 2014/95/ЕС (NFRD), на смену которой приходит Директива ЕС о корпоративной отчетности в области устойчивого развития (Corporate Sustainability Reporting Directive) 2021,

¹⁶ См.: Katie McShane. ESG Regulatory Reform. Harvard Law School Forum on Corporate Governance. URL: <http://corpgov.law.harvard.edu/2021/10/23/esg-regulatory-reform> (дата обращения: 05.11.2021).

основы отчетности от международной группы институциональных инвесторов «Принципы ответственного инвестирования, 2006 г.» (Principles for Responsible Investment — PRI), британский Кодекс корпоративного управления (UK Stewardship Code 2020), стандарты отчетности по устойчивому развитию (SASB 2018, США), стандарты глобальной отчетности GRI, рекомендации по раскрытию финансовой информации в сфере климата (TCFD) и ряд других актов¹⁷.

Если говорить именно о стандартах, то отметим, что формирование новых стандартов затрагивает лишь те инвестиционные отношения, которые содержат факторы, относящиеся к ESG-принципам. Добровольный характер применения стандартов позволяет управляющим компаниям самим выбирать, в отношении каких именно инвестиционных продуктов они будут его применять¹⁸. Уже выраженное волеизъявление на применение того или иного стандарта отчетности обязывает выполнять требования стандарта.

При этом, как представляется, основное внимание необходимо уделить выработке единых универсальных, региональных стандартов, обязательных к исполнению. Т. е. на нормативно-правовом уровне крайне не хватает общих для различных государств требований к устойчивому развитию, что, безусловно, актуально в условиях глобализации и международного разделения труда. Опыт ЕС в обозначенном контексте представляется прогрессивным и интересным.

Так как прозрачность, раскрытие информации и ориентированность в целом на устойчивое развитие в контексте предпринимательской деятельности имеет первостепенное значение для целей правового регулирования соответствующих отношений ввиду особых рисков в рамках ESG-повестки именно коммерческой деятельности, то в ЕС, как отмечалось выше, действует Директива ЕС 2014/95¹⁹, также именуемая Директивой о нефинансовой отчетности (NFRD), которая устанавливает правила раскрытия нефинансовой информации и информации о разнообразии в отношении крупных компаний. Этой директивой вносятся изменения в Директиву по бухгалтерскому учету 2013/34/EU. Правила Директивы ЕС 2014/95 по нефинансовой отчетности в настоящее время применяются к крупным компаниям публичного интереса (public-interest companies) с более чем 500 сотрудниками (средняя численность сотрудников в течение финансового года), что составляет более 11 700 крупных компаний и групп по всему Европейскому Союзу, включая банки, страховые компании, другие компании, обозначенные национальными властями как компании публичного интереса.

Согласно рассматриваемой Директиве ЕС, такие компании должны включать в управленческий отчет сведения, содержащие информацию в объеме, необ-

ходимом для понимания развития компании и иных факторов (существенная информация). В статье 2 (16) Директивы по бухгалтерскому учету (2013/34/EU) существенная информация определяется как состояние информации, при котором ее упущение или искажение может повлиять на решения, которые пользователи принимают на основе финансовой отчетности компании. Существенность отдельных сведений оценивается в контексте других аналогичных сведений.

Согласно Директиве ЕС 2014/95, необходимо публиковать информацию, относящуюся к экологическим, социальным вопросам, взаимодействию с сотрудниками, уважению к правам человека, мерам по борьбе с коррупцией и взяточничеством, разнообразию членов совета директоров компании (с точки зрения возраста, пола, образования и профессиональной подготовки).

Соответствующая информация должна среди прочего включать:

- ▶ краткое описание бизнес-модели предприятия;
- ▶ описание политики, проводимой компанией в отношении этих вопросов, включая внедренные процессы должной осмотрительности;
- ▶ результат этой политики;
- ▶ основные риски, связанные с вопросами, связанными с деятельностью компании, включая, где это уместно и соразмерно, ее деловые отношения, продукты или услуги, которые могут вызвать неблагоприятное воздействие в этих областях, и то, как компания управляет этими рисками;
- ▶ нефинансовые ключевые показатели эффективности, актуальные для конкретного бизнеса.

Если компания не следует политике в отношении одного или нескольких из этих вопросов, в нефинансовом отчете должно быть дано четкое и обоснованное объяснение того, почему это не делается.

Нефинансовый отчет также, где это уместно, должен включать ссылки и дополнительные пояснения на суммы, указанные в годовой финансовой отчетности.

Особого внимания заслуживают перспективные положения Директивы о возможном удовлетворении требований о раскрытии на основе и иных нормативных правовых актов (национальных, ЕС и международных универсальных). Так, требуя раскрытия указанной информации, государства-члены должны предусмотреть на национальном уровне, что предприятия могут полагаться на национальные, региональные (в рамках ЕС) или международные нормативные правовые акты, а предприятия при раскрытии информации должны указать, на какие нормативные основы они полагались.

В июне 2017 года Европейская комиссия опубликовала Руководство о нефинансовой отчетности — рекомендации, помогающие компаниям раскрывать экологическую и социальную информацию²⁰. Эти руководящие принципы не являются обязательными, и компании могут решить использовать международные, европейские или национальные руководящие принципы

¹⁷ Новый мировой стандарт ESG-раскрытий. URL: http://gaap.ru/articles/Novyy_mirovoy_standart_ESG_raskrytiy (дата обращения: 05.11.2021).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Directive 2014/95/EU of the European Parliament and of the Council of 22 October 2014 amending Directive 2013/34/EU as regards disclosure of non-financial and diversity information by certain large undertakings and groups. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014L0095> (дата обращения: 05.11.2021).

²⁰ Guidelines on non-financial reporting (methodology for reporting non-financial information) (2017/C 215/01). URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52017XC0705\(01\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52017XC0705(01)) (дата обращения: 05.11.2021).

в соответствии со своими собственными задачами или деловым климатом.

Цель Руководства — помочь компаниям раскрывать высококачественную, актуальную, полезную, последовательную и более сопоставимую нефинансовую (экологическую, социальную и корпоративную) информацию таким образом, чтобы способствовать устойчивому развитию и росту занятости, а также обеспечивать прозрачность информации для заинтересованных сторон.

В Руководстве справедливо отмечается, что при раскрытии нефинансовой информации необходимо учитывать характер влияния деятельности компании. Влияние может быть положительным или отрицательным. Существенная информация должна раскрываться как точные, так и сбалансированные сведения.

Существенная информация должна оцениваться в контексте. Вопросы, которые следует рассмотреть для включения в нефинансовую отчетность, зависят от обстоятельств компании, с учетом конкретных ситуаций и отраслевой специфики. Компании в рамках отрасли могут сталкиваться с аналогичными экологическими, социальными и управленческими проблемами, например, из-за ресурсов, на которые они могут полагаться при производстве товаров и услуг, или из-за воздействия, которое они могут оказывать на людей, общество и окружающую среду. Поэтому может быть уместным прямое сравнение соответствующей нефинансовой информации, раскрываемой компаниями в одном и том же секторе.

В июне 2019 года Европейская комиссия опубликовала Руководство по представлению информации, связанной с климатом²¹, которое на практике представляет собой новое дополнение к существующему Руководству по нефинансовой отчетности, которое остается применимым.

Как и общие руководящие принципы, опубликованные в 2017 году, это приложение по отчетности, связанной с климатом, не является обязательным. В рассматриваемом документе установлено, что содержание раскрываемой информации, связанной с климатом, может варьироваться в зависимости от компании, в зависимости от ряда факторов, включая сектор деятельности, географическое положение, а также характер и масштаб рисков и возможностей, связанных с климатом.

Методологии и передовая практика в области отчетности, связанной с климатом, быстро развиваются. Таким образом, в этих рекомендациях признается необходимость гибкого подхода. Компаниям и другим организациям настоятельно рекомендуется продолжать вводить новшества и регулярно улучшать отчетность, связанную с климатом.

Разъясняя положения Директивы ЕС 2014/95 о нефинансовой отчетности, в Руководстве отмечается двойное значение соответствующих положений. Во-первых, факторы развития, результата и положения компании указывают на финансовую значимость в широком смысле слова, что влияет и на стоимость компании. Информация, связанная с климатом, должна сообщаться, если это необходимо для понимания развития,

результатов деятельности и положения компании. Эта точка зрения обычно представляет наибольший интерес для инвесторов. Во-вторых, фактор «воздействия» деятельности компании указывает на экологическую и социальную значимость. Информация, связанная с климатом, должна раскрываться, если это необходимо для понимания внешних воздействий компании. Эта точка зрения обычно представляет наибольший интерес для граждан, потребителей, сотрудников, деловых партнеров, сообществ и организаций гражданского общества. Однако все большему числу инвесторов также необходимо знать о воздействии на климат компаний — объектов инвестиций, чтобы лучше понимать и измерять воздействие на климат их инвестиционных портфелей.

Развивая подходы ЕС в рассматриваемой сфере правоотношений, в 2021 г. Европейская комиссия выступила с предложением принятия Директивы ЕС о корпоративной отчетности в области устойчивого развития (Corporate Sustainability Reporting Directive, CSRD²²).

По замыслу разработчиков, Директива вносит изменения в существующие требования к отчетности, закрепленные в Директиве ЕС (2014/95 NFRD). Положения новой Директивы расширяют сферу действия на все крупные компании и все компании, котирующиеся на регулируемых рынках (кроме зарегистрированных микропредприятий), устанавливают требования аудита (подтверждения) предоставленной информации, вводят более подробные требования к отчетности и требование об отчетности в соответствии с обязательными стандартами отчетности ЕС в области устойчивого развития, требуют, чтобы компании передавали сообщаемую информацию в цифровом виде, чтобы она была машиночитаемой и передавалась в единую европейскую точку доступа инвесторов к данным европейских компаний, создание которой предусмотрено в Плане действий по развитию в ЕС Союза рынков капитала 2020 г.

Сам план, что важно, содержит три ключевые цели:

- обеспечение того, чтобы экономическое восстановление ЕС (в контексте экономического кризиса, вызванного COVID-19) было зеленым, цифровым, инклюзивным и устойчивым, делая финансирование более доступным для европейских компаний, в частности, МСП;
- формирование ЕС в качестве безопасного места для частных сбережений и долгосрочных инвестиций;
- интеграция национальных рынков капитала в подлинный единый рынок капитала для всего ЕС.

В плане установлены задачи поощрения страховых компаний и банков в увеличении инвестиций в предприятия ЕС, укрепления защиты инвестиций в условиях большого количества трансграничных инвестиций в ЕС; содействия мониторингу достаточности пенсий по всему ЕС, гармонизации правил несостоятельности в различных государствах-членах ЕС, стремления к конвергенции надзорных органов и последовательному

²¹ Guidelines on non-financial reporting: Supplement on reporting climate-related information. URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52019XC0620\(01\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52019XC0620(01)) (дата обращения: 05.11.2021).

²² Directive of the European Parliament and of the Council amending Directive 2013/34/EU, Directive 2004/109/EC, Directive 2006/43/EC and Regulation (EU) No 537/2014, as regards corporate sustainability reporting. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021PC0189> (дата обращения: 12.11.2021).

применению единого свода правил для финансовых рынков в ЕС²³.

Предложение Европейской комиссии о принятии Директивы ЕС о корпоративной отчетности в области устойчивого развития (CSRD) предусматривает и принятие стандартов отчетности в области устойчивого развития ЕС. Проект стандартов планируется разработать в рамках деятельности Европейской консультативной группы по финансовой отчетности (EFRAG) с учетом адаптации стандартов к политике ЕС, опираясь на международные инициативы по стандартизации. Первую часть стандартов планируется принять к октябрю 2022 года²⁴.

В проекте Директивы особое внимание акцентируется на том обстоятельстве, что пандемия COVID-19, вероятно, еще больше ускорит рост спроса на информацию об устойчивом развитии со стороны компаний, например, в отношении работников и устойчивости цепочек поставок.

Таким образом, увеличивается разрыв между информацией, предоставляемой компаниями в области устойчивого развития, и потребностями предполагаемых пользователей этой информации. С одной стороны, это означает, что инвесторы не могут в достаточной степени учитывать риски, связанные с устойчивостью, при принятии инвестиционных решений. При этом возможно создание системных рисков, угрожающих финансовой стабильности. С другой стороны, соответствующий разрыв означает, что инвесторы не могут направлять финансовые ресурсы компаниям с устойчивыми бизнес-моделями и видами деятельности. Это, в свою очередь, подрывает достижение целей Европейского зеленого курса и также ограничивает способность заинтересованных сторон привлекать предприятия к ответственности за то воздействие, которое они оказывают на людей и окружающую среду, создавая дефицит отчетности в сфере устойчивого развития, который, в свою очередь, может подорвать эффективное функционирование социальной рыночной экономики.

Разработка современных правил в сфере устойчивого развития ввиду их комплексного характера и стабилизирующего значения, гармонизирующего регулирование общественных отношений, как представляется, должна сопровождаться расширением круга субъектов, в отношении которых действуют соответствующие правила. Так, в ст. 1 Директивы закреплено, что крупные предприятия, а с 1 января 2026 года малые и средние предприятия, которые являются предприятиями, деятельность которых регулируется законодательством государства — члена ЕС и чьи переводные ценные бумаги допущены к торгам на регулируемом рынке любого государства — члена ЕС, должны включать в управленческий отчет информацию, необходимую для понимания воздействия предприятия на сферу устойчивого разви-

тия и того, как вопросы устойчивости влияют на развитие, результаты и положение компании.

Среди прочих видов информации, перечисленных в примерном перечне такой информации, особый интерес вызывают:

- › описание роли административных, управленческих и надзорных органов в отношении вопросов устойчивости;
- › описание политики компании в отношении вопросов устойчивости;
- › процесс должной осмотрительности, применяемый в отношении вопросов устойчивости;
- › основные фактические или потенциальные неблагоприятные воздействия, связанные с цепочкой создания стоимости компании, включая ее собственные операции, ее продукты и услуги, ее деловые отношения и ее цепочку поставок;
- › описание основных рисков для компании, связанных с вопросами устойчивости, включая основные показатели зависимости компании от таких вопросов, а также то, как компания управляет этими рисками;
- › индикаторы, относящиеся к раскрытию информации.

Раскрытию подлежат и проведенные процедуры определения информации, которую компании включили в управленческий отчет, и в этом процессе они должны учитывать краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные перспективы. Что важно, компании также должны раскрывать информацию о нематериальных активах, включая информацию об интеллектуальном, человеческом, социальном капитале и капитале взаимоотношений.

Выводы

Обозначенное отражает совершенно обоснованную разновекторность в реализации ESG-повестки в ЕС. Модернизация стандартов в сфере устойчивого развития по пути обеспечения соответствия целям устойчивого развития на инфраструктурном уровне компании, включение нематериальной составляющей в этот процесс (как видится, это может быть поощрение деятельности по созданию объектов интеллектуальной собственности, вложения в развитие кадрового потенциала, образование и обучение сотрудников сообразно целям устойчивого развития, создание соответствующей экосистемы взаимоотношений с разрешением внутренних корпоративных споров и преодолением социальных противоречий) позволят преодолеть целый ряд современных вызовов, в том числе связанных с изменением климата. В обозначенном контексте «осознанные» подходы выстраивания бизнес-процессов, реализации принципов «ответственной деятельности» в рамках различных общественных процессов на нормативном правовом уровне с четкими требованиями сообразно целям устойчивого развития позволят сконцентрировать и взаимодействие субъектов создаваемой экосистемы ESG-стандартов вокруг вопросов экологической безопасности, социального и корпоративного устойчивого развития.

Рассмотренные инициативы ЕС представляются прогрессивными и необходимыми в условиях современных вызовов. То обстоятельство, что установление стандартов и правил раскрытия нефинансовой инфор-

²³ ЕК разработала план по развитию Союза рынков капитала с целью обеспечить выход Европы из кризиса. URL: <http://www.finmarket.ru/news/5320058> (дата обращения: 05.11.2021).

²⁴ Corporate sustainability reporting. URL: http://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/company-reporting-and-auditing/company-reporting/corporate-sustainability-reporting_en (дата обращения: 05.11.2021).

мации (в понимании Европейского Союза) происходит на региональном уровне, представляется вполне оправданным и целесообразным ввиду ориентации на экономическую, социальную общность регионального объединения и, прежде всего, совместное комплексное решение в рамках интегрированных территорий конкретного региона проблем, связанных с изменением климата.

Однако в рассмотренных положениях ЕС, как было показано выше, часто встречается отсылка к добровольному, альтернативному восприятию правил раскрытия информации и формирования отчетности в сфере устойчивого развития, что, как представляется, нивелирует усилия по выработке единых стандартов устойчивого развития в различных сферах отношений.

При этом для целей эффективной унификации подходов к решению глобальных проблем в экологической, социальной и экономической сферах в условиях современных глобальных мировых вызовов, взаимозависимости национальных экономик, трансграничного социального взаимодействия и экологических процессов, регулируемых по-разному в различных государствах, региональная унификация стандартов устойчивого развития и региональная выработка ESG-стандартов представляются недостаточными мерами. Крайне важным представляется продолжение международно-правовой деятельности международных организаций, прежде всего ООН, направленной на универсальную унификацию подходов к устойчивому развитию и выработку ESG-стандартов.

При этом требования по раскрытию информации в сфере устойчивого развития все же совершенствуются (на негосударственном, региональном уровне), затрагивают более глубокие аспекты деятельности компаний, пронизывают все большее количество различных областей отношений. Стандарты, показатели устойчивого

развития действительно могут и должны пронизывать различные виды деятельности все большего числа компаний. Здесь важно понимать необходимость выработки четких критериев оценки такого соответствия, сопоставления соответствующей предоставленной информации реальным рискам, реальным перспективам, оценки самой компании с учетом раскрытой информации, объема и качества раскрытой информации. Как представляется, для достижения эффективности процессов стандартизации в рассматриваемой сфере, ввиду разрозненного характера требований в сфере устойчивого развития во всем мире, обеспечение максимальной прозрачности и эффективного порядка оценки соответствия отчетов предъявляемым требованиям в тесном взаимодействии бизнеса с компетентными государственными органами, создание государственной инфраструктуры как основы соответствующей контрольной и стимулирующей устойчивого развития деятельности, стандартизация отчетов и показателей соответствия постоянно модернизируемым и унифицированным ESG-стандартам должны стать основными вопросами ESG-повестки, обсуждаемой на международном и национально-правовом уровне.

Таким образом, для эффективной реализации ESG-принципов и широкого распространения отношений устойчивого развития необходимо использование и развитие специальных методов правового регулирования — стандартизации и определения соответствия (сопоставительный метод), которые предполагают установление стандартов регулирования отношений устойчивого развития в рамках одной юрисдикции и на международном уровне, а также определение соответствия деятельности субъектов права соответствующим стандартам. Обозначенные методы могут быть положены в основу процессов гармонизации ESG-принципов в мире.

Литература

1. Wan Masliza Wan Mohammad, Shaista Wasiuzzaman. Environmental, Social and Governance (ESG) disclosure, competitive advantage and performance of firms in Malaysia // *Cleaner Environmental Systems*. 2021. Volume 2. URL: <http://doi.org/10.1016/j.cesys.2021.100015> (дата обращения: 18.12.2021).
2. Xueying Yuang, Zhongfei Li, Jinhua Xu, Lixia Shang. ESG disclosure and corporate financial irregularities — Evidence from Chinese listed firms // *Journal of Cleaner Production*. 2022. Volume 332. URL: <http://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.129992> (дата обращения: 18.12.2021).
3. Merz Thomas. A Conceptual Framework to Test the ESG Portfolio-Level Performance Hypothesis. 2019. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3358927> (дата обращения: 18.12.2021).
4. A.S. Garcia, W. Mendes-Da-Silva, R.J. Orsato. Sensitive industries produce better ESG performance: Evidence from emerging markets // *Journal of Cleaner Production*. 2017. № 150. P. 135—147.
5. Ebru Saygili, Serafettin Arslan, Ayse Ozden Birkan. ESG practices and corporate financial performance: Evidence from Borsa Istanbul // *Borsa Istanbul Review*. 2021. № IF3.348. URL: <http://doi.org/10.1016/j.bir.2021.07.001> (дата обращения: 18.12.2021).
6. Key ESG trends. 2021—2022. Hogan Lovells. URL: http://www.hoganlovells.com/~media/hogan-lovells/pdf/2021%20PDFs/2021_05_05_ESG_5_Key_Trends.pdf (дата обращения: 05.11.2021).
7. Muhammad Umar Abdul Razak, Wan Zulhafiz Wan Zahari, Abdul Mu'iz Abdul Razak, Azlan Roni, Nurul Ula Ulya. The Legal Framework of Shareholders Activism in Malaysia in Promoting Environmental, Sustainability and Governance (ESG) // *Environment-Behaviour Proceedings Journal*. 2021. № 6(16). P. 203—208. URL: <http://doi.org/10.21834/ebpj.v6i16.2663> (дата обращения: 05.11.2021).
8. Maria Castañón Moats, Paul DeNicola. The Corporate Director's Guide to ESG. Harvard Law School Forum on Corporate Governance. URL: <http://corpgov.law.harvard.edu/2021/12/15/the-corporate-directors-guide-to-esg> (дата обращения: 05.11.2021).
9. Klein F. Green IP — A look at how sustainability influences IP and how IP can help in achieving sustainability. 2020. URL: <http://www.ashurst.com/en/news-and-insights/legal-updates/a-look-at-how-sustainability-influences-ip-and-how-ip-can-help-in-achieving-sustainability> (дата обращения: 14.12.2021).
10. Katie McShane. ESG Regulatory Reform. Harvard Law School Forum on Corporate Governance. URL: <http://corpgov.law.harvard.edu/2021/10/23/esg-regulatory-reform> (дата обращения: 05.11.2021).

ESG PRINCIPLES AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT: LEGAL ASPECTS

Beniamin Shakhnazarov²⁵

Keywords: *ESG principles, sustainability, standards, information disclosure, supply chains, UN goals, EU legislation, soft law, climate changes, reporting transparency, social responsibility, sustainable contracts, intellectual property.*

Abstract.

Purpose of the study: identifying the legal aspects of entrenching and implementing ESG principles in various social processes.

Method of study: the main method used in this study is the formal legal method.

Results of the study: an analysis of international and regional regulatory frameworks for sustainable development is made. Requirements for the disclosure of information, transparency, reports availability and adherence to ESG principles in social relations have a special importance in the ESG agenda context.

Scientific novelty: the author comes to the main conclusion that to achieve the efficiency of standardisation processes in the ESG sphere, the following issues should become the main points of the ESG agenda discussed at the international and domestic legal level: ensuring maximum transparency and an efficient procedure for assessing the compliance of reports with the requirements in close cooperation between business and competent government agencies, setting up a government infrastructure as the base for appropriate activities controlling and stimulating sustainable development, and standardisation of reports and indicators of compliance according to ESG standards. For an efficient implementation of ESG principles and a wide propagation of sustainable development relations it is necessary to use special legal regulation methods, that is, standardisation and determining compliance with ESG principles (the comparative method) which can be taken as a basis for the processes of ESG principles harmonisation in the world.

References

1. Wan Masliza Wan Mohammad, Shaista Wasiuzzaman. Environmental, Social and Governance (ESG) disclosure, competitive advantage and performance of firms in Malaysia. *Cleaner Environmental Systems*. 2021. Volume 2. URL: <http://doi.org/10.1016/j.cesys.2021.100015> (data obrashcheniia: 18.12.2021).
2. Xueying Yuang, Zhongfei Li, Jinhua Xu, Lixia Shang. ESG disclosure and corporate financial irregularities — Evidence from Chinese listed firms. *Journal of Cleaner Production*. 2022. Volume 332. URL: <http://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.129992> (data obrashcheniia: 18.12.2021).
3. Merz Thomas. A Conceptual Framework to Test the ESG Portfolio-Level Performance Hypothesis. 2019. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3358927> (data obrashcheniia: 18.12.2021).
4. A.S. Garcia, W. Mendes-Da-Silva, R.J. Orsato. Sensitive industries produce better ESG performance: Evidence from emerging markets. *Journal of Cleaner Production*. 2017. No. 150. P. 135—147.
5. Ebru Saygili, Serafettin Arslan, Ayse Ozden Birkan. ESG practices and corporate financial performance: Evidence from Borsa Istanbul. *Borsa Istanbul Review*. 2021. No. IF3.348. URL: <http://doi.org/10.1016/j.bir.2021.07.001> (data obrashcheniia: 18.12.2021).
6. Key ESG trends. 2021—2022. Hogan Lovells. URL: http://www.hoganlovells.com/~media/hogan-lovells/pdf/2021%20PDFs/2021_05_05_ESG_5_Key_Trends.pdf (data obrashcheniia: 05.11.2021).
7. Muhammad Umar Abdul Razak, Wan Zulhafiz Wan Zahari, Abdul Mu'iz Abdul Razak, Azlan Roni, Nurul Ula Ulya. The Legal Framework of Shareholders Activism in Malaysia in Promoting Environmental, Sustainability and Governance (ESG). *Environment-Behaviour Proceedings Journal*. 2021. No. 6(16). P. 203—208. URL: <http://doi.org/10.21834/ebpj.v6i16.2663> (data obrashcheniia: 05.11.2021).
8. Maria Castañón Moats, Paul DeNicola. The Corporate Director's Guide to ESG. Harvard Law School Forum on Corporate Governance. URL: <http://corpgov.law.harvard.edu/2021/12/15/the-corporate-directors-guide-to-esg> (data obrashcheniia: 05.11.2021).
9. Klein F. Green IP — A look at how sustainability influences IP and how IP can help in achieving sustainability. 2020. URL: <http://www.ashurst.com/en/news-and-insights/legal-updates/a-look-at-how-sustainability-influences-ip-and-how-ip-can-help-in-achieving-sustainability> (data obrashcheniia: 14.12.2021).
10. Katie McShane. ESG Regulatory Reform. Harvard Law School Forum on Corporate Governance. URL: <http://corpgov.law.harvard.edu/2021/10/23/esg-regulatory-reform> (data obrashcheniia: 05.11.2021).

²⁵ Beniamin Shakhnazarov, Ph.D. (Law), Associate Professor at the Department of International Private Law of Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation. E-mail: ben_raf@mail.ru

ОТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРАВА К ИНТЕЛЛЕКТОЛОГИИ

Леонтьев Б. Б.¹, Леонтьева В. Б.²

Ключевые слова: интеллект, интеллектуальная природа, интеллектуалы, интеллектуальная собственность, интеллектуальное пространство.

Аннотация.

Цель статьи: обосновать естественное эволюционное развитие современных гуманитарных и технических наук к интеграционной науке — интеллектологии.

Методы, используемые в статье: системный подход, комплексный подход, метод АМЦУС — асимметрично-го моделирования ценностей управляемого субъекта, методы статистического анализа.

Полученный результат: обоснован естественный эволюционный переход традиционной системы знаний, основанных на их дисциплинарной дифференциации, к междисциплинарной интеграции научных дисциплин на основе единых для всех научных знаний результатов интеллектуальной деятельности. Единая идентификация результатов интеллектуальной деятельности установлена Стокгольмской конвенцией при создании Всемирной организации интеллектуальной собственности в 1967 году. Ныне членами ВОИС являются 190 государств мира, и, соответственно, единой для всех стран мира идентификационной основой являются объекты, отмеченные в статье 2 (viii) этой конвенции. В части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) они изложены в статье 1225. Права на данные результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц являются основным содержанием нематериальных активов, используемых практически на всех современных предприятиях. Основное преимущество этих активов состоит в том, что именно они являются основным источником доходов и прибылей любых компаний.

Общестатистический стабильный мировой рост числа регистраций патентов, прав на товарные знаки и другие объекты интеллектуальной собственности за последние двести лет показывает, что человечество из одного качественного состояния переходит в новое качество. Биосоциальная природа переходит в состояние интеллектуальной природы.

Отслеживаемые автором тенденции в трансформации мировых отношений в экономике, инноватике, науке и образовании, на основе непосредственной работы с интеллектуалами по вопросам оценки управления правами интеллектуальной собственности, позволили сделать ряд важных научных открытий [1]: определить более точное значение термина «интеллект», открыть третий вид природы как относительно автономный и саморазвивающийся на основе своих специфических законов, закономерностей и эффектов и в итоге обосновать зарождение новой науки, интеграционной для всех научных дисциплин, — интеллектологии, которая строится на своих методологии, методах, языке и аксиоматике.

Научная значимость: феномены ранее неизвестной в науке интеллектуальной природы, зарождения новой интеграционной науки интеллектологии и уточнения термина «интеллект» вместе с новыми элементами структурирования интеллектуального и научного пространства при внимательном отношении российских ученых, по мнению автора, должны зародить и сформировать новую парадигму в мировой науке [2].

DOI: 10.21681/2226-0692-2022-1-12-28

1. Об интеллектуальном праве

С введением в действие с 01.01.2008 г. части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) Россия получила первый в мире единый общегосударственный нормативный акт, интегрирующий все национальные нормы по интеллектуальной собственности. Автором этого документа как законопроект изначально

но был В.А. Дозорцев и его команда юристов, работающих в Правовом центре при Администрации Президента РФ.

В октябре 1996 года В.А. Дозорцев опубликовал свою концепцию этого интегрального нормативного

¹ Леонтьев Борис Борисович, доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, МАГИ, член-корреспондент Инженерной академии им. А.М. Прохорова, эксперт WIPO, эксперт «Фонда Сколково», судебный эксперт, Генеральный директор Федерального института сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: sois2013@yandex.ru

² Леонтьева Валерия Борисовна, кандидат экономических наук, директор направления Федерального института сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: sois2013@yandex.ru

акта под названием «На пороге нового этапа»³ (развитие законодательства о правах на результаты интеллектуальной деятельности). В этой статье он всю объединенную российскую нормативную базу изложил в виде матрицы наподобие таблицы Д.И. Менделеева. В то время автор настоящей статьи был в этом издании редактором отдела «Оценка интеллектуальной собственности и бизнеса», где на страницах «Экономики и жизни», по сути, закладывал основы экономики интеллектуальной собственности. Там же он неоднократно отмечал, что уже в то время в России действовало более 90 различных нормативных актов, регулирующих разные отношения с интеллектуальной собственностью. Уже тогда было понятно, что она должна системно использоваться почти на всех российских предприятиях. Но тогда эффективно использовать ее было практически невозможно ввиду отсутствия единого нормативного акта. К тому же руководители предприятий с этим новым для России ресурсом знакомы не были.

Доктор юридических наук В.А. Дозорцев и доктор юридических наук А.П. Сергеев одновременно и независимо друг от друга предложили Правительству РФ и Госдуме РФ свои концепции такого единого нормативного акта. В итоге был принят вариант Дозорцева В.А. Затем он был обсужден в Госдуме 24.11.2006, а через две недели, 08.12.2006, одобрен Советом Федерации.

Уже в то время, когда одна из участниц рабочей группы по подготовке данного законопроекта Л.А. Трахтенгерц на одной из конференций сообщила нам о подготовке и структуре данного документа, у автора этой статьи возникли вопросы по заключительной части данного документа. Затем при личной беседе с ней было предложено завершить структуру этого документа статьями об уже известных в мире механизмах экономического развития и правоприменения части четвертой ГК РФ. К примеру, мною предлагалось «коммерческую концессию» более подробно представить в заключительной части данного документа, так как речь идет об известных во всем мире способах организации франчайзинга («коммерческая концессия», глава 54, статьи 1027—1040), на что был получен отказ и было указано на неприемлемость упоминания экономических механизмов в правовом поле. Пришлось выслушать в свой адрес критику со стороны собеседницы. До принятия Госдумой и Советом Федерации данного законопроекта он достаточно широко обсуждался на форумах, конференциях и семинарах, посвященных развитию российского законодательства.

К сожалению, до сих пор такое системное завершение этих весьма важных юридических норм так и не состоялось. В итоге транснациональные корпорации, ныне доминирующие во всем мировом рыночном пространстве, в России отсутствуют. Это является прямым следствием незнания, непонимания и неумения руководителей нашего крупного бизнеса работать с интеллектуальной собственностью. Впрочем, этого понимания до сих пор нет во всех российских госкорпорациях. Как системно расширять бизнес на основе интеллектуальной собственности, наши экономисты и управленцы в промышленности до

сих пор не знают и потому не умеют. Российские нормы регулирования интеллектуальных прав не являются чем-то оригинальным, уникальным и сугубо национальным. Все эти нормы многократно обсуждались с зарубежными экспертами и в итоге были гармонизированы с Международными конвенциями по интеллектуальной собственности. В первую очередь это относится к конвенциям Парижской (1883), Бернской (1886), Стокгольмской (1967) и всеми остальными, которых более двух десятков, включая отдельные протоколы Всемирной организации интеллектуальной собственности. Все эти международные нормы и акты с годами фактически не меняются, и лишь изредка в них вносятся незначительные дополнения и поправки. Можно вполне ответственно заявить, что данное мировое нормативное регулирование интеллектуальных прав является самым стабильным в мире среди всех остальных институтов и международных правовых регуляторов. Интеллектуальные права как феномен современной экономики — самые стабильные в мировом институциональном пространстве. Многочисленные диссертации на эту тему лишь расширяют правоприменительную практику, но не более того [3].

А теперь, поскольку эти международные нормы — самые стабильные и широко распространенные в мировом экономическом пространстве, обратимся к статистике регистрируемых и регулируемых в мировой экономике прав на результаты интеллектуальной деятельности. Именно статистика нам может продемонстрировать тенденции развития мировой экономики. А заодно и укажет основной вектор развития цивилизации в целом.

2. Динамика роста регистрации прав

2.1. Статистика изобретательства в СССР

Обратимся к известным источникам, свидетельствующим о динамике изобретательства в СССР⁴.

При социалистической модели управления в СССР за первые три года существования восстановленной после революции ранее действующей патентной системы с 1924 г. по 1927 г. было подано 22023 заявок или в среднем 7341 заявок в год. Из этого количества 3938 заявок (53,63 %) в условиях изоляции Советской России было подано зарубежными заявителями: Германия (2666 заявок), США (245 заявок), Англия (210), Голландия (170 заявок), Швеция (137 заявок) и т. д.

В регулярно издаваемом Патентным ведомством бюллетене «Открытия, изобретения, промышленные образцы и товарные знаки» за 1970 г. было опубликовано в 10 раз больше изобретений, чем за 1946 г. Напомним важные факты истории советской экономики. «Главный инженер страны», как себя называл А.Н. Косыгин, стал в 1964 г. Председателем Совета министров СССР. В 1965 г. в СССР получила старт так называемая косыгинская реформа. Она представляла собой совокупность мер, направленных на повышение эффективности экономики. В разработке реформы участвовали Н.К. Байбаков, А.В.

³ На пороге нового этапа: развитие законодательства о правах на результаты интеллектуальной деятельности // Экономика и жизнь. Ваш партнер. 1996. Октябрь. № 40. С. 20.

⁴ Зыбцев Евгений. Патентная статистика как показатель развития производственной сферы в Украине. URL: <http://www.inventa.ua/ru/patentnaja-statistika-kak-pokazatel-razvitija-proizvodstvennoj-sfery-v-ukraine>

Динамика поступления и рассмотрения заявок на предполагаемые изобретения в СССР за 1965—1974 гг.

Год	Получено заявок, шт.			Рассмотрено на новизну и полезность	Признано изобретениями
	Всего	От организаций резидентов	От нерезидентов		
1965	95026	36723	1250	67263	13765
1966	98507	47614	2470	66902	15870
1967	100570	56400	3427	71398	21870
1968	110428	65784	3950	77015	24905
1969	118998	77105	4546	93026	31310
1970	132452	87676	5012	100706	37960
1971	153907	108670	5237	104527	43663
1972	155470	113873	5112	106459	46792
1973	163254	123388	5635	134001	43337
1974	143422	103353	5858	135753	44104
Всего	1272034	820586	42497	957050	323576

Бачурин, Л.И. Абалкин, А.И. Анчишкин, Л.М. Гатовский, Р.А. Белоусов, В.С. Немчинов, Л.В. Канторович, С.С. Шаталин и др. Основные цели и направления реформы были сформулированы в решениях Пленума ЦК КПСС (сентябрь 1965), постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» от 04.10.1965 и в утвержденном тогда же Советом министров СССР «Положении о социалистическом государственном предприятии». Государственные комитеты по отраслям промышленности и совнархозы были упразднены, вместо них были образованы общесоюзные, союзно-республиканские и республиканские министерства. Территориальный принцип в организации материально-технического снабжения был сохранен. Предполагались: существенное расширение самостоятельности и прав предприятий, переход к стимулированию их деятельности в зависимости от показателей не только количественного, но и качественного, экономически эффективного роста. Важнейшим показателем стала статистика изобретений и рационализаторских предложений⁵. За 1966—1970 гг. было опубликовано почти столько же изобретений, сколько за предыдущие 20 лет. За период с 1966 по 1970 г. в бюллетене было опубликовано в 2,3 раза больше публикаций, чем в 1961—1965 гг., и в 5,2 раза больше, чем в 1946—1950 гг. Наиболее быстрым в эти годы было развитие изобретательства в таких областях, как электро- и радиотехника, электроника, приборостроение и вычислительная техника, средства автоматизации, химия, металлообработка, горное дело, а также сельское и лесное хозяйство,

где количество публикаций об изобретениях возросло в 7—12 раз⁶.

На начальном этапе косыгинских реформ за период с 1969 по 1974 гг. было зарегистрировано примерно столько же изобретений, сколько их было создано за все предшествующие годы Советской власти. Иначе говоря, если для удвоения количества изобретений, зарегистрированных в 1919—1945 гг., потребовалось около 20 лет, то удвоение возросшего фонда изобретений, накопленных за 1919—1968 гг., было обеспечено за 6 лет.

На основании представленных в Таблице I данных видно, что поступление заявок за период 1965—1974 гг. возросло в 1,5 раза (с 95 до 143 тыс.). При этом ускоренными темпами увеличивалось количество заявок, поступающих от отечественных организаций (более чем в 3 раза) и от иностранных нерезидентов (более чем в 4 раза). На всех советских предприятиях были созданы отделы или бюро по изобретательству и рацпредложениям. Активно развивалось Всесоюзное общество изобретательства и рационализации (ВОИР).

Из нижеприведенной таблицы видно, что если в 1965 г. в Госреестр СССР было внесено всего 10,1 тыс. изобретений, то в 1973 г. — 50,5 тыс. изобретений. При этом рост выданных патентов на имя нерезидентов как иностранных заявителей тоже увеличился в 3,6 раза. В итоге, если в 1950 г. в Госреестре СССР насчитывалось всего около 100 тыс. изобретений, то по состоянию на начало 1976 г. количество зарегистрированных изобретений превысило полмиллиона, т. е. возросло за 25 лет в 5 раз⁷.

Из данных, представленных в этой таблице, видно, что за 10 лет количество ежегодно используемых изобре-

⁵ Большая Российская энциклопедия. Энциклопедический словарь / Председатель Науч.-ред. совета Ю.С. Осипов. Отв. ред. С.Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2011. 1519 с., илл., карт.

⁶ Колесников А.П., Обухов В.А. Некоторые вопросы развития изобретательства в СССР // Вопросы изобретательства. 1972. № 4.

⁷ Е.И. Артемьев, Л.Г. Кравец. Изобретения. Уровень техники. Управление. Экономика. М., 1977, с. 48.

Данные о количестве авторских свидетельств и патентов, внесенных в Госреестр СССР за 1965—1974 гг. (Публикация в бюллетене «Открытия, изобретения, промышленные образцы, товарные знаки»)

Год	Внесено в Госреестр СССР				Число авторов	Число публикаций за год	Рег.№ в бюллетене № 1 тек.года
	Всего	От организаций СССР	Авторские свидетельства	Патенты			
1965	10146	2910	10094	52	26247	10165	167195
1966	13226	6941	13055	171	37304	12426	177360
1967	20336	13337	19828	507	53626	16673	189786
1968	25453	18790	24617	829	79719	25700	206459
1969	26626	20984	25911	715	81554	26221	232159
1970	32466	26105	30743	1723	100973	30636	258180
1971	35632	29505	33631	2001	112700	34270	288816
1972	41148	34435	38832	2516	129147	37820	323086
1973	50519	44129	48182	2337	162668	48755	360906
1974	43044	38225	41199	1845	138643	46059	409661
Всего	298596	235361	286092	286092	922581	288725	

тений возросло с 10,5 до 39,8 тыс., т. е. почти в 4 раза, а впервые используемых изобретений — с 6,2 до 12,2 тыс., или в 2 раза. За этот же период полученная на советских предприятиях экономия от использования изобретений возросла с 183,3 до 385,2 млн руб. В 1975 г. эта экономия от использования изобретений составила уже 650 млн руб.

При этом за период 1964—1973 гг. количество использованных рационализаторских предложений возросло с 2,7 до 3,7 млн руб., а общая экономия от их использования — с 1,591 до 3,393 млрд руб. По состоянию на 1976 г. общая сумма экономии от использования изобретений и рационализаторских предложений составляла около 5 млрд руб. В условиях плановой административной экономики сумма экономии рассчитывалась на основе тех показателей, которые предоставляли предприятия, где внедрялись рацпредложения и изобретения. Поэтому сравнивать эти суммы экономии с современными показателями доходов и прибыли было бы не вполне корректно.

Тем не менее эта статистика со всей очевидностью демонстрирует стабильный ежегодный рост изобретательской деятельности. Процесс ежегодного роста результатов интеллектуальной деятельности здесь виден по всем показателям. Количество граждан и организаций, вовлекаемых в процесс интеллектуализации в советской экономике, ежегодно стабильно увеличивалось.

2.2. Континентальная статистика

Изобретение как объект интеллектуальной собственности во всех странах мира является наиболее сложным и трудоемким по процедуре оформления заявочной документации, предоставляемой в патентное ведомство. Для упрощения такой оформительской процедуры юристами в мире придуманы полезные модели

как конструкционные наиболее наглядные изобретения, не требующие по их регистрации соблюдения критериев касательно мировой новизны. Их называют малыми изобретениями, интересными заявителю тем, что их заявку оформляют в 2—3 раза быстрее для последующей их подачи и более быстрой регистрации в национальном патентном ведомстве.

Ниже мы предлагаем взглянуть на статистику подаваемых в мире заявок на полезные модели по континентам, которую систематически фиксирует Всемирная организация интеллектуальной собственности. Здесь приведены данные за период с 1985 по 2014 годы. Данный рост числа заявок по континентам демонстрирует, в частности, экономический рост в странах различных континентов. Статистика за этот тридцатилетний период продемонстрировала повсеместное интеллектуальное развитие и творческий рост в общей массе населения всех представленных ниже континентов.

Мировая статистика данного тридцатилетнего периода наглядно демонстрирует творческий рост у деятельностной части населения фактически всех континентов. Процесс интеллектуализации деятельностной части населения самых разных стран мира сегодня для всех аналитиков вполне очевиден.

2.3. Статистика заявок и патентов стран-лидеров

Проанализируем изменения статистики за последнее десятилетие по подаваемым заявкам на патентование и статистики действующих патентов, включая патенты на изобретения, патенты на полезные модели и промышленные образцы (промдизайн). Сегодня мировыми лидерами экономического развития являются Китай, США, Япония, Германия и Южная Корея. Именно

Данные Всемирной организации интеллектуальной собственности

Год	Число поданных заявок на полезные модели в мире	Ежегодный процент роста, %	Азия	Африка	Европа	Океания	Сев. Америка	Лат. Америка и страны Карибского бассейна
1985	284312		229029	11	52927			2351
1986	291333	2,469	236639		51957			2737
1987	274905	-5,639	243273	39	28420			3202
1988	245441	-10,718	216918	37	25480			3035
1989	224857	-8,387	195974	6	26073			2806
1990	216721	-3,618	188995	12	24758			2964
1991	203743	-5,988	174560	33	26034			3141
1992	200142	-1,767	167953	50	29487			2688
1993	195121	-2,509	157277	61	34676			3154
1994	142786	-26,822	103380	76	36169			3218
1995	159800	11,916	119269	68	36465	348		3698
1996	174900	9,449	133448	5	37387	349		3715
1997	152400	-12,864	110710	322	39860	463		1301
1998	134600	-11,680	92658	54	37587	469		3864
1999	143800	6,835	100035	46	39327	620		3783
2000	163200	13,491	118123	107	39770	654		4611
2001	176900	8,395	132224	216	38947	898		4736
2002	193300	9,271	148198	1102	38453	989		5402
2003	211900	9,622	162349	211	43621	1040		4798
2004	215200	12,557	162664	281	46518	1093		4803
2005	247500	15,009	192521	303	49222	1059		4593
2006	266800	7,798	210402	386	50719	1076		4460
2007	273000	2,324	223327	1075	43152	1229		5002
2008	313700	14,908	259108	68	48738	1255		4566
2009	399600	27,383	344163	41	49457	1320		4624
2010	497900	24,600	439545	43	52561	1465		4292
2011	670800	34,726	612557	96	52183	1690		4295
2012	827700	23,390	768562	174	52691	1856		4476
2013	978400	18,207	918934	160	52935	1676		4595
2014	948900	-3,015	893276	175	49640	1523		4282
Итого	9429661		8056071	5258	1235214	21072	0	115192
Удельный вес от общего числа поданных заявок на полезные модели в %			85.433	0.056	13.099	0.223	0.000	1.222

Таблица IV

Сводная статистика WIPO по патентам
от Германии, Китая, Республики Корея, США, Японии за 2009—2019 гг.

Общее число патентных заявок	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Китай	241435	308326	436168	561405	734093	837813	1010524	1257425	1306080	1460246	1328067
США	398212	433140	440719	473462	501134	509510	530659	522064	525467	515209	521735
Япония	463651	468441	475070	490271	473139	465971	457948	456549	460771	460376	453816
Респ. Корея	170233	178654	187752	203835	223527	230553	238185	233801	226614	232021	248551
Германия	162437	173691	175653	183044	184487	179499	175418	177176	176406	180091	178359
РФ	28860	32838	31464	34379	34067	28512	33796	31833	27807	30696	29712
Общее число выданных патентов	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Китай	68500	84813	118128	152096	154470	176345	279508	322516	352567	377305	399878
США	158165	190875	202069	229117	244162	254654	257069	277090	285757	289080	309644
Япония	255548	286846	304668	343524	340228	297019	271149	289235	285983	284068	283926
Респ. Корея	63804	76000	97702	112111	123839	127394	109108	120545	131577	131912	141552
Германия	64878	70663	72811	77081	81294	83127	86854	99713	98956	101556	105181
РФ	28068	23633	22179	24400	23358	26048	24996	24229	24807	23627	23401

	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	Действующие патенты
Япония	3033603	1296054	2829309	2710086	2666373	2617186	2545667	2373591	2122056	2051789	1955052	
США	2984316	2641030	2380074	2132018	2038380	1927140	1820479	1668009	1501882	1455647	1455647	
Китай	2141671	1813154	1519248	1236509	981592	755257	622014	499021	367582	271301	189343	
Респ. Корея	1177368	1064350	990335	932710	876558	833317	756453	679905	608858	566895	547341	
Германия	975174	807791	678874	551018	506775	465995	422392	390958	287982	360125	349946	
РФ	175821	172895	167094	159773	153546	148338	139472	132150	124892	142358	130823	

в этих странах наиболее развита инновационная экономика. И именно в этих странах ускоренными темпами происходит интеллектуализация деятельности части населения, ориентированная на воспроизводство новшеств во всех сферах экономики.

Здесь мы со всей очевидностью можем заметить, что известные экономически развитые страны непрерывно прогрессируют, демонстрируя стабильный рост регистрации прав на результаты интеллектуальной деятельности. А то, что демонстрирует статистика Роспатента, которую публикует Всемирная организация интеллектуальной собственности, убеждает нас, что наши государственные органы проблемами интеллектуализации деятельности части нашего населения системно и профессионально не занимаются.

В период с 2009 по 2019 гг. в России Правительство РФ не имело убедительных и системно выстроенных результатов экономического роста, поскольку творческая активность была намного ниже, чем в ведущих экономиках мира. Однако мир без учета нефтегазово ориентированной экономики России стабильно развивался и демонстрировал высокий рост интеллектуализации деятельности части населения в своих странах.

3. Результаты анализа

Основной вывод из анализа вышеприведенной статистики, которую автор как эксперт ВОИС начиная с 1997 года наблюдал за весь этот период своего сотрудничества с ВОИС, состоит в том, что:

- во-первых, мир весьма активно и быстро интеллектуально развивается;
- во-вторых, нет никаких веских оснований думать, что интеллектуальное развитие в мировом сообществе вдруг как-то будет остановлено, и тем более что вдруг начнется всеобщая деградация;
- в-третьих, человечество в своей деятельности эволюции давно и постепенно переходит в свое новое качество, более интеллектуальное, чем это мы наблюдали за последние десятилетия и тем более за последние столетия;
- в-четвертых, институализация и интеграция мировых отношений происходит на основе интеллектуализации всех без исключения отношений в национальных экономиках и тем более мировой экономике;
- в-пятых, мы являемся сегодня свидетелями перехода человечества из общества с биологической (эгоистической) и биосоциальной доминантой в новое общественное качество отношений с интеллектуальной (альтруистической) доминантой. Сегодня человечество в научно-технической сфере явно демонстрирует все количественные и качественные признаки интенсивного развития «интеллектуальной природы» [4];
- в-шестых, возникновение крупных институциональных процессов интеллектуальной природы в интеллектуальном пространстве и во времени позволяет выделять комплексы новых феноменов, законов и закономерностей интеллектуальной природы [5];
- в-седьмых, выявленное нами за последние десятилетия множество новых эффектов, законов и закономерностей интеллектуальной природы естественным образом приводят нас к необходимости обосно-

вания создания **новой науки, «интеллектологии»**. Эта новая наука позволяет интегрировать все современные научные знания на базе выявления в них результатов интеллектуальной деятельности, имеющих единую мировую нормативную базу [6].

Появление этого единого общесистемного и междисциплинарного научного знания уже давно предсказывали многие мудрецы, начиная с Платона и Аристотеля. Однако разрешить эту проблему удалось лишь сегодня и именно в России. Важнейшим стимулятором появления интеллектологии стало ранее отсутствовавшее обоснование более точного определения термина «интеллект». В нашем понимании **«интеллект — это способность эффективно выявлять и разрешать проблемы»**. В дополнение к основному определению мы имеем и другие. **«Интеллект — это способность управлять своим временем — настоящим и будущим — в своем интеллектуальном пространстве»**. И не лишним будет сообщить и третье наше определение этого ключевого термина. **«Интеллект — это способность регулярно и системно воспроизводить актуальные и ценные результаты интеллектуальной деятельности»**. При этом все интеллектуалы уникальны по своим знаниям и способностям. Они неповторимы и не взаимозаменяемы, как рабочий класс и представители рутинного труда. И против них всегда молчаливо выступает и противодействует бездарное управленческое большинство, все недостатки которого хорошо понятны самим интеллектуалам.

Именно от этого завистливого «псевдолидерского сословия» в свое время страдали Платон, Данте Алигьери, Ломоносов, Менделеев, Богданов-Малиновский, Циолковский, Чижевский, а также Курчатов и Королев, которых самоорганизовавшиеся академики не желали видеть в своих рядах.

4. От интеллектуальной собственности к интеллектуальной природе

Первая специальная научная статья об открытии интеллектуальной природы у нас вышла в академическом издании журнала «Библиосфера» в 2014 году, где обосновывались базовые составляющие этого вида природы как ранее существовавшего с момента появления человека, так и его расширяющихся долгосрочных перспектив⁸. В этой статье понятие «интеллект» еще недостаточно вызрело, но уже тогда мы придерживались общепринятого определения среди философов, социологов и обществоведов.

Интеллект (лат. “intellectus” — разумение, представление, познание) — система познавательных способностей индивида. Интеллект очевиднее всего проявляется в легкости научения, способности быстро и легко приобретать новые знания и умения, в преодолении неожиданных препятствий, в способности найти выход из нестандартной ситуации, умении адаптироваться к сложной, меняющейся, незнакомой среде, в глубине понимания происходящего, в творчестве. Высокий уровень развития интеллекта определяется по уровню развития мышления, рассматриваемого в един-

стве с другими познавательными процессами — восприятием, памятью, речью и т. п.⁹. В этом определении, где перечисляются познавательные процессы, к сожалению, среди важнейших не отмечено «воображение» как способность абстрактно мыслить и моделировать системные решения в структуре различных феноменов. Впоследствии мы это определение достаточно определенно установили. Второй раз напомним, что **интеллект — это способность выявлять и разрешать проблемы**. В вышеприведенном философском определении сказано примерно то же самое, но не столь лаконично и не упоминающая понятие «проблема», что для любого человека и тем более интеллектуала, ученого, изобретателя, деятеля искусства, литератора и политика является ключевым в его повседневной деятельности. Именно воображение во вселенском масштабе позволило тысячам мудрецов, ученых и аналитиков перейти от ценностей материального мира к нематериальному.

Изобретение формальных ценностей — **денег — как количественного эквивалента оценки благополучия, а также права как качественной оценки справедливости отношений** постепенно перевели внимание интеллектуалов, ищущих единое научное знание, к комплексной оценке благополучия через экономико-правовые критерии.

Фактическое накопление капитала и высокий социальный статус стали постепенно основными критериями успеха и справедливости на Западе, где идеология выживания сильнейших сегодня глубоко укоренилась. «Выживает сильнейший» — мы все слышали эти слова, к которым прибегают, описывая общество как джунгли, где царит закон конкуренции. Так сказал один из пионеров социологии Герберт Спенсер (1820—1903), чьи идеи о социальном неравенстве и поныне имеют множество сторонников. Спенсер, живший в Англии, был рьяным приверженцем теории Чарльза Дарвина (1809—1882). Согласно его концепции биологической эволюции, по мере приспособления к естественной среде происходят постепенные изменения видов. Спенсер, желая применить теорию Дарвина к жизни общества, предположил, что оно представляет собой своеобразные «джунгли», в которых «наиболее приспособленные» люди поднимаются к вершине, а слабые постепенно ввергаются в нищету¹⁰.

Благодаря сложившейся в США и на Западе идеологии успеха, где богатые достаточно уверенно приобретают любой высокий социальный статус, за последние полтора столетия фактически сформировалось «мировое правительство» из класса банкиров и наиболее успешных предпринимателей-промышленников [7].

В США эта точка зрения была популярна среди влиятельных промышленников того времени. Джон Д. Рокфеллер (1839—1937), который нажил огромное состояние на нефти, рассказывал «социальное евангелие Спенсера» маленьким детям в воскресной школе. По Рокфеллеру, развитие гигантских корпораций — и невероятное богатство их владельцев — очевидный факт природы. Ни Спенсер, ни Рокфеллер не испытывали большой симпа-

⁸ Леонтьев Б.Б. Феномен интеллектуальной природы // Библиосфера, № 3. 2014. С. 90—96.

⁹ Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. Мн. : МФЦП, 2002. С. 314.

¹⁰ Масионис Дж. Социология. Пер. с англ. 9-е издание. СПб., 2004. С. 349.

тии к бедным, рассматривая нищету как свидетельство непригодности в мире конкуренции. Спенсер выступал против программ социального обеспечения, считая их штрафом, взимаемым с «лучших» членов общества (через налоги) и поощрением «худших» членов общества (через выгоды социального обеспечения)¹¹.

Именно идеологии, формирующие менталитет наций и соответствующих исследователей, ищущих интеграционные знания, до сих пор не позволяли и сегодня затрудняют переход из сферы материальных и формализованных ценностей к интеллектуальным. Появилась точка зрения, что «...помимо ряда внешних факторов, позиция исследователя природы человека все больше определяется осознанным нравственным и интеллектуальным выбором. Впрочем, ближайшая задача состоит не в открытии новых сфер исследования, а в приведении в порядок и переосмыслении достигнутого компендиума знаний о «человеке историческом». Перефразируя мысль австрийского зоопсихолога и этолога Конрада Лоренца, хочется призвать гуманистов и представителей социальных наук создать новое «равновесие между поддержанием традиции и разрывом с прошлым». Именно это способно вернуть человекознанию центральное место в культурном и научном пространстве современной эпохи. В свою очередь, это повышает интегративный потенциал истории в общем ансамбле социогуманитарных наук»¹².

На смену оценки успешности человека по финансовым и статусным показателям грядет более прогрессивная оценка по показателям интеллектуальной результативности не только в творческом воспроизводстве, но и в реализуемости своих интеллектуальных достижений. Интеллектуальная состоятельность, которая уже широко оценивается в США, КНР, Германии, Японии, Южной Корее и других странах-лидерах инновационной экономики, в ближайшие годы станет одним из важнейших критериев оценки интеллектуалов и в России.

Открытие нами интеллектуальной природы [1, 2] не происходило одномоментно и спонтанно лишь на основе статистики ВОИС, оцениваемой начиная с момента создания этой организации, то есть с 1967 г. Предварительно мы уже имели десятки ранее накопленных за многие годы нашей деятельности закономерностей интеллектуального развития многообразных отношений в мире. Причем свои наблюдения и оценки мы вели во всех ведущих странах.

Еще в начале 80-х годов нами были выявлены фундаментальные свойства идей и классифицированы сферы их эффективного использования, а также базовые формы идей (эффекторы, циклоиды и идеосферы). Были открыты базовые этапы самообеспечения, наблюдаемые у всех субъектов интеллектуальной природы, изначально идущих через безопасность, затем через комфортность и в итоге через самовыражение. Здесь и критерии состоятельности всех субъектов и их идей во всех ситуациях интеллектуальной природы, а также факторы «интеллектуального начала» во всех субъектах интеллектуальной природы. Здесь и обнаружение «эквивалентной логики» и

«языка природы», на котором она общается внутри себя и выстраивает наиболее устойчивые формы и содержание своих объектов и субъектов, и логика распознавания основных функций всех природных и общественных феноменов, что позволяет эффективно управлять сложными процессами и прогнозировать их развитие [4; 5; 6; 7].

Поэтому единой точки отсчета самого момента данного открытия третьей природы, которое впервые в ярко выраженной форме было описано в работах [1, 2, 3], и создания принципиально новой системы знаний как таковой не было. В целом это был плавный эволюционный переход из одной сферы традиционных знаний, эклектичных по своей сути, сферы, находящейся в основном в области общественных и социальных наук, в новую сферу знаний об интеллектуальных ценностях и отношениях в сфере интеллектуальной природы. Эта всеобщая многолетняя потребность в науке в итоге разрешилась в пользу создания новой дисциплины, интеллектологии. Здесь основными критериями измерения и оценок являются давно известные во всем мире результаты интеллектуальной деятельности, права на них, их формы и содержание. На этом выстроены механизмы регистрации и продвижения прав на результаты интеллектуальной деятельности в ВОИС, ВТО и всех государствах мира.

На вопрос о том, были ли попытки создать подобную междисциплинарную научную дисциплину в качестве интеграционного знания во всей системе социальных знаний, мы можем ответить утвердительно: такие попытки были [8]. Более того, таких попыток в истории было множество. Этим были озабочены многие мудрецы древности, а затем и ученые, начиная с Аристотеля, создателя метафизики как интеграционного знания. Примерно то же самое в форме философских трактатов предпринимали Декарт, Лейбниц, Локк, Кант, Гегель, Кондильяк. Достаточно близко к решению этой задачи подошли де Траси и Кабанис, создававшие идеологию. Это же пытался сделать Макс Вебер, создатель социологии как интеграционного знания. И это же предпринимал полвека назад Людвиг фон Мизес, создатель прагматологии как деятельностной теории, поглотившей всю экономику.

5. О социально-философской антропологии

Весьма интересное исследование относительно всеобщих правовых принципов человека и его ответственной деятельностной ориентации в формируемой им ноосфере провел д. и. н. В.С. Барулин. Обращаясь к тексту «Всеобщей декларации прав человека» (1949), он, в частности, обращает внимание на природу самих прав человека на общество.

Общество в целом является объектом права человека. Исходя из этого, человек вправе иметь именно свое общество в целом. Оно — его общество и именно потому, что оно по своему глубочайшему смыслу возникает, существует, развивается, функционирует как форма человеческого бытия, как форма существования, развития и функционирования человека [8]. Право человека на общество, как известно, включает в себя:

- ▶ право на свободное, творческое, смысло-ценностное самоутверждение человека в обществе;
- ▶ право на созидание общества в соответствии со своими идеалами, ценностями, устремлениями;

¹¹ Масионис Дж. Социология. Пер. с англ. 9-е издание. СПб., 2004. С. 349.

¹² Орлов И.Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания. [Текст] / И.Б. Орлов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 156.

- › право на выбор общества;
- › право на сохранение данного общества;
- › право на изменение данного общества;
- › право на отказ от данного общества¹³.

Признание права человека на общество базируется на следующих предпосылках:

- › человек понимается как всеобщее-индивидуальный субъект, субъект духовности, творчества, свободы, как субъект — носитель всей культуры;
- › общество понимается как высшая человеческая ценность, оптимальная форма смысло-ценностной свободной самореализации человека в единстве со всеми людьми;
- › осуществление любого права человека, в первую очередь права человека на общество, должно осуществляться так, чтобы не наносить ущерба другим людям, а оптимально способствовать реализации их прав¹⁴.

Суть интеллектуальной природы достаточно точно изложена в этих тезисах «Всеобщей декларации прав человека». Что же касается прав на результаты интеллектуальной деятельности [9], то намного раньше появления этой Декларации они были закреплены и приняты, по сути, всем мировым сообществом в Парижской конвенции (1883), Бернской конвенции (1886), Стокгольмской конвенции (1967) и остальных сопутствующих международных конвенциях и договорах [9].

6. Экономика и праксеология

Пожалуй, в медленном поглощении экономической теории новой праксеологической¹⁵ теорией фактически сконцентрирована вся эволюция современной научной мысли относительно рациональности и эффективности деловых и деятельностных отношений. Эта предпосылка эволюционно вызревала в последние 300 лет истории цивилизации.

Наша теория интеллектологии — **науки об интеллектуальной деятельности человека, включая его игровые интересы и предпочтения**, также эволюционно созревала для ее выделения и самостоятельного методологического обоснования. Но это мы ощутили лишь сегодня.

Только сегодня мы в состоянии сказать, что такое «интеллект», «результаты интеллектуальной деятельности», «права на результаты интеллектуальной деятельности», «интеллектуальная собственность», «стоимость прав на результаты интеллектуальной деятельности» и так далее. По сути, эта новейшая система знаний, протекающая из истории интеллектуального развития человека и всей цивилизации, поистине междисциплинарна и общесистемна во всей современной системе научных знаний [15]. Этими междисциплинарными знаниями сегодня владеют лишь редкие самородки-практики, склонные к теоретизации своих знаний, самого широкого их практического применения и быстро растущей востребованности их и в науке, и в практике. Этими

знаниями в отсутствие именно таких междисциплинарных учебников и учебных пособий сегодня в системном виде, к сожалению, пока не владеют ни философы, ни руководители высшего уровня управления во всех сферах деятельности, ни политики. И именно в таком узкодисциплинарном образовании состоит одна из основных причин современной всеобщей интеллектуальной деградации, о которой говорил А.А. Зиновьев в своем последнем гениальном труде¹⁶, говоря об «интеллектуальном состоянии человечества».

Изобретение денег и их активное вхождение во все сферы человеческих товарно-денежных отношений более трехсот лет назад зародили и пошагово стали развивать «научную экономическую теорию» — экономику. Попытки обосновать новый тип человека — «человека экономического» — в итоге потерпели неудачу. Основные достоинства человека оказались не в экономике и не в его рациональном образе действий ради выгоды. Ориентация на выгоду — это скрытый путь к медленной деградации, прежде всего — духовной, нравственной, интеллектуальной. Поэтому около 70 лет назад возникла новая научная теория — деятельностная, названная праксеологией, ныне объединяющей разнообразную группу праксеологических концепций.

Праксеология (от греч. πρᾶξις, «деятельность», и -логия) — название различных концепций, претендующих на создание общей теории эффективной человеческой деятельности. Сложились три основных традиции в понимании праксеологии. Первая (в ней употребляется термин «праксиология») изначально возникла в русле австрийской школы после выхода трактата Л. фон Мизеса «Human action» (1949, в рус. пер. — «Человеческая деятельность», 2000) как эпистемологическое название предельной полезности теории и экономического либерализма с ориентацией на критику социализма и макроэкономической политики. Праксеология в трактовке Мизеса включает как составную часть каталлактику — «общее учение» о товарном обмене или экономическую теорию рыночного общества, понимаемого как конкурентный капитализм¹⁷.

Внимательно изучая праксеологию, где говорится, что экономическая теория не является самостоятельной, а является лишь частью деятельностной теории, мы обращаем внимание на то, что автор праксеологии Людвиг фон Мизес¹⁸ постоянно напоминает, что вся праксеология является порождением человеческого разума. И поскольку первая публикация «Деятельностной теории» состоялась в 1949 году, когда еще не возникла Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO),

¹³ Барулин В.С. Основы социально-философской антропологии. М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. С. 435.

¹⁴ Там же. С. 435—436.

¹⁵ Праксеология, также праксиология — совокупное название учения об эффективности человеческой практической деятельности.

¹⁶ Зиновьев А.А. Фактор понимания / А.А. Зиновьев. М.: Агентство «Социальный проект», 2011. (Философский бестселлер). С. 508—512.

¹⁷ Большая Российская энциклопедия : в 35 т. / Председатель Науч.-ред. совета Ю.С. Осипов. Отв. ред. С.Л. Кравец. Том. 27. М.: Большая Российская энциклопедия, 2014. С. 382—383.

¹⁸ Людвиг фон Мизес (нем. Ludwig Heinrich Edler von Mises), экономист, философ, историк, праксиолог, сторонник классического либерализма, внесший значительный вклад в развитие австрийской школы экономики. Наряду с Ф. А. фон Хайеком является одним из основателей философии либертарианства. Родился 29 сентября 1881 в г. Лемберге (Львове), Королевство Галиции и Лодомерии, Австро-Венгрия (современная Украина). Скончался 10 октября 1973 г. в Нью-Йорке, США.

учрежденная в 1967 году, то было совсем рано говорить о феномене интеллектуальной собственности и тем более об интеллектуальной природе [7].

Однако нам крайне интересен сам автор праксеологии. Людвиг фон Мизес — австро-американский экономист, окончил Венский университет (1906), профессор того же университета (1913—1938). В 1920—34 руководитель финансового управления Венской торговой палаты, в 1934—40-х гг. работал в Женевском институте международных исследований. В 1940 г. эмигрировал в США, в 1945—69 гг. — профессор Нью-Йоркского университета. Один из основателей и постоянных участников общества сторонников либерализма в экономике и политике («Мон Перелин», Mont Perelin Society)¹⁹.

Однако, помимо Мизеса, праксеологию стали разрабатывать и в других странах, понимая актуальность проблемы и явный дефицит знаний теоретической экономики, сосредоточенной на факторе финансово-денежных отношений.

Так, принципиально отличное понимание праксеологии развивалось в Польше по почину Т. Котарбиньского, основателя журнала «Praxeologia» (1962), — как общетеоретический раздел науки об организации труда и руководстве предприятиями. Предшественниками праксеологии он называл французского философа и историка экономических учений А. Эспинаса, который ввел в оборот слово «праксеология» (1890), А.А. Богданова, создателя «всеобщей организационной науки — тектологии» (1913—22), и Е.Е. Слуцкого — автора статьи «К формально-праксеологическому основанию экономической науки» (1926, опубликованной на украинском и немецком языках). В трактовке школы Котарбиньского праксеология охватывает 3 группы проблем:

1. аналитическое описание, характеристику, классификацию и систематизацию практических действий;
2. формулировку общих законов, определяющих эффективность действий;
3. изучение генезиса и эволюции различных видов деятельности, движимых силой традиции и изобретательностью.

В такой постановке задач праксеология сближалась с разработкой системы общих технических рекомендаций и предостережений применительно к профессиональной, индивидуальной и коллективной деятельности²⁰.

Однако праксеология отчасти выстраивалась на организационной теории А.А. Богданова-Малиновского, опубликованной неоднократно начиная с 1912 г. Напомним, что А.А. Богданов²¹ в своей «Тектологии» объясняет читателю **появление этой организационной**

науки, тектологии, как своевременную историческую необходимость и как новую научную возможность существенно продвинуться в самоорганизации человечества.

«Всякая человеческая деятельность объективно является организующей или дезорганизующей. Это значит: всякую человеческую деятельность — техническую, общественную, познавательную, художественную — можно рассматривать как некоторый материал организационного опыта и исследовать с организационной точки зрения. В обыденной речи словам «организовать», «организация», «организаторская деятельность» придается смысл более узкий, специальный. Но если мы захотим дать понятиям научную определенность и точность, то этот обыденный смысл их не может быть удержан как смутный и заключающий в себе непоследовательности. Всего чаще термин «организовать» употребляется тогда, когда дело идет о людях, об их труде, об их усилиях. «Организовать предприятие», «организовать армию» или «кампанию», «защиту», «атаку», «исследование» и т. п. — значит сгруппировать людей для какой-нибудь цели, координировать и регулировать их действия в духе целесообразного единства. Но анализируем ближе один из этих примеров, положим, наиболее типичный — «организовать предприятие», и немедленно обнаружится, что даже тут понятие шире, что оно относится не только к человеческим активностям. Организатор предприятия объединяет работников, комбинирует их трудовые акты. Многие из этих актов могут быть замещены движениями машин. Когда вводится машина, то перед организатором задача выступает в таком виде: координировать, то есть целесообразно организовать действия работников с работой машин. Организуемым объектом оказываются и живые, и мертвые активности, взятые вместе. Но машина есть одно из орудий, более сложное, чем другие, и только. В технике орудия представляют дополнение органов тела, организационных элементов рабочей силы; и улучшение всякого орудия или введение нового обуславливает перегруппировку рабочих сил или изменение связи трудовых действий. То же, в разной мере, относится и к другим средствам производства. Следовательно, задача здесь такова, чтобы сорганизовать рабочие силы и средства производства в планомерно функционирующую систему; это организация людей и вещей в целесообразное единство. Когда изобретатель комбинирует и строит машину, то у него элементами, которые он организует для заранее поставленной цели, служат вещи с их специфическими энергиями: «мертвая» машина может и в отдельности рассматриваться как некоторая организованная система, хотя эта ее характеристика едва ли привычна для обыденного мышления»²².

Этот труд с 1916 по 1926 годы на немецком языке переиздавался четырежды. И его идеями в 1940 году воспользовался Бергаланфи²³, написавший «Всеобщую

¹⁹ Большая российская энциклопедия (БРЭ), том 20. М.: Изд. БРЭ, 2012. С. 235.

²⁰ Большая Российская энциклопедия. Том 27. М.: БРЭ, 2014, с. 383.

²¹ «Тектология» — самый главный труд жизни замечательного соотечественника — Александра Александровича Богданова (настоящая фамилия — Малиновский) (1873—1928). А.А. Богданов известен как общественный деятель, участник первой русской революции, один из лидеров Российской социал-демократической рабочей партии, соратник В. И. Ленина (до 1908 г.), философ, экономист, писатель-фантаст, врач-психиатр и ученый-естествоиспытатель, основатель первого в мире Института переливания крови.

²² Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003. С. 29.

²³ Общая теория систем (ОТС) — предложенная австрийским философом биологии Людвигом фон Бергаланфи методологическая концепция, описывающая закономерности строения, поведения, функционирования и развития систем. Ее основная идея заключается в поиске соответствий, позволяющих понять законы одной системы благодаря знанию другой, независимо от того, принадлежат ли они одному виду.

теорию систем», ставшую основой кибернетики Н. Винера и Р. Эшби, а далее К. Шеннон как основатель информатики и всей последующей компьютерной информационной теории.

Тем не менее в других странах праксеология как знание, актуальное и интегрирующее все научные социальные и технические дисциплины, в понимании других авторов стала приобретать иные формы выражения.

Французская традиция праксеологии восходит к книге «Война и мир между нациями» (1962) Р. Арона, который предложил определять прикладные социологические исследования международных отношений как праксеологию. Т. Де Монбриаль (2002) определил праксеологию как науку об организованных человеческих действиях, направленных на изменение какой-либо части существующего мира и рассматриваемых под углом осуществления власти. В этой трактовке предмет праксеологии — человеческие группы как активно-деятельные образования, индивидуальные члены которых связаны между собой устойчивой системой практических действий и организацией; эффект действия распространяется на всю совокупность группы и направлен на цели одновременно внутреннего и внешнего характера. Прикладные аспекты праксеологии связаны конфликтологией в условиях глобализации²⁴.

В России, развивая идеи Мизеса, недавно вышел большой обстоятельный труд д.ю.н., проф. В.Ф. Попондопуло [10] о юридических аспектах человеческой деятельности. В нем права человека отображены во всех сферах человеческой деятельности, включая сферы частных, общественных и государственных отношений [9].

Таким образом, интеллектология получает еще один этап своего научного взросления через широко известную праксеологию.

7. Важные структурные аспекты интеллектологии

Основной особенностью нашей интеллектологии является использование совершенно иного, ранее неизвестного ученым, единого языка природы как неживой и живой, так и интеллектуальной. Первый язык физической природы всем хорошо известен — это математика, где известная системная сочетаемость чисел как количественных величин в природе действует и во времени, и в пространстве. Здесь закономерности сочетаемости чисел в геометрических, тригонометрических, дифференциальных, фрактальных и прочих сферах знаний достаточно широко известны. Физик, не владеющий математическим аппаратом, физиком быть не может. Это количественный язык.

Однако до сих пор, по сути, не был известен второй язык природы — **качественный**, где используется иная логика качественных оценок, переходов, сочетаний и взаимозависимостей. В этом языке применяется логика функциональных эквивалентов. Это — функциональная логика функциональных эквивалентов. В предыдущих своих публикациях мы называли ее эквивалентной логикой. На ней мы построили свой Метод асимметрично-моделирования ценностей управляемых феноменов

(АМЦУФ)²⁵. Эта логика позволяет по-иному оценивать любую природу, в первую очередь интеллектуальную.

В минимальной форме интеллектуальная природа имеет свою внутреннюю структуру материи, пространства, времени и энергии [4].

Интеллектуальная материя состоит из субъектов и объектов интеллектуальной природы. Субъектами иерархии являются личности, семьи, организации научные, социальные, экономические, технологические. Объектами являются идеи, концепции, технологии, системы, системные организации, материализуемые в идеях, технологиях, системах обеспечения благ и потребностей. Все они являются **эффекторами** интеллектуальной природы.

Интеллектуальными пространствами являются субъектные и объектные пространства. Все они являются идеосферами интеллектуальной природы, живущими по своим законам.

Интеллектуальными временами являются завершённые и незавершённые циклы отношений в интеллектуальной природе между субъектами и объектами интеллектуальной природы и других природ (неживой и биологической).

Интеллектуальной энергией является интеллект в различных его сочетаниях, а также его эквивалентные формы, способные понимать и разрешать актуальные и стратегические проблемы и вытекающие из них цели и задачи, включая ресурсное самообеспечение.

Интеллектуальная природа — это лишь фрагмент живой природы, которая состоит из пяти частей, эволюционирующих во времени и пространстве. Этот живой мир состоит из пяти разных по сложности организмов: вирусов — бактерий — растений — животных — человека. Центральным элементом здесь являются растения — это осевой элемент в симметрично-асимметричной системе. По технологии воспроизводства растительного мира развиваются все прочие организмы, находящиеся справа и слева от оси, то есть, от растительного мира.

Технология воспроизводства растительного мира состоит из трех базовых стадий, этапов или элементов:

- семенной материал;
- посадка и выращивание растений;
- плодоношение, сбор и использование продуктов.

Без семенного материала и процесса выращивания в благоприятных условиях никаких полноценных растений и тем более полноценного плодоношения быть не может.

В интеллектуальной природе происходит все то же самое. Здесь есть семенной материал, выращивание полноценных растений, плодоношение и использование плодов [13]. Фактически это выглядит следующей тричной комбинацией:

- собирание идей как исходного семенного материала;
- отбор элитных идей и их выращивание в виде инноваций;
- освоение инноваций в производстве и реализации продукции (услуг).

²⁵ Леонтьев Б.Б. АМЦУФ — метод распрямления феноменов и примеры его использования // Журнал для акционеров. № 5-6. 2010. С. 12—25.

²⁴ БРЭ. Том 27. М.: БРЭ, 2014, с. 383.

В интеллектуальной природе, точно так же, как и в растительной природе, семенной материал не может воспроизвестись и им распорядится кто попало, то есть тот, кому вдруг захотелось этим заняться или кому это мероприятие было поручено. Воспроизводители семенного фонда непременно должны быть лицами весьма и весьма компетентными, с огромным стажем работы и высокими личностными результатами их семенной деятельности. Только в этом случае гарантирован успех. В противном случае все траты будут напрасными.

Теперь вкратце представим основные структурные элементы новой научной дисциплины — интеллектологии, имеющей свою аксиоматику и свой уникальный язык.

8. Основы интеллектологии

В природе не существует никаких научных дисциплин. Все отдельные науки в процессе разделения труда придумали люди для выяснения истин в своей жизнедеятельности, благополучного развития и освоения новых природных пространств. Однако помимо природных пространств, человечество в процессе развития своей цивилизации выстроило и продолжает выстраивать свое искусственно создаваемое пространство. В.И. Вернадский назвал его ноосферой. Ноосфера состоит из продуктов интеллектуальной деятельности людей материальных, формальных и интеллектуальных. Порядок выстраивания ноосферы, структуру ее содержания, векторы и законы ее развития, прочую аксиоматику этого пространства Вернадский не определил. Эту миссию он адресовал следующим поколениям, учитывая, что наука развивается постоянно, дискретно и бесконечно. И этот процесс обогащения также исторически непрерывный и бесконечный.

Поэтому интеллектология ставит цель систематизировать всю совокупную массу знаний, постоянно накапливающуюся и расширяющуюся. Эти знания касаются трех природных сфер: астросферы, биосферы и интеллосферы.

Систематизация астросферы не завершается гениальным открытием таблицы Д.И. Менделеева, там еще многое следует выявить и систематизировать.

Систематизация биосферы также не завершается открытием Г.А. Гамовым²⁶ генетического кода, заложившего всего лишь основы дальнейшей систематизации знаний в биологии.

А вот систематизация знаний в интеллектологии, изучающей интеллектуальную природу, нам не только под силу, но никто кроме нас этого сделать пока не может. Ибо сам феномен интеллектуальной природы открыли мы, и именно мы выявили и обосновали около сотни законов интеллектуальной природы [16].

²⁶ Гамов Георгий Антонович (также известен как Джордж Гамов) — советский и американский физик-теоретик, астрофизик и популяризатор науки. В 1933 году покинул СССР, став «невозвращенцем». Член-корреспондент АН СССР (с 1932 по 1938 год, восстановлен посмертно в 1990 году). Впервые четко сформулировал проблему генетического кода. Известен также своими работами по квантовой механике, атомной и ядерной физике, астрофизике, космологии, биологии.

8.1. Язык интеллектологии

Язык интеллектологии и логику построения мыслей, идей, концепций и самих текстов в данном случае не следует специально придумывать, изобретать и обосновывать. Они вытекают из построения мыслей, идей и концепций, объясняющих реальные проблемы окружающего мира во всех трех природах: неживой (астрофизической), живой (биологической) и интеллектуальной (человеческой). Этим языком в свое историческое время великолепно владели мудрецы древнего Востока и Запада, в частности, Конфуций [11], Платон, Аристотель и другие. Им также владели самые выдающиеся философы эпохи Возрождения и еще двести лет после нее. Их имена известны: это Декарт, Локк, Юм, Лейбниц, Кондильяк, де Траси. Им великолепно для своего времени владели французские моралисты: Монтень, Паскаль, Ларошфуко; немецкие философы: Ницше, Шопенгауэр, Фейербах. Их оценки людей, свойств, характеров и отношений нисколько не потеряли своей актуальности. Сегодня их следует более системно соединить с результатами интеллектуальной деятельности, нормативно едиными во всем мире.

Системным создателем современного русского языка является М.В. Ломоносов, создавший «Риторику» в 1747 г. и «Грамматику» в 1755, что породило плеяду гениев.

8.2. Аксиоматика интеллектологии

Аксиоматика интеллектологии начинается с определения исходного понятия «интеллект» [15]. **Интеллект — это способность выявлять и разрешать проблемы.** Отсюда становится ясным, что хотя все мы знаем, что такое проблемы, особенно те, которые нас волнуют, тем не менее мы должны дать достаточно четкое и компактное определение понятия «проблема». **Проблема — это выявленная нами потребность в усилении благоприятных для нас или других субъектов, факторов и устранения или ослабления неблагоприятных факторов.** При этом потребность нами ощущается как необходимость предпринимать какие-то действия, начиная с исследовательских, оценочных и поведенческих. Потребность всегда сводится к желанию получить какой-то результат. Как продукты биологического мира **наши изначальные потребности, закрепленные в наших инстинктах, сводятся к благоприятному питанию, размножению и доминированию в обществе, нашем социуме, где мы обитаем** [16]. Удовлетворить данные инстинкты в наиболее успешном виде человек в состоянии лишь абсолютного доминирования в интеллектуальной природе.

8.3. Актуальность

За последние более чем полвека в мировой экономике и в других сферах культурной жизни людей происходит быстрый рост интеллектуализации трудовой деятельности, отображенный в мировой статистике патентов, объектов авторского права, средствах индивидуализации юридических лиц. Данная статистика показывает, что результаты интеллектуальной деятельности становятся одним из основных критериев успешной деятельности во всех отраслях экономики, в науке,

образовании, инновационной деятельности, промышленности, энергетике, оборонной, космической, авиационной промышленности и прочих сферах. Этот рост не будет останавливаться ввиду того, что все современные изделия и технологии требуют вложения все больших интеллектуальных ресурсов.

8.4. Объектом исследования в интеллектологии является интеллект как первооснова всех процессов человеческой деятельности, а также результаты интеллектуальной деятельности.

8.5. Предметом исследования в интеллектологии являются деятельностные отношения по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности.

8.6. Цели и задачи преподавания учебной дисциплины

Сформировать у учащихся способность системно мыслить и системно понимать [14] все актуальное проблемное разнообразие социальных отношений и механизмов взаимодействия с позиции оценки качества и эффективности использования результатов интеллектуальной деятельности.

8.7. Задачи

1. Объяснять эволюционное развитие цивилизации по вектору растущей интеллектуализации, то есть прогрессирующего развития способностей понимания и разрешения проблем на междисциплинарной основе.
2. Изучить основные законы, закономерности и эффекты интеллектуальной природы, действующие во все времена прошлого, настоящего и будущего.
3. Научить моделировать и просчитывать с научной точки зрения разнообразные сложные проблемные ситуации и их последствия, возникающие между субъектами интеллектуальной природы на разных иерархических уровнях, начиная от личности и заканчивая мегауровнем.
4. Научить системно мыслить и системно разрешать сложные проблемы современной науки, инноватики, промышленности, экономики, политики, социальной сферы.
5. Интенсивно наращивать эффективность научно-технических инноваций и результатов высокотехнологичной деятельности во всех отраслях экономики стран, освоивших интеллектологию.

8.8. Основная теоретическая часть. Образовательные дисциплины

8.8.1. Управление

Интеллектология структурно и содержательно:

- › развивает теорию управления с позиции выделения «интеллектуального начала» (руководителя) субъекта интеллектуальной природы (организации, предприятия, корпорации, отрасли, региона, государства,

межгосударственных объединений, мировых сообществ);

- › определяет к нему основные функциональные требования (креативность, системное мышление, создание и использование системы управления в качестве обязанности на своем рабочем месте) [14];
- › дает новое понятие «системы управления», объекта и субъекта управления, организацию обратной связи, организацию независимой экспертизы;
- › рассматривает дефекты, ошибки управления и управленческие риски.

8.8.2. Экономика как раздел интеллектологии

Интеллектология развивает экономику в ее естественную сторону, в отличие от нынешней весьма наукообразной теории, выстроенной на денежной основе и финансовых технологиях. В новой экономической теории вносятся следующие отличия:

- › вводится семь иерархических уровней экономических субъектов (личность, семья, предприятие, отрасль, регион, государство, мир), что полностью соответствует методологии Платона, отмечавшего, что типы устройства государств полностью соответствуют типажам людей;
- › первоосновой всех экономических процессов и отношений является интеллект и его продукты. Все экономические процессы и субъекты создаются, развиваются и устаревают, начиная с идеи (интеллектуального ресурса), которые всегда первичны. Роль денег и роль любого финансирования как средства продвижения идей (интеллектуального ресурса) [12] была, есть и будет исключительно вторична;
- › экономические циклы зарождаются на интеллектуальных результатах. Все экономические циклы разного масштаба и длительности, включая кондратьевские, определяются временным ресурсом интеллектуальных продуктов (ресурсов), их определяющих и сформировавших. Например, как известные всем технологические уклады, определяемые актуальностью и потенциалом научных открытий [15].

В экономической теории имеются и другие отличия, ныне созревшие как исторические необходимости интеграции науки, инноваций, производства, торговли, потребления. В них потребительские свойства изделий и их безопасность должны регулироваться правами [18], а в итоге международными стандартами. Сначала должны быть созданы российские, затем международные. И потому ведущими экспертами должны стать россияне.

8.8.3. Интеллектуальное право

Это наука об интеллектуальных правах и их правоприменительной практике.

Целью является изучение правовых основ интеллектуального права и его правоприменения в мировой и национальной экономиках [17].

Задачами являются:

1. изучение международных нормативных основ интеллектуального права;
2. изучение национальных основ интеллектуального права (части четвертой ГК РФ);

3. изучение правоприменительной практики интеллектуального права в России и за рубежом.

8.8.4. Психология

Это наука по изучению индивидуального выражения интеллекта в интеллектуальной среде и среде неинтеллектуальной, неблагоприятной.

Целью является изучение методов воспитания и развития индивидуальных интеллектуальных творческих способностей и способностей мышления.

Задачи:

1. Изучение методов воспитания креативного мышления и отношений в детском возрасте.
2. Изучение методов освоения креативного мышления в школьном и студенческом возрасте на примерах.
3. Изучение методов развития продуктивного креативного мышления в процессе социализации личности в художественном и высокотехнологичном пространстве.

8.8.5. Социология

Это наука изучения общественных отношений в интеллектуальной природе на основе статистического анализа.

Целью изучения социологии является исследование общественных отношений в интеллектуальной при-

роде на основе применения методов статистического анализа в различных креативных пространствах.

Задачи:

1. Изучение общественных отношений в высокоинтеллектуальной среде художественного творчества (в сферах театра, кино, художественных объединений).
2. Изучение общественных отношений в сферах фундаментальных и прикладных научных знаний.
3. Изучение общественных отношений в сферах инновационных и высокотехнологических организаций.

Заключение

Открытие интеллектуальной природы и следующее за этим возникновение новой научной интеграционной теории является российским открытием, к которому уже проявляют неподдельный интерес зарубежные ученые и предприниматели. Нам уже предлагают весомые инвестиции в развитие этого направления с тем, чтобы получить явное синергетическое преимущество на национальном либо предпринимательском уровне. Однако для нас важно, чтобы это открытие, по нашему мнению, самое крупное в XXI веке, работало прежде всего на интересы российской экономики, политики и социальной сферы.

Литература

1. Леонтьев Б.Б., Макаренко Г.И. Третья природа Вселенной // Правовая информатика. 2016. № 4. С. 4—9.
2. Леонтьев Б.Б. Об открытии комплекса закономерностей интеллектуальной природы и обоснование феномена интеллектуальной природы // Правовая информатика. 2016. № 4. С. 10—76.
3. Леонтьев Б.Б. Об открытии комплекса закономерностей интеллектуальной природы и обоснование феномена интеллектуальной природы» / Доклад Леонтьева Бориса Борисовича на заседании Президиума Российской академии естественных наук // Мониторинг правоприменения. 2017. № 3 (24). С. 55—65.
4. Интеллектуальная природа. Системное мышление. Интеллектология. Идеология. [Б.Б. Леонтьев, В.Б. Леонтьева]. М. : Изд-во РИНФО, 2019. 518 с.
5. Леонтьев Б.Б., Леонтьева В.Б. Системные решения в формировании национальной инновационной системы // Инновации. 2017. № 9. С. 8—18.
6. Леонтьев Б.Б. Интеллектуальная природа: системность знаний и отношений. Системная экономика // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2017. № 10. С. 49—56.
7. Леонтьев Б.Б. О начале формирования системной экономики // Экономические стратегии. 2017. № 7. С. 2—17.
8. Ершова Г.Г. Культурная революция как объект междисциплинарных исследований / В книге: Стены и мосты — VII: Междисциплинарность: что от историка требует, что дает и что у него берёт? Материалы Международной научной конференции. 2018. С. 63—64.
9. Ревинский О.В. Право промышленной собственности. М. : Юрсервис. 43 с.
10. Попондопуло В.Ф. Человеческая деятельность: правовые формы осуществления и публичная организация : монография. М. : Проспект, 2021. 736 с.
11. Мокрецкий А. Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина // Международная жизнь. 2019. № 3. С. 30—48.
12. Леонтьев Б.Б., Мамаджанов Х.А. Повышение капитализации и инвестиционной привлекательности компаний за счет интеллектуальной собственности / Б.Б. Леонтьев, Х.А. Мамаджанов. М., 2019. 168 с.
13. Кулагин А.С. О рисках инновационной деятельности // Инновации. 2021. № 2. С. 64—68.
14. Коновальчик А.П., Ерошин С.Е. Образовательный аспект цифровизации // Инновации. 2021. № 2. С. 11—15.
15. Евсеенко С.М. Этапы развития технологий искусственного интеллекта и уточнение терминологии // Инновации. 2021. № 4. С. 39—48.
16. Леонтьев Б.Б. Интеллектология как результат открытия третьей природы // Копирайт. 2021. № 1. С. 17—35.
17. Леонтьев Б.Б. Как фиксировать идеи и развивать творческую активность // Копирайт. 2021. № 2. С. 108—112.
18. Блинкова Е.В., Борычева Т.А. Цифровые права и тенденции развития гражданского права // Копирайт. 2020. № 1. С. 14—18.

FROM INTELLECTUAL LAW TO INTELLECTOLOGY

Boris Leont'ev²⁷, Valeriia Leont'eva²⁸

Keywords: *intellect, intellectual nature, intellectuals, intellectual property, intellectual space.*

Abstract.

Purpose of the paper: justifying a natural evolutionary development of modern human and technical sciences towards an integrated science – intellectology.

Methods used: system approach, multifaceted approach, method of Asymmetrical Modelling of Values of the Controlled Object (AMVCO, statistical analysis methods.

Results obtained: a justification is given for a natural evolutionary transition of the traditional system of knowledge based on disciplinary differentiation to a cross-disciplinary integration of scientific disciplines based on results of intellectual activities universal for all scientific knowledge. A single identification of results of intellectual activities is established by the Stockholm Convention in 1967 when WIPO was created. At present, 190 countries of the world are WIPO members and therefore the objects specified in Article 2 (viii) of the Convention are the single identification base for all countries over the world. They are set forth in the Civil Code of the Russian Federation, Part 4, Article 1225. The rights to these results of intellectual activity and means of identification of legal entities equated to them are the main component of non-material actives used in virtually all modern enterprises. The main advantage of these actives is that they are the main source of income and profit in any company.

A stable growth in the registration of patents, rights to trademarks and other intellectual property objects statistically registered over the whole world in the last 200 years shows that mankind is in transition from one qualitative state to a new one: that of biosocial nature transforms into a state of intellectual nature.

Tendencies observed by the author in economy, innovations, science and education, based on direct collaboration with intellectuals on questions of assessing the management of intellectual property rights, allowed to make a number of important research discoveries [1]: to give a more precise definition for the term "intellect", to discover a third kind of nature as a relatively autonomous and self-developing based on its own specific laws, rules and effects, and as a result to justify the birth of a new branch of science integrating all research disciplines, intellectology, which is built based on its own methodology, methods, language and axioms.

Scientific significance: phenomena of intellectual nature unknown to science before, birth of a new intergrating branch of science, intellectology, and making more precise the meaning of the term "intellect", together with new elements for structuring the intellectual and scientific space, if they are adressed properly by Russian scholars, in the opinion of the author, should create and form a new paradigm in global scientific research [2].

References

1. Leont'ev B.B., Makarenko G.I. *Tret'ia priroda Vselennoi. Pravovaia informatika*, 2016, No. 4, pp. 4–9.
2. Leont'ev B.B. *Ob otkrytii kompleksa zakonomernostei intellektual'noi prirody i obosnovanie fenomena intellektual'noi prirody. Pravovaia informatika*, 2016, No. 4, pp. 10–76.
3. Leont'ev B.B. *Ob otkrytii kompleksa zakonomernostei intellektual'noi prirody i obosnovanie fenomena intellektual'noi prirody*. Doklad Leont'eva Borisa Borisovicha na zasedanii Prezidiuma Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk. *Monitoring pravoprimereniia*, 2017, No. 3 (24), pp. 55–65.
4. *Intellektual'naia priroda. Sistemnoe myshlenie. Intellektologiya. Ideologiya*. [B.B. Leont'ev, V.B. Leont'eva]. M. : Izd-vo RINFO, 2019. 518 pp.
5. Leont'ev B.B., Leont'eva V.B. *Sistemnye resheniia v formirovanii natsional'noi innovatsionnoi sistemy. Innovatsii*, 2017, No. 9, pp. 8–18.
6. Leont'ev B.B. *Intellektual'naia priroda: sistemnost' znaniia i otnosheniia. Sistemnaia ekonomika. Intellektual'naia sobstvennost'*. *Promyshlennaia sobstvennost'*, 2017, No. 10, pp. 49–56.
7. Leont'ev B.B. *O nachale formirovaniia sistemnoi ekonomiki. Ekonomicheskie strategii*, 2017, No. 7, pp. 2–17.
8. Ershova G.G. *Kul'turnaia revoliutsiia kak ob'ekt mezhdistsiplinarnykh issledovaniia. V knige: Steny i mosty – VII: Mezhdistsiplinarnost': chto ot istorika trebuets, chto daet i chto u nego берет? Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, 2018, pp. 63–64.
9. Revinskii O.V. *Pravo promyshlennoi sobstvennosti*. M. : Iurservis. 43 pp.
10. Popondopulo V.E. *Chelovecheskaia deiatel'nost': pravovye formy osushchestvleniia i publichnaia organizatsiia : monografiia*. M. : Prospekt, 2021. 736 pp.
11. Mokretskii A. *Kitaiskaia diplomatiia v epokhu Si Tszin'pina. Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2019, No. 3, pp. 30–48.

²⁷ Boris Leont'ev, Dr.Sc. (Economics), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences and the International Academy of Global Studies, corresponding member of Prokhorov Engineering Academy, expert of WIPO, expert of the Skolkovo Foundation, court expert, Director General of the Federal Institute of Certification and Evaluation of Intellectual Property and Business, Moscow, Russian Federation. E-mail: sois2013@yandex.ru

²⁸ Valeriia Leont'eva, Ph.D. (Economics), Research Line Director at the Federal Institute of Certification and Evaluation of Intellectual Property and Business, Moscow, Russian Federation. E-mail: sois2013@yandex.ru

12. Leont'ev B.B., MamadzhanoV Kh.A. Povyshenie kapitalizatsii i investitsionnoi privlekatel'nosti kompanii za schet intellektual'noi sobstvennosti. B.B. Leont'ev, Kh.A. MamadzhanoV. M., 2019. 168 pp.
13. Kulagin A.S. O riskakh innovatsionnoi deiatel'nosti. Innovatsii, 2021, No. 2, pp. 64–68.
14. Konoval'chik A.P., Eroshin S.E. Obrazovatel'nyi aspekt tsifrovizatsii. Innovatsii, 2021, No. 2, pp. 11–15.
15. Evseenko S.M. Etapy razvitiia tekhnologii iskusstvennogo intelekta i utochnenie terminologii. Innovatsii, 2021, No. 4, pp. 39–48.
16. Leont'ev B.B. Intellektologiya kak rezul'tat otkrytiia tre'ei prirody. Kopirait, 2021, No. 1, pp. 17–35.
17. Leont'ev B.B. Kak fiksirovat' idei i razvivat' tvorcheskuiu aktivnost'. Kopirait, 2021, No. 2, pp. 108–112.
18. Blinkova E.V., Borycheva T.A. Tsifrovye prava i tendentsii razvitiia grazhdanskogo prava. Kopirait, 2020, No. 1, pp. 14–18.

КОМПРЕХЕНДНАЯ КОНЦЕПЦИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА РЕСОЦИАЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сальников В. П.¹, Захарцев С. И.², Воронков К. И.³

Ключевые слова: ресоциализация, социальная адаптация, реабилитация, социальная функция, пробация, социальное государство, профилактика преступности.

Аннотация.

Цель работы: состоит в разработке и формулировании концепции ресоциализационных отношений с последующим предложением ее закрепления в законодательстве Российской Федерации.

Методы: диалектика и разработанные на ее основе научные методы познания.

Результаты: обозначается компрехендная концепция ресоциализации, заключающаяся в расширении субъектного состава участников правоотношений, связанных с ресоциализационной деятельностью, позволяющая вывести ресоциализацию с уровня формы профилактики правонарушений со стороны лиц, отбывших уголовное наказание, на уровень одного из действенных механизмов решения социальных проблем. Предлагается идея о включении в социальную функцию современного социально-правового государства деятельности по комплексной ресоциализации различных категорий граждан. Проводится соотношение понятий и формулирование признаков ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации, закрепленных в Федеральном законе от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Делается вывод о возможном закреплении концепции в ряде нормативно-правовых актов Российской Федерации.

DOI: 10.21681/2226-0692-2022-1-29-38

В современном политико-правовом дискурсе неослабевающим вниманием пользуется тема социально-правового государства как концептуальной модели государства, соответствующей новейшему этапу развития стран — лидеров мирового сообщества.

Одной из актуальных тенденций развития социальной функции российского государства является расширение ее содержания, включение новых направлений, что предопределяет необходимость совершенствования нормативно-правовой основы их реализации и учета как позитивного, так и негативного опыта других стран, а также собственного исторического опыта.

Расширение содержания социальной функции не должно возлагать сверхсильной финансовой нагрузки на государство, иначе реализация поставленных задач будет весьма затруднительной, усилия государства должны быть направлены на максимальное использование и развитие конструктивного потенциала как каждой отдельной личности, так и институтов гражданского общества при решении социальных проблем. Это требует концептуально иного подхода к пониманию социаль-

ной функции современного российского государства, в частности, включения в ее состав, помимо традиционно выделяемых направлений, в качестве самостоятельного элемента — деятельности по ресоциализации различных категорий граждан [33, с. 662].

Ресоциализация имеет своей целью вернуть индивида к нормальной жизни после того, как по каким-либо причинам он подвергся десоциализации.

На сегодняшний день понимание института ресоциализации в правовой системе России ориентировано преимущественно на отношения, урегулированные нормами уголовно-исполнительного права.

Согласно Федеральному закону «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ (далее — Закон № 182-ФЗ) «Ресоциализация распространяется только на лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера» [1]. Однако междисциплинарный анализ термина «ресоциализация» показывает, что в рамках юриспруденции, социологии, педагогики и пси-

¹ Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: fonduniver@bk.ru

² Захарцев Сергей Иванович, доктор юридических наук, заведующий кафедрой адвокатуры и правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, академик РАЕН, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

³ Воронков Кирилл Ильич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация. E-mail: vk166816@mail.ru

хологии концепция ресоциализации предполагает значительно более широкое ее трактование, в частности, и по определению круга лиц, в отношении которых ресоциализация может и должна осуществляться [12, с. 373].

Ограничение законодателем круга лиц, которых затрагивает деятельность по ресоциализации, только лицами, отбывшими уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшимся иным мерам уголовно-правового характера, скорее всего, объясняется следующими причинами:

во-первых, сложившимся в юридической науке и практике узким подходом к понятию «ресоциализация», во-вторых, выделением в качестве самостоятельных мер социальной реабилитации и социальной адаптации,

и в-третьих — общей направленностью закона, закрепившего данный термин для решения проблем профилактики правонарушений.

Социальная адаптация, ресоциализация и социальная реабилитация отнесены законом к формам профилактического воздействия. В связи с тем, что эти понятия являются этимологически близкими, возникает необходимость в определении их соотношения.

В соответствии со ст. 24 Закона № 182-ФЗ, «Социальная адаптация — это комплекс мероприятий, направленных на оказание лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, содействия в реализации их конституционных прав и свобод, а также помощи в трудовом и бытовом устройстве». Круг лиц, на которых распространяется социальная адаптация, закреплен в части 2 статьи и включает в себя «безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних, лиц, отбывших уголовное наказание, не связанное с лишением свободы, лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, несовершеннолетних, подвергнутых принудительным мерам воспитательного воздействия, лиц без определенного места жительства и других категорий лиц, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в том числе лиц, прошедших курс лечения от наркомании, алкоголизма и токсикомании и реабилитацию, а также лиц, не способных самостоятельно обеспечить свою безопасность, с их согласия» [1].

В соответствии со ст. 26 указанного закона, «Социальная реабилитация представляет собой совокупность мероприятий по восстановлению утраченных социальных связей и функций лицами, находящимися в трудной жизненной ситуации, в том числе потребляющими наркотические средства и психотропные вещества в медицинских целях» [1]. Круг лиц, на которых распространяется социальная реабилитация, существенно ограничен. Категория лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, в этой норме законодателем не раскрывается.

Исходя из анализа статей 24—26 Закона № 182-ФЗ, необходимо установить, что понятие «ресоциализация» по замыслу законодателя является более узким и специальным по сравнению с понятиями «социальная адаптация» и «социальная реабилитация», прежде всего с точки зрения круга лиц, на которых распространяется деятельность по ресоциализации (реинтеграции в общество).

В.А. Уткин отмечает, что в уголовно-исполнительной науке и практике применительно к осужденным и освобожденным нередко используются также понятия

«исправление», «социальная реабилитация», «социальная адаптация», которые являются сходными, но все же отличными от понятия «ресоциализация», и оснований для смешения этих понятий автор не видит. При этом далее по тексту своей статьи В.А. Уткин сам использует эти термины как синонимы: «В отличие от советского исправительно-трудового законодательства, уголовно-исполнительное право постсоветских государств непосредственно не включает в свой предмет отношений постепенной социальной адаптации, ресоциализации освобожденных из мест лишения свободы»; «в целом, можно с сожалением констатировать, что по сравнению с работой по подготовке к освобождению, проводимой в исправительных учреждениях, на общегосударственном уровне отношения по ресоциализации (социальной адаптации) лиц, освобожденных из мест заключения, пока законодательно не урегулированы» [36, с. 75—80].

Согласно комментарию к Закону № 182-ФЗ по состоянию на 28.12.2016, подготовленному А.Н. Жеребцовым, Ю.В. Помогаловой, М.В. Смоляровым, в информационно-аналитических материалах Правительственной комиссии по профилактике правонарушений указывается, что «сущность социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, состоит в психологическом приспособлении к социальному окружению путем усвоения требований, установок, позиций, ориентаций, принятых обществом. В свою очередь, ресоциализация указанной категории лиц подразумевает приобретение индивидом, на основе успешной адаптации личности, социально значимых качеств и фактическое включение его в общественную жизнь» [15, с. 75—80].

П.А. Бровский в работе «Деятельностный подход в изучении социальной адаптации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы» приходит к выводу, что «для отечественной науки характерно отождествление исследователями (Ю.М. Антонян, И.И. Карпец, И.В. Шмаров, М.С. Рыбак, Т.Н. Волкова, Ю.В. Жулева и др.) понятий „социальная адаптация“ и „ресоциализация“» [11, с. 24—25]. На его взгляд, это позиция не совсем верная. Он считает, что социальная адаптация включает в себя ресоциализацию, но результат адаптации может быть как положительным, так и отрицательным, т. е. возникает проблема успеха адаптации. Перечисленные им авторы под ресоциализацией понимают прежде всего исправление личности осужденного, т. е. приведение внутренних установок осужденного к какому-либо общепринятому стандарту, «идеальной» модели. Процесс ресоциализации — это процесс «переделки» личности преступников, изменение их антиобщественных взглядов, навыков и привычек, привитие им в период отбывания наказания нравственных качеств российского гражданина. Процесс ресоциализации включает в себя преимущественно внутренние факторы, в первую очередь психологические и эмоциональные. При этом исследователи в своих определениях не затрагивают внешние факторы, которые воздействуют на личность — социально-экономические условия, наличие жилья, работы и т. д. П.А. Бровский утверждает, что процесс социальной адаптации — понятие более широкое и включает в себя понятие ресоциализации. Это «комплекс мер, направленных на восстановление статуса человека в обществе, утраченных связей, навыков и умений,

обретение им жилья, работы» [11, с. 24—25]. Однако такая позиция, по нашему мнению, противоречит законодательной трактовке ресоциализации не как «процесса „переделки“ личности преступников», а именно как комплекса мер, осуществляемых в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание. То есть законодатель имеет в виду не внутренние, а именно внешние факторы воздействия.

В связи с этим также важно отметить позицию М.С. Рыбака, который не отождествлял понятия «социальная адаптация» и «ресоциализация», а включал социальную адаптацию в пятую стадию процесса ресоциализации: «...в случае успешного исправления таких делинквентных подростков, безусловно, потребуются адаптация их к изменившимся условиям жизни общества и к той роли, которую они должны играть. Указанный период деятельности исправительных учреждений (социальных институтов) следует считать четвертой стадией ресоциализации. Пятая стадия ресоциализации реализуется в процессе социальной адаптации, которая происходит в трех основных сферах: деятельности, общении и сознания» [34, с. 52—56]. Таким образом, с точки зрения автора, понятие «ресоциализация» шире понятия «социальная адаптация». М.С. Рыбак рассматривает ресоциализацию осужденных как «длительный процесс, который имеет в своей основе сложный комплекс психолого-педагогических, экономических, медицинских, юридических и организационных мер, преследующих цель формирования у каждого осужденного способности и готовности к включению после отбытия наказания в обычные условия жизни общества (в том числе исключая совершение правонарушений со стороны бывшего заключенного)» [34, с. 52—56].

С.А. Борсученко дает практически идентичное определение ресоциализации и указывает, что «ресоциализация осужденных к лишению свободы невозможна без их социальной адаптации, которая представляет собой комплекс мер и средств, направленных на подготовку к жизни на свободе. Социальная адаптация является обязательным компонентом ресоциализации. Вопросы социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, их реинтеграции в общество напрямую зависят от эффективности ресоциализации и социальной адаптации в период отбывания наказания, а следовательно, являются индикатором уровня рецидивной преступности» [10, с. 76—77]. Такая трактовка также противоречит выводу, сделанному П.А. Бровским.

Таким образом, даже относительно использования применительно к лицам, отбывшим уголовное наказание, терминов «ресоциализация» и «социальная адаптация» у ученых не сложилось единого подхода. Для более детального и комплексного анализа соотношения этих понятий необходимо рассмотреть точки зрения авторов, не связывающих процесс ресоциализации только лишь с категорией осужденных граждан.

И.П. Кутянова полагает, что реабилитация и адаптация наркозависимых выступают самостоятельными стадиями ресоциализации: «В процессе ресоциализации наркозависимых можно выделить несколько этапов: первый — реабилитационный, второй этап ресоциализации наркозависимых можно назвать переходным. Третьей стадией ресоциализации можно считать пер-

вичную адаптацию индивидов в ремиссии, при которой они находят постоянное место работы либо начинают учиться и, таким образом, приобретают социальный статус. Четвертой стадией ресоциализации можно считать переходную адаптацию, которая сопровождается улучшением взаимоотношений в семье, ростом самостоятельности, финансовой независимости. Пятой стадией ресоциализации можно считать устойчивую адаптацию индивидов в ремиссии к здоровой среде, формирование положительных отношений в семье, наличие постоянного места работы» [30, с. 79].

В.Н. Алфёрова также указывает на существование проблем «в определении категориального аппарата в области ресоциализации безнадзорных подростков, трактовке понятий «социализация», «ресоциализация», «реадаптация» и др. Термин «ресоциализация» в научной литературе понимается как «восстановление у человека утраченных социальных ценностей и опыта общения, поведения, жизнедеятельности» (М.А. Галагузова, Л.В. Мардахаев, А.В. Мудрик). Основным механизмом ресоциализации является социальная реадаптация — восстановление приспособительных возможностей к существующим нормам, определенным социальным условиям» [7, с. 17—18]. Таким образом, автор также придерживается точки зрения, что понятие ресоциализация — более широкое понятие.

Анализируя процесс ресоциализации делинквентных групп несовершеннолетних как целенаправленный организуемый контекст их развития и жизнедеятельности, И.И. Саламагина приходит к выводу, что он «имеет свою внутреннюю логику и может предполагать ряд этапов. Например, М.В. Шакурова выделяет три этапа ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей: адаптация или первичная ресоциализация: предполагает изменение, разрушение ранее сформированных неадекватных форм поведения несовершеннолетнего правонарушителя; период частичной неустойчивой ресоциализации: характеризуется принятием несовершеннолетним правонарушителем новых коллективных норм, отходом от асоциальных форм поведения (рецидивы возможны и естественны); период полной ресоциализации: знаменует практическое ее завершение. Отечественная превентивная и коррекционно-реабилитационная практика имеет больше социально-педагогическую ориентацию, направленную на создание педагогически организованной среды, коллектива, выступающего институтом ресоциализации, где процесс социальной реабилитации осуществляется за счет включения дезадаптированного подростка в систему гуманизированных межличностных отношений, опосредованных общественно-полезной, социально-значимой деятельностью» [35, с. 44—45].

О необходимости расширения понятия ресоциализации и о некотором несоответствии используемых формулировок высказался также А.Д. Шербаков в критической заметке к Закону № 182-ФЗ: «Также возникают вопросы, касаемые формулировок статьи 25 означенного закона, посвященного ресоциализации (категория несравненно более широкая, чем предлагается понимать в профильном Федеральном законе). Развивая мысль о лицах, к которым может быть применена норма ст. 25 о ресоциализации, можно отметить, что, согласно Об-

щей части УК РФ, к «Иным мерам уголовно-правового характера» относится применение принудительных мер медицинского характера. Представляется, что для указанной категории лиц следует говорить скорее о социальной реабилитации и социальной адаптации, чем о необходимости ресоциализации из-за особенностей самой примененной к ним уголовно-правовой нормы о принудительном лечении» [37, с. 173].

В этой связи считаем возможным выделить основные признаки «ресоциализации», «социальной реабилитации», «социальной адаптации».

На основании изложенного и с учетом положений статьи 24 Закона № 182-ФЗ, для социальной адаптации характерны следующие особенности:

социальная адаптация

- (1) представляет собой комплекс мероприятий, направленных на оказание содействия в реализации конституционных прав и свобод, а также помощи в трудовом и бытовом устройстве;
- (2) распространяется на следующие категории лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации:
 - а) безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних;
 - б) лиц, отбывающих уголовное наказание, не связанное с лишением свободы;
 - в) лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством;
 - г) несовершеннолетних, подвергнутых принудительным мерам воспитательного воздействия;
 - д) лиц без определенного места жительства;
 - е) другие категории лиц, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в том числе лиц, прошедших курс лечения от наркомании, алкоголизма и токсикомании и реабилитацию, а также лиц, не способных самостоятельно обеспечить свою безопасность, с их согласия;
- (3) осуществляется посредством:
 - а) стимулирования деятельности организаций, предоставляющих рабочие места лицам, нуждающимся в социальной адаптации, а также лицам, прошедшим курс лечения от наркомании, алкоголизма и токсикомании и реабилитацию;
 - б) предоставления лицам, нуждающимся в социальной адаптации, в том числе лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, социальных услуг в организациях социального обслуживания в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», а также нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов Российской Федерации;
 - в) предоставления государственной социальной помощи на основании социального контракта в соответствии с Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»;
 - г) привлечения общественных объединений для оказания содействия лицам, нуждающимся в социальной адаптации;
- (4) имеет другие особенности.

Обогащая изложенное, с учетом положений статьи 25 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»,

считаем, что для ресоциализации характерны следующие признаки:

ресоциализация

- (1) представляет собой целенаправленный процесс;
- (2) состоит из комплекса мер социально-экономического, педагогического, правового и иного характера;
- (3) осуществляется уполномоченными на то специальными органами, должностными лицами, общественными и религиозными организациями, а также другими субъектами;
- (4) итоговой целью ее выступает повторное возвращение индивида к условиям нормальной жизни;
- (5) осуществляется в отношении различных категорий граждан:
 - (I) находящихся в трудной жизненной ситуации:
 - а) безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних;
 - б) занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством;
 - в) без определенного места жительства;
 - г) лиц, ставших инвалидами во взрослом возрасте;
 - д) лиц, не способных самостоятельно обеспечить свою безопасность, с их согласия;
 - е) других категорий лиц, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в том числе лиц, прошедших курс лечения от наркомании, алкоголизма и токсикомании;
 - (II) содержащихся в исправительных учреждениях, в том числе несовершеннолетних правонарушителей;
 - (III) отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшиеся иным мерам уголовно-правового характера, в том числе несовершеннолетних;
 - (IV) других категорий лиц, предусмотренных законодательством Российской Федерации, нуждающихся в ресоциализации;
- (6) имеет другие признаки.

В основу группирования категорий, на которых распространяется ресоциализация, были заложены следующие критерии:

- 1) возраст;
- 2) состояние здоровья;
- 3) образ жизни;
- 4) социальный статус;
- 5) закрепленность или незакрепленность в Законе.

С учетом положений статьи 26 Закона № 182-ФЗ, для социальной реабилитации характерны следующие черты:

социальная реабилитация

- (1) представляет собой совокупность мероприятий по восстановлению утраченных социальных связей и функций;
- (2) осуществляется в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, в том числе, потребляющих наркотические средства и психотропные вещества в немедицинских целях;
- (3) осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации посредством:
 - а) разъяснения существующего порядка оказания социальной, профессиональной и правовой помощи;
 - б) оказания психологической помощи;

- в) содействия в восстановлении утраченных документов, социально-полезных связей;
- (4) осуществляется специально на то уполномоченными органами, должностными лицами и другими субъектами;
- (5) носит индивидуализированный и дифференцированный характер реабилитационных мероприятий;
- (6) создает программы реабилитации на основе учета всех сторон жизни человека или социальной группы — повседневной деятельности, психического и физического здоровья, социального и экономического статуса;
- (7) представляет собой многообразие форм и методов реабилитации, применяет их на основе системного подхода;
- (8) имеет другие черты.

Необходимо констатировать тот факт, что большинство ученых не просто рассматривают понятие «ресоциализация» как более широкое, нежели предусмотрено в профильном федеральном законе, а включают деятельность по социальной реабилитации и социальной адаптации в структуру деятельности по ресоциализации различных категорий граждан в качестве элементов, при этом адаптация рассматривается как обязательный элемент, а реабилитация — факультативный. Данное обстоятельство подтверждается при анализе выявленных характерных черт указанных явлений. Исследователи сходятся во мнении, что конечной целью ресоциализации является во возвращение людей к нормальной жизни в обществе.

В связи с существующим явным противоречием между теоретическими взглядами представителей различных наук на ресоциализацию и нормативно-правовым закреплением ее понятия возникает потребность формирования новой комплексной концепции субъектного состава ресоциализационных отношений, выходящей за рамки узко юридического ее понимания. Такая концепция могла бы лечь в основу создания проекта Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» и вывела бы ресоциализацию с уровня формы профилактики правонарушений со стороны лиц, отбывших уголовное наказание, на уровень одного из действенных механизмов решения социальных проблем и обеспечения конституционных прав и свобод граждан в рамках социальной функции государства.

Институт ресоциализации может рассматриваться как межотраслевой институт, представляющий собой совокупность норм различных отраслей права, регулирующих меры социально-экономического, педагогического, правового характера, применяемые при ресоциализации гражданина.

Ресоциализация может быть рассмотрена как комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового и иного характера, осуществляемых в целях реинтеграции в общество лиц, нуждающихся в этом и не способных к самостоятельному возврату к нормальной жизни.

В структуре социальной функции государства ресоциализация может рассматриваться как особый элемент в ряду других элементов социальной функции, таких как сохранение населения, государственная поддержка семьи, пожилых людей, детей, обеспечение достойного образа жизни, здравоохранение, образование,

социальная защита, предоставление возможностей для самореализации, комфортная и безопасная среда для жизни.

Выделение института ресоциализации и его юридическое закрепление будет способствовать достижению целей и задач государства в социальной сфере, в том числе снижению таких негативных последствий, как социальное иждивенчество, социальная пассивность, маргинализация.

В работе «Антикриминогенная ресоциализация: зарубежный опыт» нами была выявлена необходимость в совершенствовании ресоциализационных мер, которая выступает одной из важных задач, стоящих перед государством в рамках политики по охране правопорядка и обеспечения прав и свобод человека и гражданина на своей территории [9, с. 371—378].

В целях «дальнейшего стимулирования деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, направленной на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации», Указом Президента РФ от 8 августа 2016 года «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг» было закреплено 21 приоритетное направление деятельности в социальной сфере [2]. Среди прочих направлений особого внимания заслуживают следующие:

деятельность по оказанию социальной помощи определенным категориям гражданам (детям, инвалидам, гражданам пожилого возраста, лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, в том числе пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам), а также по их социальному сопровождению (п. 7 Указа);

деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений (п. 8 Указа);

деятельность по оказанию услуг, направленных на социальную адаптацию и семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей (п. 10 Указа);

деятельность по оказанию услуг, направленных на медико-социальную реабилитацию лиц с алкогольной, наркотической или иной токсической зависимостью (п. 18 Указа).

Постановление Правительства РФ от 27 октября 2016 года «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания» [5] конкретизирует утвержденные Указом Президента РФ от 8 августа 2016 года приоритетные направления в перечне, состоящем из 21 общественно полезной услуги. Особое внимание хотелось бы обратить на

п. 4 общественно-полезных услуг — оказание содействия молодежи в вопросах трудоустройства, социальной реабилитации, социальную адаптацию безработных граждан;

п. 5 — услуги, предусматривающие реабилитацию и социальную адаптацию инвалидов;

п. 6 — услуги по оказанию социальной помощи определенным категориям граждан;

п. 18 — услуги, направленные на медико-социальную реабилитацию лиц, с алкогольной, наркотической или иной токсической зависимостью.

В 2018 году руководство нашей страны вновь вернулось к идее национальных проектов федерального масштаба. Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [3] определены 12 стратегических направлений (проектов), 4 из которых напрямую касаются реализации социальной функции государства.

Комплексный подход к пониманию права, а отсюда и всей правовой реальности был разработан некоторыми авторами настоящей статьи начиная со второго десятилетия XXI века [16, с. 302—326; 17; 18; 19; 20; 21; 22, с. 102—127; 23, с. 77—96; 26, с. 221—247; 38; 39] и получил широкую поддержку философской и юридической общественности России и зарубежья [8; 13; 14; 24; 25; 27; 28; 29; 31; 32] как новое направление развития философии права, предполагающее всеохватывающий анализ правовой реальности. Мы считаем, что и к пониманию ресоциализационных отношений необходимо подходить с учетом достижений данного философско-правового подхода.

В январском Послании Федеральному Собранию 2020 года Президент обратил внимание, что Россия должна и дальше развиваться как правовое социальное государство, «в котором высшей ценностью являются свободы и права граждан, достоинство человека, его благополучие. И, конечно, в любом случае, при любой ситуации и на всей территории страны должны исполняться социальные обязательства государства» [6].

В июле 2020 года «в целях осуществления прорывного развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также раскрытия таланта каждого человека» Президентом РФ были определены 5 национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года: «сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация» [4] и установлены четкие целевые показатели, характеризующие достижение национальных целей к 2030 году.

В связи с этим очевидно, что социальная функция занимает важнейшее место в системе функций современного российского государства, поскольку с ней связано решение стратегических для страны задач, направленных на создание условий для достойной жизни общества.

В рамках комплексной концепции ресоциализации считаем возможным включить деятельность по ресоциализации граждан в перечень общественно-полезных услуг, определенный Постановлением Правительства РФ от 27.10.2016 № 1096, в целях конкретизации деятельности по оказанию социальной помощи определенным категориям гражданам, отраженной в направлении 7 Указа Президента РФ № 398 «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг», и изложить п. 10 перечня государственных функций управления социальным развитием, который определен в проекте Социальной доктрины Российской Федерации, в следу-

ющей редакции: «социальная защита и ресоциализация нуждающихся в этом слоев общества».

В связи с этим полагаем, что в содержание обновленной социальной функции современного Российского государства помимо традиционно выделяемых направлений необходимо включать в качестве самостоятельного элемента деятельность по ресоциализации различных категорий граждан.

Предлагается закрепить в ч. 1 ст. 25 Закона № 182 измененное понятие ресоциализации: «Ресоциализация представляет собой комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового и иного характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, закрепленных в части 2 данной статьи».

В ч. 2 ст. 25 указанного закона предлагается раскрыть перечень категорий лиц, в отношении которых осуществляется ресоциализация:

«Меры по ресоциализации применяются в соответствии с законодательством Российской Федерации в отношении следующих категорий лиц:

- (1) находящихся в трудной жизненной ситуации:
 - а) безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних;
 - б) занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством;
 - в) без определенного места жительства;
 - г) лиц, ставших инвалидами во взрослом возрасте;
 - д) лиц, не способных самостоятельно обеспечить свою безопасность, с их согласия;
 - е) других категории лиц, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в том числе лиц, прошедших курс лечения от наркомании, алкоголизма и токсикомании;
- (2) содержащихся в исправительных учреждениях, в том числе несовершеннолетних правонарушителей;
- (3) отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшиеся иным мерам уголовно-правового характера, в том числе несовершеннолетних;
- (4) других категорий лиц, предусмотренных законодательством Российской Федерации, нуждающихся в ресоциализации.

В ч. 3 ст. 25 указанного закона предлагается определить, что социальная реабилитация и социальная адаптация являются элементами ресоциализации, указав, что адаптация — обязательный элемент, а реабилитация — факультативный.

В ст. 26 предлагается закрепить понятие и способ осуществления социальной реабилитации.

В результате таких изменений будет достигнуто единообразие в понимании соотношения понятий «ресоциализация», «социальная адаптация» и «реабилитация», что будет способствовать более эффективной реализации данных процедур на практике, а комплексная концепция субъектного состава ресоциализационных отношений расширит круг лиц, нуждающихся в ресоциализации, и устранил существующее противоречие между теоретическими взглядами представителей различных наук на ресоциализацию и нормативно-правовым закреплением ее понятия.

Для законодательного закрепления комплексной концепции субъектного состава ресоциализационных отношений и формирования целостной системной политики государства в данной сфере предлагается включить указанные предложения в проект Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», который бы регулировал общественные отношения, связанные с ресоциализацией различных категорий граждан, их адаптацией, социальной реабилитацией и дальнейшей реинтеграцией в общество.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90018.

Литература

1. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3851.
2. Указ Президента РФ от 08.08.2016 № 398 (ред. от 01.07.2017) «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 33. Ст. 5164.
3. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (ред. от 21 июля 2020 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>
4. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://base.garant.ru/74404210/>
5. Постановление Правительства РФ от 27.10.2016 № 1096 (ред. от 29.06.2019) «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания» // Российская газета. 2016. № 251. 7 ноября.
6. Ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 27.01.2020).
7. Алфёрова В.Н. Модульная технология ресоциализации безнадзорных подростков в социальном приюте : автореф. дис. ... канд. педагог. наук. Барнаул, 2006. 22 с.
8. Бабаджанов И.Х., Гаюров Ш.К., Тагайназаров Ш.Т. Русская философия права. Рецензия на монографию «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права) / Под ред. С.И. Захарцева. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.» // Правовая жизнь (Душанбе : Таджикский национальный университет. Юридический факультет). 2020. № 4(32). С. 247—258.
9. Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикrimиногенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 371—378. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).371-378
10. Борсученко С.А. Реализация и социальная адаптация осужденных к лишению свободы: понятие, содержание, правовое регулирование // Юридический вестник Самарского университета. Т. 4. № 2. 2018. С. 76—77.
11. Бровский П.А. Деятельностный подход в изучении социальной адаптации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 4 (20). С. 20—25.
12. Воронков К.И. Вопросы ресоциализации граждан в контексте современных тенденций социальной политики // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4(143). Т. 1. С. 372—374.
13. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Когда рецензию писать не только приятно, но и почетно. О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык и изданной в Кембридже: S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The philosophy of law and legal science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 2(52). С. 206—208.
14. Дворецкая Е.В., Кузнецов Э.В. Сохраняя величие предмета. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 11. С. 193—197.
15. Жеребцов А.Н., Помоголова Ю.В., Смоляров М.В. Комментарий к Федеральному закону от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Специально для системы ГАРАНТ, 2017. URL: <http://base.garant.ru/57206593>
16. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид — Гегель — Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 376 с. DOI: 10.17513/np.467
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем комплексный подход // Правовое поле современной экономики. 2015. № 9. С. 17—30.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Комплексная теория познания права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4. С. 4—13. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-04-13
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Комплексная теория права: ответы на вопросы // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С. 19—24.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об обосновании комплексного подхода для познания права // Теория государства и права. 2016. № 2. С. 39—58.

21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию комплексную теорию познания права // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 170—183.
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. *Философия и юридическая наука* : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 424 с.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. *Философия. Философия права. Юридическая наука*. М. : Юрлитинформ, 2015. 264 с. DOI: 10.17513/np.454
24. Зоир Дж.М., Холикзода А.Г. Выдающиеся российские юристы В.П. Сальников и С.И. Захарцев выпустили новый фундаментальный труд. Рецензия на монографию «Философия и юридическая наука». М. : Юрлитинформ, 2019. 424 с. // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. Научный журнал. 2021. № 2(50). С. 77—84.
25. Зоир Дж.Р., Содики Н.Н. Рецензия на монографию «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права)» // Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховатдинова Национальной академии наук Таджикистана. Душанбе, 2021. № 2. С. 195—200.
26. *Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права)* : монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских, И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.
27. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». М. : Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 68—75.
28. Комаров С.А., Хабибулин А.Г. Новая работа петербургских ученых по философии права // Теория государства и права. 2020. № 1. С. 193—208. DOI: 10.25839/MATGIP.2020.17.1.018
29. Кузнецов Э.В., Масленников Д.В., Покровский И.Ф., Экимов А.И. Английская версия российского издания: S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. *The Philosophy of Law and Legal Science*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 9. С. 191—194.
30. Кутянова И.П. Ресоциализация наркозависимых: социально-психологические аспекты: дис. ... канд. психолог. наук. СПб., 2007. 249 с.
31. Масленников Д.В., Степашин С.В. Философия права и комплексная теория права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 177—179.
32. Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». М. : Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 9. С. 196—200.
33. Романовская В.Б., Воронков К.И., Айзман Е.Л., Хаддад Э.М. Реабилитация и ресоциализация лиц, страдающих алкогольной зависимостью в Российской Федерации, Алжире, США: теоретико-правовой аспект // Здоровье как ресурс: V. 2.0 Международная научно-практическая конференция / Под общей редакцией З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород : Научно-исследовательский социологический центр, 2019. 923 с. С. 656—663.
34. Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики / Под ред. В.П. Малкова. Саратов : Саратовская гос. академия права, 2004. 478 с., с табл.
35. Саламатина И.И. Ресоциализация делинквентных групп несовершеннолетних: на материале США и Англии : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. 38 с.
36. Уткин В.А. Ресоциализация освобожденных от наказания: история и современность // Уголовная юстиция. 2014. № 1 (3). С. 75—80.
37. Щербаков А.Д. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: критическая заметка // Социально-экономические явления и процессы. № 11(11). 2016. С. 170—174.
38. S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov: *The Logos of Law: Parmenides — Hegel — Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law*. London: Europe Books. 2021. 450 p. DOI: 10.17513/np.490
39. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. *The Philosophy of Law and Legal Science*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. DOI: 10.17513/np.452

THE COMPREHENSIVE CONCEPTION OF SUBJECT COMPOSITION OF RESOCIALISATION RELATIONS

Viktor Sal'nikov⁴, Sergei Zakhartsev⁵, Kirill Voronkov⁶

Keywords: *resocialisation, social adaptation, rehabilitation, social function, probation, social state, crime prevention.*

Abstract.

Purpose of the work: developing and formulating the conception of resocialisation relations with a subsequent proposal to enshrine it in the laws of the Russian Federation.

Methods used: dialectics and scientific methods of cognition developed based on it.

Results obtained: the comprehensive conception of resocialisation is outlined. It implies expanding the subject composition of participants in legal relations related to resocialisation activities which allows to transfer resocialisation from the level of a form of prevention of offences by persons having completed a sentence to the level of an effective mechanism for solving social problems. The idea of making the activities aimed at multifaceted resocialisation of different categories of citizens a part of the social function of the modern social and rule-of-law state is put forward. Comparing the concepts and formulating the attributes of resocialisation, social adaptation, and social rehabilitation laid down in Federal Law No. 182-FZ of the 23rd of June 2016 "On the Basics of the System for Offences Prevention in the Russian Federation" are carried out. A conclusion is made that the conception could be laid down in a number of legal regulations of the Russian Federation.

References

1. Federal'nyi zakon ot 23 iyunia 2016 g, No. 182-FZ "Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarushenii v Rossiiskoi Federatsii". Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii, 2016, No. 26 (Chast' I), st. 3851.
2. Ukaz Prezidenta RF ot 08.08.2016 No. 398 (red. ot 01.07.2017) "Ob utverzhdenii prioritnykh napravlenii deiatel'nosti v sfere okazaniia obshchestvenno poleznykh uslug". Sobranie zakonodatel'stva RF, 2016, No. 33, st. 5164.
3. Ukaz Prezidenta RF ot 7 maia 2018 g, No. 204 "O natsional'nykh tseliakh i strategicheskikh zadachakh razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda" (red. ot 21 iulia 2020 g.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>
4. Ukaz Prezidenta RF ot 21 iulia 2020 g, No. 474 "O natsional'nykh tseliakh razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda". URL: <http://base.garant.ru/74404210/>
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27.10.2016 No. 1096 (red. ot 29.06.2019) "Ob utverzhdenii perechnia obshchestvenno poleznykh uslug i kriteriev otsenki kachestva ikh okazaniia". Rossiiskaia gazeta, 2016, No. 251, 7 noiabria.
6. Ezhegodnoe Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniui ot 15 ianvaria 2020 goda. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (data obrashcheniia: 27.01.2020).
7. Alferova V.N. Modul'naia tekhnologiia resotsializatsii beznadzornykh podrostkov v sotsial'nom priiute : avtoref. dis. ... kand. pedagog. nauk. Barnaul, 2006. 22 pp.
8. Babadzhanov I.Kh., Gaiurov Sh.K., Tagainazarov Sh.T. Russkaia filosofii prava. Retsenzii na monografiu "Idea svobody. Pravo. Moral' (klassicheskaia i postklassicheskaia filosofii prava). Pod red. S.I. Zakhartseva. M. : Iurlitinform, 2020. 288 pp.". Pravovaia zhizn' (Dushanbe : Tadzhiiskii natsional'nyi universitet. Iuridicheskii fakul'tet), 2020, No. 4(32), pp. 247–258.
9. Bastrykin A.I., Sa'nikov V.P., Romanovskaia V.B., Voronkov K.I. Antikriminogennaia resotsializatsiia: zarubezhnyi opyt. Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal, 2020, t. 14, No. 3, pp. 371–378. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(3).371-378
10. Borsuchenko S.A. Realizatsiia i sotsial'naia adaptatsiia osuzhdennykh k lisheniui svobody: poniatie, sodержanie, pravovoe regulirovanie. Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta, t. 4, No. 2, 2018, pp. 76–77.
11. Brovskii P.A. Deiatel'nostnyi podkhod v izuchenii sotsial'noi adaptatsii osuzhdennykh, osvobozhdaishchikhsia iz mest lisheniia svobody. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, seriia: Sotsial'nye nauki, 2010, No. 4 (20), pp. 20–25.
12. Voronkov K.I. Voprosy resotsializatsii grazhdan v kontekste sovremennykh tendentsii sotsial'noi politiki. Evraziiskii iuridicheskii zhurnal, 2020, No. 4(143), t. 1, pp. 372–374.
13. Galiev F.Kh., Raianov F.M. Kogda retsenziu pisat' ne tol'ko priiatno, no i pochetno. O knige S.I. Zakhartseva i V.P. Sa'nikova "Filosofii. Filosofii prava. Iuridicheskaiia nauka", perevedennoi na angliiskii iazyk i izdannoi v Kembriidzhe: S.I. Zakhartsev, V.P.

⁴ Viktor Sa'nikov, Dr.Sc. (Law), Professor, Meritorious Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Editor-in-Chief of the Journal "Legal Science: History and the Present", Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: fonduniver@bk.ru

⁵ Sergei Zakhartsev, Dr.Sc. (Law), Head of the Department of Public Defence and Organisation of Law Enforcement Activities of the Russian State Social University, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

⁶ Kirill Voronkov, Ph.D. (Law), Instructor at the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation. E-mail: vk166816@mail.ru

- Salnikov. The philosophy of law and legal science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. *Pravovoe gosudarstvo: teoriia i praktika*, 2018, No. 2(52), pp. 206–208.
14. Dvoretzkaia E.V., Kuznetsov E.V. Sokhraniia velichie predmeta. *Retsenziia na monografiu S.I. Zakhartseva i V.P. Sa'nikova "Filosofia. Filosofia prava. Iuridicheskaia nauka"*. *Iuridicheskaia nauka: istoriia i sovremennost'*, 2016, No. 11, pp. 193–197.
 15. Zhrebtsov A.N., Pomogalova Iu.V., Smoliarov M.V. Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 23.06.2016 No. 182-FZ "Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarushenii v Rossiiskoi Federatsii". *Spetsial'no dlia sistemy GARANT*, 2017. URL: <http://base.garant.ru/57206593>
 16. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sa'nikov V.P. Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoevskii. K voprosu o spekulativno-logicheskikh osnovaniakh metafiziki prava : monografiia. M. : Iurlitinform, 2019. 376 pp. DOI: 10.17513/np.467
 17. Zakhartsev S.I., Sa'nikov V.P. Kak poznat' pravo? My predlaguem komprekhendnyi podkhod. *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2015, No. 9, pp. 17–30.
 18. Zakhartsev S.I., Sa'nikov V.P. Komprekhendnaia teoriia poznaniia prava. *Monitoring pravoprimeniia*, 2019, No. 4, pp. 4–13. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-04-13
 19. Zakhartsev S.I., Sa'nikov V.P. Komprekhendnaia teoriia prava: otvety na voprosy. *Iuridicheskaia nauka: istoriia i sovremennost'*, 2016, No. 9, pp. 19–24.
 20. Zakhartsev S.I., Sa'nikov V.P. Ob obosnovanii komprekhendnogo podkhoda dlia poznaniia prava. *Teoriia gosudarstva i prava*, 2016, No. 2, pp. 39–58.
 21. Zakhartsev S.I., Sa'nikov V.P. Predlaguem Vashemu vnimaniiu komprekhendnuiu teoriu poznaniia prava. *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 3, pp. 170–183.
 22. Zakhartsev S.I., Sa'nikov V.P. *Filosofia i iuridicheskaia nauka : monografiia. M. : Iurlitinform, 2019. 424 pp.*
 23. Zakhartsev S.I., Sa'nikov V.P. *Filosofia. Filosofia prava. Iuridicheskaia nauka. M. : Iurlitinform, 2015. 264 pp. DOI: 10.17513/np.454*
 24. Zoir Dzh.M., Kholikzoda A.G. Vydaiushchiesia rossiiskie iuristy V.P. Sa'nikov i S.I. Zakhartsev vypustili novyi fundamental'nyi trud. *Retsenziia na monografiu "Filosofia i iuridicheskaia nauka". M. : Iurlitinform, 2019. 424 pp. Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan. Nauchnyi zhurnal, 2021, No. 2(50), pp. 77–84.*
 25. Zoir Dzh.R., Sodiki N.N. *Retsenziia na monografiu "Ideia svobody. Pravo. Moral' (klassicheskaiia i postklassicheskaiia filosofia prava)". Izvestiia Instituta filosofii, politologii i prava im. A. Bakhovatdinova Natsional'noi akademii nauk Tadzhikistana. Dushanbe, 2021, No. 2, pp. 195–200.*
 26. *Ideia svobody. Pravo. Moral' (klassicheskaiia i postklassicheskaiia filosofia prava) : monografiia. Pod red. dokt. iurid. nauk S.I. Zakhartseva; I.A. Ananskikh, I.N. Gribov, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina, I.R. Ismagilov, O.A. Klimenko, O.Iu. Lezhneva, S.F. Mazurin, B.V. Makov, D.V. Maslennikov, A.K. Mirzoev, P.A. Petrov, E.A. Polivko, K.G. Prokof'ev, O.V. Pyleva, V.P. Sa'nikov, M.V. Sa'nikov, F.O. Chudin-Kurgan. M. : Iurlitinform, 2020. 288 pp.*
 27. Kerimov D.A. V razvitie diskussii o filosofii i prave. *Retsenziia na monografiu S.I. Zakhartseva i V.P. Sa'nikova "Filosofia. Filosofia prava. Iuridicheskaia nauka"*. M. : Iurlitinform, 2015. 264 pp. *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2015, No. 1, pp. 68–75.
 28. Komarov S.A., Khabibulin A.G. Novaia rabota peterburgskikh uchenykh po filosofii prava. *Teoriia gosudarstva i prava*, 2020, No. 1, pp. 193–208. DOI: 10.25839/MATGIP.2020.17.1.018
 29. Kuznetsov E.V., Maslennikov D.V., Pokrovskii I.F., Ekimov A.I. *Angliiskaiia versiia rossiiskogo izdaniia: S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. Iuridicheskaia nauka: istoriia i sovremennost'*, 2018, No. 9, pp. 191–194.
 30. Kutianova I.P. *Resotsializatsiia narkozavisimykh: sotsial'no-psikhologicheskie aspekty: dis. ... kand. psikholog. nauk. SPb., 2007. 249 pp.*
 31. Maslennikov D.V., Stepashin S.V. *Filosofia prava i komprekhendnaia teoriia prava. Retsenziia na monografiu S.I. Zakhartseva i V.P. Sa'nikova "Filosofia. Filosofia prava. Iuridicheskaia nauka"*. *Iuridicheskaia nauka*, 2016, No. 6, pp. 177–179.
 32. Pokrovskii I.F., Ismagilov R.F., Guk A.I. *Deistvitel'no, filosofia i pravo snova vmeste v issledovanii sovremennykh nauchnykh myslitelei. Nekotorye idei po povodu retsenzii D.A. Kerimova i monografii S.I. Zakhartseva i V.P. Sa'nikova "Filosofia. Filosofia prava. Iuridicheskaia nauka"*. M. : Iurlitinform, 2015. 264 pp. *Iuridicheskaia nauka: istoriia i sovremennost'*, 2015, No. 9, pp. 196–200.
 33. Romanovskaia V.B., Voronkov K.I., Aizman E.L., Khaddad E.M. *Reabilitatsiia i resotsializatsiia lits, stradaushchikh alkogol'noi zavisimost'iu v Rossiiskoi Federatsii, Alzhire, SSHA: teoretiko-pravovoi aspekt. Zdorov'e kak resurs: V. 2.0 Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia. Pod obshchei redaktsiei Z.Kh. Saralievoy. Nizhnii Novgorod : Nauchno-issledovatel'skii sotsiologicheskii tsentr, 2019. 923 pp, pp. 656–663.*
 34. Rybak M.S. *Resotsializatsiia osuzhdennykh k lisheniiu svobody: problemy teorii i praktiki. Pod red. V.P. Malkova. Saratov : Saratovskaia gos. akademiia prava, 2004. 478 pp., s tabl.*
 35. Salamatina I.I. *Resotsializatsiia delinkventnykh grupp nesovershennoletnikh: na materiale SSHA i Anglii : avtoref. dis. ... dok. iurid. nauk. M., 2007. 38 pp.*
 36. Utkin V.A. *Resotsializatsiia osvobodennykh ot nakazaniia: istoriia i sovremennost'. Ugolovnaia iustitsiia*, 2014, No. 1 (3), pp. 75–80.
 37. Shcherbakov A.D. *Federal'nyi zakon ot 23.06.2016 No. 182-FZ "Ob osnovakh sistemy profilaktiki pravonarushenii v Rossiiskoi Federatsii": kriticheskaiia zametka. Sotsial'no-ekonomicheskie iavleniia i protsessy*, No. 11(11), 2016. C. 170–174.
 38. S.I. Zakhartsev, D.V. Maslennikov, V.P. Salnikov: *The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London: Europe Books, 2021. 450 p. DOI: 10.17513/np.490*
 39. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. *The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 270 p. DOI: 10.17513/np.452*

ПРАВОВЫЕ ОНТОЛОГИИ В МАШИНОЧИТАЕМОМ ФОРМАТЕ — ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СЕТИ

Миролюбова С. Ю.¹

Ключевые слова: правовая онтология, машиночитаемое право, информационная система, правовая информация, семантическая сеть.

Аннотация.

Цель работы: проанализировать научные исследования в области правовых (юридических) онтологий; определить роли научных юридических школ, ученых-юристов в создании правовых онтологий верхнего уровня, онтологий предметных областей и прикладных онтологий в праве; сформулировать авторское определение правовой онтологии в информационном пространстве.

Методы исследования: в работе использованы методы синтеза, анализа, обобщения, сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования: показано, что необходимо разделять понимание онтологии с точки зрения философии и теории права и правовые онтологии, которые используются в информационном пространстве. Правовые онтологии в машиночитаемом формате помогают продвигать юридические знания в семантической сети к пользователю (потребителю). Сделан вывод, что правовые онтологии верхнего уровня (основные онтологии) лучше создавать на основе доктрин в праве, что поможет научным юридическим школам перевести свои уникальные юридические знания в машиночитаемый формат и сформировать общие онтологии правовых знаний, которые при повторном использовании станут базой для моделирования (построения) онтологий предметных областей. Правовые онтологии конкретных предметных областей следует создавать на основе правовых институтов, что позволит структурировать правовые знания в специализированных областях права в машиночитаемом формате, опираясь на онтологию верхнего уровня. Прикладные онтологии создаются на основе основных и предметных онтологий любым человеком, как правило, в виде веб-приложений. Сформулировано авторское определение правовой онтологии в информационном пространстве. Под ней предлагается понимать модель правовой реальности физического мира, которая находит свое применение в виртуальном пространстве в машиночитаемом формате.

DOI: 10.21681/2226-0692-2022-1-39-45

Введение и постановка задачи

Растет интерес к концептуализации правовой области для проектирования систем правовых знаний в машиночитаемом формате с целью создания информационно-аналитических систем на основе правовых онтологий. По мере развития семантической сети заинтересованность к созданию и использованию юридических онтологий возрастает, поскольку онтологии помогают более качественно управлять юридическими знаниями в сети, повышая пертинентность, точность и полноту поиска и использования юридической информации пользователем.

Несмотря на то, что некоторые классические работы, посвященные искусственному интеллекту и праву, относятся к 1970-м (McCarty, 1977) и 1980-м годам (McCarty, 1989, Rissland, 1988), активной областью исследований юридические онтологии стали только в 1990-х годах. Это следует за появлением и внедрени-

ем в течение первой половины прошлого десятилетия технологий семантической паутины, оказавших непосредственное влияние на область искусственного интеллекта и права. Тема остается актуальной и является объектом многочисленных исследований в текущем десятилетии [19, с. 12—30].

В начале 2000-х гг. усилия сосредотачиваются на моделировании основных онтологий и обмене знаниями, таких как LRI-Core от Breuker и Hoekstra (2004), CLO-Core Legal Ontology от Gangemi et al. (2005) и LKIF от Hoekstra et al. (2007). Начиная со второго десятилетия этого столетия, усилия по представлению правовых знаний переместились в сторону моделирования конкретных юридических подобластей, что говорит о более глубоком осознании специфики, характерной для каждой из них. Это изменение фокуса сопровождалось укреплением семантической паутины как реальности

¹ Миролюбова Светлана Юрьевна, кандидат юридических наук, эксперт Федерального реестра экспертов научно-технической сферы Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Научно-исследовательский институт — Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы» (ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ), г. Москва, Российская Федерация. E-mail: ralf99@yandex.ru

для управления и обмена знаниями. Принцип Linked Data и принятие стандартизированных формализмов представления знаний как RDF и OWL теперь являются обычным выбором для публикации ресурсов с автоматическим доступом, обрабатываемыми через Интернет [16, с. 207—235].

Среди крупных исследований юридических онтологий следует отметить следующие работы. Casellas проведен всесторонний обзор юридических онтологий с начала 90-х гг. до 2011 года. Особенности онтологий, которые были исследованы Casellas, в основном касались использования онтологий, уровня общности (ядро или предметная область), степени формализации, методологии, используемой для построения и оценки онтологий, и доступности онтологий для повторного использования [16, с. 207—235].

Другой группой ученых было проведено обширное исследование юридических онтологий, в котором делается анализ 4 315 исследований с конца 90-х годов XX века до 2017 года. Авторы исследования на основе классификации онтологий по целям, для которых они были созданы, отмечают, что юридические онтологии обычно строятся для конкретных проблем или ситуаций. «Рассуждение и решение проблем» составило 41% исследований, и только 12% были сосредоточены на «понимании предметной области». Последняя цель наиболее тесно связана с построением общих онтологий ядра. Что касается уровня обобщения, то онтология ядра и предметной области составили 46% и 51% от общего числа первичных исследований соответственно. Авторы отмечают, что многие исследования искали предметно-родовую модель, не созданную на конкретном юридическом предмете, чтобы представить измерение и неоднородность правовой области и служить промежуточным представлением между философскими теориями более высокого уровня и юридическими теориями. Анализ онтологий предметной области показал, что выбранные исследования преследовали более практическую цель, то есть стремились концептуализировать юридические знания в их самых разнообразных формах и формализовать их в семантически аннотированных стандартах [19, с. 12—30].

Необходимо отметить исследование, в котором проведен структурированный сравнительный анализ последних правовых онтологий и словарей. Целью исследования было предоставление практического источника информации для информированного и осознанного выбора в отношении уже смоделированных и повторно используемых частей знаний, предоставленных другими онтологиями [13, с. 207—235].

В качестве примера практического применения правовой онтологии следует привести разработанную онтологию авторского права, в которой используется семантический подход, чтобы моделировать основные концепции авторского права и основные виды действий, которые работают с контентом [12, с. 137—138]. Управление авторскими правами в цифровую эпоху становится очень громоздкой и трудоемкой задачей. Владельцам мультимедиа и повторным пользователям становится все труднее масштабировать свои возможности управления авторскими правами, чтобы отслеживать все мультимедийные активы, которыми они управляют,

в то время как риски неправомерного использования возрастают благодаря цифровизации, Интернету, социальным сетям и т. д. Эти обстоятельства подталкивают отрасль к изучению различных способов автоматизации обработки авторских прав. Онтология авторского права InVID используется для недвусмысленного представления заявлений о правах, политик, контрактов и лицензий в понятной и управляемой машиной форме².

Также следует отметить исследование, где проводится анализ юридических онтологий за более чем десятилетний период разработки, использования и повторного использования юридических онтологий LRI-UvA, созданных в проектах, связанных с развитием правовых знаний и управлением правовой информацией в правовых областях: правила дорожного движения; налоговое, уголовное и административное право; международные договоры о торговле. В исследовании делается вывод о том, что онтологии можно использовать в качестве словаря для индексации и маркировки юридических источников; для расширения терминов, используемых в поисковых запросах, различными способами; для устранения неоднозначности и кластеризации возвращаемых множеств. Для обеспечения возможности повторного использования этих онтологий было потрачено много усилий на поиск единого взгляда на правовые области [10, с. 1—35].

В России исследования онтологий среди юристов имеют философский и теоретический аспект [1, с. 5—39; 21, с. 44—101]. В то же время научному сообществу небезразличны фундаментальные онтологические и аксиологические проблемы, проявляющиеся на фоне и в условиях новой цифровой реальности [8, с. 83—87; 9, с. 104—110]. Так, в рамках диссертационной работы по праву был исследован европейский прикладной проект MIREL (Ontology-based access to normative knowledge), который устраняет разрыв между сообществом, работающим над юридическими онтологиями, и синтаксическими анализаторами NLP [4, с. 420]. Интересен авторский подход проф. И.В. Понкина к машиночитаемому и машиноисполняемому праву в онтологическом значении [6, с. 235]. Уделяется внимание различным концептам правовых онтологий, понятию цифрового правового пространства, в котором выделяется две формы: пассивное и активное цифровые (виртуальные) пространства [5, с. 24—37].

Есть некоторые работы по созданию онтологий в праве [7, с. 115—127]. В одном из исследований представлена технология поддержки контроля целостности нормативно-правовой базы, которая позволяет представить составляющие ее документы в «машинопонимаемом» виде, что дает возможность осуществлять контроль непротиворечивости положений составляющих ее документов в автоматизированном режиме. Отмечается, что использование языков OWL и SWRL позволяет структурировать и объединять документы с образованием единого информационного поля и тем самым обеспечить удобный доступ к правовым знаниям, необходимый при решении различных задач. В онтологии была представлена «Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период

² InVID. URL: <https://www.invid-project.eu/workpackages>

до 2025 года», а также положения документов, на которые ссылается данная Стратегия [3, с. 65, 69].

Цель нашей работы — провести анализ научного и практического материала в области правовых (юридических) онтологий, определить перспективы развития юридических онтологий в целях управления юридическими знаниями в сети Интернет, сформулировать авторское определение правовой онтологии, а также определить роль ученых-юристов, научных юридических школ в создании правовых онтологий верхнего уровня, онтологий предметных областей и прикладных онтологий в праве.

Материал и методы

На основе использования классических методов юридического исследования, сравнительно-правового метода проведен обзор и анализ научной литературы и сайтов в сети Интернет по теме юридических онтологий, а также исследованы созданные правовые онтологии, которые есть в сети Интернет. Изучены перспективы создания и повторного использования юридических онтологий верхнего уровня, онтологий предметных областей и прикладных онтологий в праве. Исследован вопрос о том, что ученые-юристы в силу глубоких экспертных знаний в определенной области права могут составить общий взгляд и смоделировать юридические знания в онтологиях верхнего уровня с целью их повторного использования, в том числе для создания онтологий предметных областей и прикладных онтологий в праве.

Результаты исследования

Информатика и разработка программного обеспечения — относительно недавние дисциплины по сравнению с другими науками и философией. Эта область продолжает развиваться по мере того, как языки программирования становятся более зрелыми, а способность разрабатывать решения для новых задач возрастает с появлением более совершенных программных и аппаратных систем. Развитие искусственного интеллекта (ИИ) привело к развитию семантических отношений. Семантическая сеть обращается к данным и информации, которые могут обрабатываться автоматически, предоставляя обширные и расширяемые метаданные. Улучшение поиска информации с помощью семантически обогащенных функций поиска рассматривается как главное преимущество семантической сети. В отличие от общих подходов к разработке программного обеспечения, таких, как объектно-ориентированные модели программирования, которые позволяют преобразовать модель в полезный программный артефакт, онтологическая модель позволяет создавать программное обеспечение, которое может оценивать семантические отношения, проверять утверждения, сделанные в пределах предметной области знаний, и предоставляет более обширные правила для управления информацией [11, с. 1—23]. Применение семантических технологий дает неоспоримое преимущество на всех основных этапах анализа, проектирования, реализации, тестирования и сопровождения информационных систем, в том числе описание семантики предметной области с использова-

нием онтологий как вариативной части информационной системы [2, с. 86].

Следует отметить, что термин «онтология» происходит из философии и описывает изучение природы бытия, существования или реальности в целом, а также основных категорий бытия и отношений. Онтология имеет дело с тем, существует ли определенная вещь или можно сказать, что она существует.

Ученые-информатики заимствовали философский термин «онтология», который стал общепризнанным, но также эволюционировал и изменил свое значение с течением времени. Так, Feilmaut и Wöß в своем исследовании дают следующее определение онтологии: *онтология — это формальная спецификация общей концептуализации, которая характеризуется высокой семантической выразительностью, необходимой для повышенной сложности* [11, с. 1—23].

На наш взгляд, правовая онтология в информационном пространстве — это модель правовой реальности физического мира, которая находит свое применение в виртуальном пространстве в машиночитаемом формате.

Каковы строительные блоки юридических знаний? Философы права долго размышляли над этим вопросом. Исследования в области ИИ и права также столкнулись с этим вопросом, хотя и под другим углом. Управление юридическими знаниями требует концептуализации строительных блоков юридических знаний в качестве основы операционных систем правовых знаний. Важной причиной создания онтологий является то, что они образуют многократно используемые строительные блоки для проектирования (юридических) систем знаний [20, с. 1—12].

Следует отметить книгу Г.А. Гаджиева «Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности)», где автор, по сути, в разных аспектах рассматривает правовую среду, в которой формируются правовые онтологии [1, с. 5]. Это исследование тесно соприкасается с информационной реальностью, которая послужила началом для развития юридических онтологий. Вместе с тем важно разделять понимание онтологии с точки зрения философии и теории права и понимание онтологии в праве, которые имеют исключительно практическое значение в сети Интернет. Правовые онтологии помогают продвигать юридические знания в машиночитаемом формате в семантической сети к пользователю (потребителю).

Согласно авторскому концепту И.В. Понкина, машиночитаемое и машиноисполняемое право в онтологическом значении — особые инструментальные онтология и формат (создания и представления) правовых норм и актов нормативного правового и нормативного технического регулирования (и комплексов таких актов, а равно норм и нормативных актов экстраправовых систем нормативной регламентации) на основе специально разрабатываемых (технологиями цифровой онтоинженерии в праве) языков, гибридизированных из стандартизированных компьютерных языков (машинных кодов) и специальных юридических мета-языков с метаданными (мета-разметками, цифровыми «заметками на полях», с присвоением уникальных идентификаторов) и юридико-техническими конструкциями в формализованно цифровизированных онтологиях, с трансформа-

цией логики нормативных установлений в компьютерно-программную логику многократного использования [6, с. 235].

Выделяют следующие основные правила проектирования онтологий, которые подходят для моделирования любых онтологий, включая правовые онтологии.

1. Не существует единственного правильного способа моделирования предметной области — всегда есть жизнеспособные альтернативы.

2. Разработка онтологий — это итеративный процесс, который подразумевает моделирование онтологии и постоянный анализ полученных результатов, на основе которого делается корректировка предыдущих этапов моделирования. Итеративный процесс продолжается на протяжении всего жизненного цикла онтологии.

3. Понятия в онтологии должны быть близки к объектам (физическим или логическим) и отношениям в моделируемой области, отражая картину реального мира [18, с. 1—28].

Онтологии верхнего уровня — это очень общие онтологии, касающиеся таких понятий, как объект или процесс, которые устанавливают онтологические основы того, что существует в мире. Они обеспечивают базовую и фундаментальную семантику для специализированной онтологии. Построение онтологий верхнего уровня — очень сложный процесс, поэтому рекомендуется повторно использовать существующие онтологии верхнего уровня вместо разработки полной концептуализации концепций в специализированной онтологии [13, с. 612].

На основе изучения правовых онтологий и научных работ по этой теме мы приходим к выводу о том, что по мере совершенствования семантических технологий и развития веб-приложений интерес к созданию и использованию юридических онтологий будет возрастать, поскольку онтологии помогают более качественно управлять юридическими знаниями в сети, повышая пертинентность, точность и полноту поиска и использования юридической информации пользователем. Правовые онтологии создаются на трех уровнях: первый уровень — это онтологии верхнего уровня или основные онтологии. Это самый сложный уровень правовых онтологий, поскольку онтологии должны содержать общие правовые знания, которые отражают правовую реальность физического (реального) мира. Второй уровень — правовые онтологии предметных областей. Правовые онтологии конкретных предметных областей концептуализируют юридические знания о правовой реальности конкретной области права, идентифицируют в форме определенной терминологии и понятий, которые формируют эту предметную область. Третий уровень онтологий — прикладные правовые онтологии, которые имеют сугубо практическое применение. Для создания основных онтологий (онтологий верхнего уровня) и онтологий конкретных предметных областей требуются знания ученых-юристов, которые обладают глубокими доктринальными знаниями в праве. Например, правовая онтология общей теории преступности может быть онтологией верхнего уровня (основной онтологией), а конкретные типы преступников — правовой онтологией конкретной предметной области. Прикладной онтологией может быть, например, веб-приложение для обеспечения безопасности в ночных клубах. Создание

прикладных онтологий зависит от креативности и творческих способностей авторов, которые могут быть и не юристами.

Зарубежные исследователи активно исследуют практическое применение правовых онтологий, способы их совершенствования и развития. В России пока созданных правовых онтологий мало, исследования носят скудный характер, хотя работы по онтологии права могут сдвинуть научный ракурс на исследование правовых онтологий для семантической сети.

Необходимо отметить, что юридические онтологии полезны при проектировании систем знаний, поскольку их можно использовать повторно. Библиотека таких правовых онтологий может значительно ускорить развитие систем правовых знаний [20, с. 1—12], в том числе за счет экономии качественных юридических знаний в семантической сети. Например, онтология ELI (идентификатор европейского законодательства) является инструментом продвижения и повторного использования европейского законодательства в глобальном Интернет-пространстве. ELI — это инструмент с открытым исходным кодом, позволяющий маркировать различные юридические ресурсы, описывать и публиковать метаданные в формате, пригодном для машинного использования. Это также позволяет создавать связанные контролируемые словари и их публикацию в формате SKOS. Инструмент аннотации ELI прост в использовании и настраивается в соответствии с потребностями пользователя³.

Прикладная система CORBS как помощник для юристов создана на основе онтологии предметной области в сфере ливанского уголовного права и логических правил на языке SWRL. Для этого онтология уголовной области OWL-DL берется из юридических текстов, используя подход middle-out, а правовые нормы формализуются уже на основе онтологии [14, с. 632—642].

Также следует отметить практическую «Онтологическую структуру для моделирования основных понятий налогов на доходы физических лиц», основанную в значительной степени на материалах правовой доктрины и наиболее значимых решениях Конституционного суда Италии в области налогового права, а также основных принципах итальянского налогового законодательства. Большое внимание уделено процессу применения налоговых норм, конечным результатом этого процесса является налоговая позиция, которая отражает отношение между налогоплательщиком и казначейством в отношении конкретной фискальной платы [15, с. 33—42].

Практическая онтология для описания государственных закупок PPROC разработана в соответствии со стандартными практиками в разработке онтологий, выявляя вопросы компетенции с различными заинтересованными сторонами (государственными органами, компаниями, уже работающими с ними, и юристами) и опубликована в соответствии с устоявшимися рекомендациями по публикации словарей Linked Data. Данная онтология используется несколькими государственными органами в Испании и рекомендована в качестве онтологии для публикации открытых данных о государ-

³ European Legislation Identifier (ELI). URL: https://ec.europa.eu/isa2/solutions/european-legislation-identifier-eli_en

ственных контрактах в Испании. Онтология облегчила интеграцию информации о контрактах с помощью различных приложений, позволила придать информации структуру, которая тесно связана со знаниями и терминологией, используемой экспертами в области закупок. Система PPROC разработана на основе закона, что облегчает междисциплинарную работу между инженерами и экспертами в области права во время разработки онтологии, а также делает ее понятной для пользователей не только с юридическим образованием, но и для всех остальных [17, с. 295—309].

Как справедливо отмечают исследователи, не существует единой правильной онтологии для любой предметной области. Разработка онтологий — это творческий процесс, и никакие две онтологии, разработанные разными людьми, не будут одинаковыми. Потенциальные приложения онтологии, а также понимание и взгляд проектировщика на предметную область, несомненно, повлияют на выбор дизайна онтологии. Можно оценить качество онтологии, используя ее в приложениях, для которых ее разработали [11, с. 1—23].

Заключение

Информации в Интернете становится все больше, а пользователю находить качественную и полезную информацию — все труднее. Юристам, особенно ученым, становится все сложнее донести свои уникальные юридические знания до пользователей и целевой аудитории. Правовые онтологии, благодаря машиночитаемому формату, по сути, помогают продвигать правовой контент до конечного пользователя в Интернете.

Онтологии широко используются практикующими юристами, учеными и непрофессионалами в различных ситуациях, таких как моделирование юридических действий, семантический поиск и индексация, а также

для того, чтобы быть в курсе постоянных изменений законов и правил. Организуя и классифицируя то, что уже было создано, можно понять, что развитие юридических онтологий может подняться до уровня возможности повторного использования, когда готовые модели могут быть объединены с новыми и более сложными онтологиями для практического права [19, с. 12—30].

Моделирование и формализация правовых знаний являются важными аспектами, которые необходимо внедрить, чтобы расширить автоматический подход к области права для поддержки работы юристов, улучшая системы извлечения правовой информации и ответов на вопросы, а также делая возможным автоматическое рассуждение по судебным делам [16, с. 207—235].

Правовые онтологии верхнего уровня (основные онтологии) могут помочь научным юридическим школам перевести свои уникальные юридические знания в машиночитаемый формат, на основе доктрин в праве сформировать общие онтологии правовых знаний, которые будут служить не только информационным ресурсом, в том числе и для обмена знаниями, но и — при повторном использовании — базой для моделирования (построения) онтологий предметных областей и прикладных онтологий.

Правовые онтологии конкретных предметных областей помогают создавать и структурировать правовые знания в специализированных областях права в машиночитаемом формате, опираясь на онтологии верхнего уровня. Такие правовые онтологии могут создаваться как отдельными учеными-юристами, так и группами ученых (экспертов) — экспертами в конкретной предметной области на основе правовых институтов. Прикладные правовые онтологии могут создаваться для практического применения в жизни на основе онтологий верхнего уровня и предметных онтологий.

Литература

1. Гаджиев Г.А. Онтология права : (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография / Г. А. Гаджиев. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. 320 с.
2. Копайгородский А.Н. Применение онтологий в семантических информационных системах // Онтология проектирования. 2014. № 4. С. 78—89.
3. Ломов П.А., Олейник А.Г. Разработка технологии проверки и согласования нормативно-правовой базы на основе онтологий. URL: http://www.isa.ru/proceedings/images/documents/2013-63-2/t-2-13_62-69
4. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... докт. юрид. наук. 2018. URL: http://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Morhat/morhat_p_m_dissertaciya.pdf
5. Понкин И.В. Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 24—37.
6. Понкин И.В. Концепт машиночитаемого права: актуальность, назначение, место в RegTechе, содержание, онтология и перспективы / И.В. Понкин // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8. № 9. С. 59—69.
7. Попова А. В. Правовые аспекты онтологии искусственного интеллекта // Государство и право. 2020. № 11. С. 115—127. DOI: 10.31857/S102694520012531-5
8. Рыбаков О. Ю. Человек, право, цифровые технологии: современные направления исследований (обзор Всероссийской научно-практической онлайн-конференции) // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2(35). С. 83—87. DOI: 10.21681/2226-0692-2020-2-83-87
9. Рыбаков О.Ю. Исследования по цифровизации правотворчества // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 1(37). С. 104—110. DOI: 10.25688/2076-9113.2020.37.1.14

10. Breuker J., Winkel R. Use and reuse of legal ontologies in knowledge engineering and information management. 2003. URL: http://docplayer.net/15047862-Use-and-reuse-of-legal-ontologies-in-knowledge-engineering-and-information-management.html#show_full_text
11. Feilmayr C., Wöß W. An analysis of ontologies and their success factors for application to business. January 2016. Data & Knowledge Engineering, 101:1-23. DOI:10.1016/j.datak.2015.11.003
12. Garcia R., Gil R., Delgado J. A web ontologies framework for digital rights management. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.104.7588&rep=rep1&type=pdf>
13. Gil R., Virgili-Gomá J., RobertoGarcía R., Mason C. Emotions ontology for collaborative modelling and learning of emotional responses. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563215001417>
14. Ghosh M. El, Naja H., Abdulrab H., Khalil M. Towards a Legal Rule-Based System Grounded on the Integration of Criminal Domain Ontology and Rules. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877050917314643>
15. Distinto, Isabella & Guarino, Nicola & Masolo, Claudio. (2013). A well-founded ontological framework for modeling personal income tax. Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence and Law. DOI: 10.1145/2514601.2514606
16. Leone V., Caro L., Villata S. Taking stock of legal ontologies: a feature based comparative analysis. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10506-019-09252-1>
17. Muñoz, José & Esteban, Guillermo & Corcho, Oscar & Serón, Francisco. (2016). PPROC, an ontology for transparency in public procurement. Semantic Web. 7. 295-309. DOI:10.3233/SW-150195
18. Noy N., McGuinness D. Ontology Development 101: A Guide to Creating Your First Ontology. URL: http://protege.stanford.edu/publications/ontology_development/ontology101-noy-mcguinness.html#Step3
19. Oliveira Rodrigues C.M., Freitas F.L.G., Spósito Barreirosa E.F., Azevedoc R.R., Almeida Filho A.T. Legal ontologies over time: A systematic mapping study. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0957417419302398>
20. Pepijn V., Bench-Capon T. Ontologies in the Design of Legal Knowledge Systems; Towards a Library of Legal Domain Ontologies. URL: <http://ontology.buffalo.edu/FARBBER/visser.html>
21. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. URL: <http://www.cambridgescholars.com/product/978-1-5275-0614-5>

LEGAL ONTOLOGIES IN MACHINE-READABLE FORMAT: A TOOL FOR NAVIGATING LEGAL KNOWLEDGE ON THE SEMANTIC WEB

Svetlana Miroliubova⁴

Keywords: *legal ontology, machine-readable law, information system, legal information, semantic web.*

Abstract.

Purpose of the work: analysing research in the field of legal ontologies, identifying the roles of academic schools of law and legal scholars in creating top-level legal ontologies, subject area ontologies and applied ontologies in law, providing the author's definition for legal ontology in the information space.

Methods of study: methods of synthesis, analysis, generalisation and the comparative-legal method are used in the work.

Results of the study: it is shown that it is necessary to separate the understanding of ontology from the standpoint of philosophy and theory of law, and legal ontologies used in the information space. Legal ontologies in machine-readable format help to navigate legal knowledge on the semantic web to the user (consumer). It is concluded that it would be to create top-level legal ontologies (basic ontologies) based on doctrines in law which would help academic schools of law convert their unique legal knowledge to machine-readable format and form general ontologies of legal knowledge which would become the base for modelling (building) subject area ontologies when used repeatedly. Legal ontologies of specific subject areas should be created based on legal institutions which would allow structuring legal knowledge in specialised areas of law in machine-readable format relying on top-level ontologies. Applied ontologies are created based on basic and subject ontologies by anyone, usually in the form of web applications. The author's definition for legal ontology in the information space is worded. It is proposed to understand it as a model of legal reality of the physical world which finds its use in the virtual space in machine-readable format.

⁴ Svetlana Miroliubova, Ph.D. (Law), expert of the Federal Register of Experts in the Scientific and Technological Sphere of the Scientific Research Institute – Federal Research Centre for Projects Evaluation and Consulting Services, Moscow, Russian Federation. E-mail: ralf99@yandex.ru

References

1. Gadzhiev G.A. Ontologiya prava : (kriticheskoe issledovanie iuridicheskogo kontsepta deistvitel'nosti) : monografiya. G. A. Gadzhiev. M. : Norma : INFRA-M, 2013. 320 pp.
2. Kopaigorodskii A.N. Primenenie ontologii v semanticheskikh informatsionnykh sistemakh. Ontologiya proektirovaniya, 2014, No. 4, pp. 78–89.
3. Lomov P.A., Oleinik A.G. Razrabotka tekhnologii proverki i soglasovaniya normativno-pravovoi bazy na osnove ontologii. URL: http://www.isa.ru/proceedings/images/documents/2013-63-2/t-2-13_62-69
4. Morkhat P.M. Pravosub'ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy : dis. ... dokt. iurid. nauk. 2018. URL: http://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Morhat/morhat_p_m_dissertaciya.pdf
5. Ponkin I.V. Tsifrovye ontologii prava i tsifrovoe pravovoe prostranstvo. I.V. Ponkin, A.I. Red'kina. Permskii iuridicheskii al'manakh, 2019, No. 2, pp. 24–37.
6. Ponkin I.V. Kontsept mashinochitaemogo prava: aktual'nost', naznachenie, mesto v RegTekhe, sodержanie, ontologiya i perspektivy. I.V. Ponkin. International Journal of Open Information Technologies, 2020, t. 8, No. 9, pp. 59–69.
7. Popova A. V. Pravovye aspekty ontologii iskusstvennogo intellekta. Gosudarstvo i pravo, 2020, No. 11, pp. 115–127. DOI: 10.31857/S102694520012531-5
8. Rybakov O. Iu. Chelovek, pravo, tsifrovye tekhnologii: sovremennye napravleniya issledovaniya (obzor Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi onlain-konferentsii). Monitoring pravoprimeneniya, 2020, No. 2(35), pp. 83–87. DOI: 10.21681/2226-0692-2020-2-83-87
9. Rybakov O.Iu. Issledovaniya po tsifrovizatsii pravotvorchestva. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta, seriya: Iuridicheskie nauki, 2020, No. 1(37), pp. 104–110. DOI: 10.25688/2076-9113.2020.37.1.14
10. Breuker J., Winkel R. Use and reuse of legal ontologies in knowledge engineering and information management. 2003. URL: http://docplayer.net/15047862-Use-and-reuse-of-legal-ontologies-in-knowledge-engineering-and-information-management.html#show_full_text
11. Feilmayr C., Wöß W. An analysis of ontologies and their success factors for application to business. January 2016. Data & Knowledge Engineering, 101:1-23. DOI:10.1016/j.datak.2015.11.003
12. Garcia R., Gil R., Delgado J. A web ontologies framework for digital rights management. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.104.7588&rep=rep1&type=pdf>
13. Gil R., Virgili-Gomá J., RobertoGarcía R., Mason C. Emotions ontology for collaborative modelling and learning of emotional responses. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563215001417>
14. Ghosh M. El, Naja H., Abdulrab H., Khalil M. Towards a Legal Rule-Based System Grounded on the Integration of Criminal Domain Ontology and Rules. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877050917314643>
15. Distinto, Isabella & Guarino, Nicola & Masolo, Claudio. (2013). A well-founded ontological framework for modeling personal income tax. Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence and Law. DOI: 10.1145/2514601.2514606
16. Leone V., Caro L., Villata S. Taking stock of legal ontologies: a feature based comparative analysis. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10506-019-09252-1>
17. Muñoz, José & Esteban, Guillermo & Corcho, Oscar & Serón, Francisco. (2016). PPROC, an ontology for transparency in public procurement. Semantic Web. 7. 295-309. DOI:10.3233/SW-150195
18. Noy N., McGuinness D. Ontology Development 101: A Guide to Creating Your First Ontology. URL: http://protege.stanford.edu/publications/ontology_development/ontology101-noy-mcguinness.html#Step3
19. Oliveira Rodrigues C.M., Freitas F.L.G., Spósito Barreirosa E.F., Azevedoc R.R., Almeida Filho A.T. Legal ontologies over time: A systematic mapping study. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0957417419302398>
20. Pepijn V., Bench-Capon T. Ontologies in the Design of Legal Knowledge Systems; Towards a Library of Legal Domain Ontologies. URL: <http://ontology.buffalo.edu/FARBER/visser.html>
21. Zakhartsev S.I., Salmikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. URL: <http://www.cambridgescholars.com/product/978-1-5275-0614-5>

ПРАВОВОЙ МОНИТОРИНГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Белякова А. В.¹

Ключевые слова: правотворчество, правовой анализ законов, правовая экспертиза, правоприменение, мониторинг законодательства, проблемы реализации законов, законотворческая деятельность, методика мониторинга, анализ законопроектов.

Аннотация.

В статье анализируется развитие и значение правового мониторинга на современном этапе трансформации правовой системы и правовой парадигмы России. Проводится сравнительно-правовой анализ с рядом зарубежных государств об особенностях правового регулирования мониторинга законодательства. Автор обосновывает свою позицию об необходимости совершенствования нормативного регулирования правового мониторинга, с учетом накопленного опыта последних лет, а также о необходимости совершенствования и унификации методологии правового мониторинга.

Цели исследования. Выявление научно-практической значимости совершенствования нормативно-правовой базы мониторинга законодательства, правоприменения и законотворческой деятельности. Аргументация совершенствования методологии правового мониторинга.

Методы исследования. Для достижения указанных целей использовались общенаучные методы: анализ, синтез, обобщения и диалектический метод, а также такие методы как формально-логический, юридико-технический и сравнительного правоведения.

Результаты. Современная правовая парадигма Российской Федерации не только претерпевает изменения в правоприменительной деятельности, но и в самой структуре происходит трансформация (стремительно формируются не только новые правовые институты, но и отрасли права). При этом особое значение имеет не только эффективность реализации законов, но и состояние действующего федерального и регионального законодательства, а также правотворческая деятельность. Для устранения правовой неопределенности в праве и законе необходимо усовершенствовать имеющийся институт правового мониторинга путем унификации терминологии данного института, совершенствования методологии его проведения и подготовки базового закона, регулирующего особенности правотворческой деятельности. Аргументируется позиция о необходимости развития информационно-коммуникационных технологий при осуществлении правового мониторинга.

DOI: 10.21681/2226-0692-2022-1-46-55

Введение

Правовой мониторинг является предметом научных обсуждений и дискуссий в правовой науке уже достаточно долго. В частности, доктринальные исследования и научно-практические изыскания в данной области ведутся в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее — ИЗиСП) с 2006 года и по настоящее время. Большое внимание уделялось общетеоретическим вопросам также в работах Ю.А. Тихомирова [20, 21].

Профессором Ю.А. Тихомировым были инициированы исследования по данной тематике в ИЗиСПе еще в начале 2000-х годов, а в 2006 году был создан отдел мониторинга законодательства, который в течение последних лет действует как лаборатория правового мониторинга и социологии права ИЗиСП.

Нельзя не отметить и большой вклад в развитие теории правового мониторинга и мониторинга Конституции Российской Федерации в работах Н.Н. Черногора [22, 23, 24], которые проводятся и в настоящее время в ИЗиСПе.

Исследуются вопросы и отдельно взятых правовых институтов, например, техники правового мониторинга при изучении состояния антикоррупционного законодательства [9, 13, 8] или природоресурсного законодательства [5, 6, 4].

Современные исследования по правовому мониторингу посвящены приведению национального законодательства в соответствии с Конституцией Российской Федерации [15].

Данное исследование обусловлено 20-летием Указа Президента Российской Федерации от 20.05.2011

¹ Белякова Анна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник лаборатории правового мониторинга и социологии права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: belyakova.av@gmail.com

№ 657 (в ред. от 25.07.2014) «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», которым были определены основные направления данной деятельности, а также Постановлением Правительства Российской Федерации от 19.08.2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» (далее — Методика мониторинга). Этими нормативными правовыми актами были регламентированы виды и методики осуществления мониторинга правоприменения на законодательном уровне.

На протяжении двух последних десятилетий происходит формирование и определение сущности и содержания правового мониторинга не только как одного из направлений научных исследований правоведов, но и попытки сформироваться в одну из самостоятельных форм правовой деятельности. Это подтверждается, в частности, осуществлением государственной деятельности как на федеральном, так и на региональном уровне. Ежегодный мониторинг правоприменения в Российской Федерации проводится Правительством Российской Федерации.

При Министерстве юстиции Российской Федерации (далее — Минюст России) был создан и осуществляет в настоящее время деятельность по анализу и ведению банка данных нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти Научный центр правовой информации при Минюсте России, где проводятся как общетеоретические исследования, так и практические исследования значимости правового мониторинга [19]. Московской областной Думой также осуществляется мониторинг правоприменения и мониторинг законодательства по отдельным категориям социально-значимых вопросов, который проводится и в ряде других субъектов Российской Федерации.

Поэтому можно согласиться с мнением ученых-исследователей, которые отмечают, что правовой мониторинг является одним из «специфических видов юридической деятельности» [17].

При этом необходимо определить место правового мониторинга как в доктрине, так и в практической деятельности и установить значение мониторинговых исследований законодательства, правотворческой и правоприменительной деятельности.

Содержание категории «правовой мониторинг»

В указанных ранее нормативных правовых актах отсутствует понятие правового мониторинга, имеется только «мониторинг правоприменения», более узкий термин, который является одним из этапов правового мониторинга. При этом и в правовой доктрине нет однозначного ответа о содержании и сущности мониторинга. Например, Т.А. Желдыбина в своих исследованиях рассматривает правовой мониторинг как правовой институт, направленный на изучение эффективности действующего законодательства [7]. М.В. Алексеева отмечает, что «правовой мониторинг — это деятельность по мониторингу законодательства и правоприменительной практики» [1]. М.В. Залоило обращает внимание, что «правовой мониторинг целесообразно осуществлять не только на стадии правоприменения» [10], т. е.

придерживается точки зрения, что существует только «мониторинг правоприменения».

При этом до настоящего времени в Российской Федерации отсутствует не только законодательно закрепленное определение правового мониторинга, но и какой-либо базовый нормативно-правовой акт федерального уровня², несмотря на то, что в ряде зарубежных государств такие примеры имеются и ведется активная работа в данной области, и правовой мониторинг предшествует правотворческой деятельности.

Так, в Республике Казахстан осуществляется правовой мониторинг законов на основании Закона Республики Казахстан от 6.04.2016 № 480-V (с изм. и доп. по состоянию на 12.07.2021) «О правовых актах»³. Главой 6 данного закона определяется порядок проведения научной экспертизы проектов нормативных правовых актов, а главой 10 — мониторинга: в ст. 50 регламентируется, что «правовой мониторинг проводится с целью выявления в принятых нормативных правовых актах противоречий законодательству Республики Казахстан, дублирований, пробелов, неэффективно реализуемых, устаревших и коррупциогенных норм права и выработки предложений по их совершенствованию путем прогнозирования, анализа, оценки эффективности реализации принятых нормативных правовых актов».

Аналогичный законодательный акт действует в Республике Беларусь — Закон Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах»⁴, в котором подробно рассматривается процедура принятия и внесения изменений в законодательные акты государства. В ряде других иностранных государств также были приняты подобные законы, имеющие сходную структуру⁵. Представляется также интересным опыт Республики Беларусь в области «цифровизации нормотворчества». В Республике Беларусь в настоящее время происходит активное становление и развитие нормотворческого процесса путем разработки и внедрения информационных технологий как на этапе подготовки нормативных правовых актов, так и на этапе правоприменения [25].

Как уже было отмечено, в России отсутствует базовый нормативный правовой акт федерального уровня, определяющий не только содержание и значение правового мониторинга, но и порядок и специфику принятия законодательных актов и регулирующий особенности правотворческой деятельности. Учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации под руководством академика Т.Я. Хабриевой и профессора Ю.А. Тихомирова был разработан и в течение последних нескольких лет усовершенствован с учетом современной действительности инициативный проект Федерального

² В ряде субъектов РФ действует законы, регулирующие деятельность по правовому мониторингу правовых актов, в частности, в г. Москве, Ленинградской и Калужской области.

³ URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37312788#pos=3;-106

⁴ URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130>

⁵ Закон Республики Узбекистан от 18.12.2020 «О нормативно-правовых актах». URL: <http://lex.uz/ru/docs/5378968>; Закон Киргизской Республики от 20.07.2009 № 241 «О нормативных правовых актах Киргизской Республики». URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202591>

закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» [16].

Данное научно-практическое издание предлагает урегулировать вопросы, касающиеся разработки, принятия, применения, изменения, приостановления, отмены, признания утратившими силу нормативных правовых актов в Российской Федерации. Авторы предлагают путем принятия данного акта «устранить фрагментарность и недостатки существующего правового регулирования, а также обеспечить целостность правовой системы Российской Федерации» [16] и определить место и значение и содержание правового мониторинга в правотворческой деятельности: см. главу 12 «Правовой мониторинг».

Актуальность данного вопроса возросла, потому что невозможно повысить уровень нормативных правовых актов без систематического анализа и оценки как законопроектов, так и непосредственно нормативных актов. Отдельной оценки требует и правоприменительная практика судов, с целью установления проблем и пробелов в правовом регулировании.

Одним из способов совершенствования национального законодательства является также анализ законодательства иностранных государств, что в совокупности является правовым мониторингом, который с общей точки зрения может быть направлен на усовершенствование современной правовой системы России.

Стоит также обратить внимание на тот факт, что в ряде отдельных субъектов Российской Федерации (в 50 регионах из 85) были приняты и действуют законы о нормативных правовых актах; таким образом, представляется целесообразным принятие подобного закона на федеральном уровне.

Эффективность правового регулирования и правоприменения зависит от состояния и качества законодательства, а также правовой культуры и общего уровня правосознания граждан того или иного государства.

Одной из основных проблем современного законодательства и правотворческого процесса является огромный массив нормативно-правовой базы, когда при внесении отдельных конкретизирующих («точечных») изменений в общую часть кодифицированного акта не учитываются положения общей части, что в итоге приводит не только к несогласованности норм права одного законодательного акта, но и снижает общую эффективность реализации правового института. Данный пример является не абстрактным, а имеет фактическое выражение в отраслевом законодательстве Российской Федерации и, к сожалению, не единичен. Поэтому значение правового мониторинга на современном этапе развития и совершенствования правовой системы нельзя недооценивать. Проблема его реализации заключается не только в объемной правовой базе, но и огромном массиве судебной практики. Для усовершенствования всей системы необходимо провести огромное количество исследований с привлечением узкоспециализированных специалистов в отдельных отраслях права с последующей разработкой концептуальных изменений отдельных законодательных актов или новых источников права.

Проведение правового мониторинга на современном этапе затруднено по ряду причин, в частности,

отсутствует единая методология; большой массив законодательства и материалов судебной практики не позволяет провести полный анализ нормативно-правовой базы, отсутствуют также надлежащего качества информационно-телекоммуникационные технологии в данной области, которые могли бы облегчить не только поиск, но и систематизацию и синхронизацию по отдельным правовым институтам.

Вопросам оценки нормативных правовых актов уделялось внимание и советскими учеными-правоведами; например, в середине 20 века В.И. Никитинский, В.В. Глазырин совместно с другими учеными разработали методику оценки норм трудового законодательства на основе анализа правоприменительной практики заключения и расторжения трудового договора [27].

Автор данного исследования также придерживается точки зрения, что правовой мониторинг включает в себя мониторинг не только правоприменения, но и судебной практики, а также законотворчества, так как вышеуказанные элементы отражают полный цикл правовой нормы, от стадии формирования до стадии реализации.

Следует отметить, что основу правового мониторинга составляет сбор, обобщение, анализ и оценка информации для подготовки выводов о состоянии законодательства Российской Федерации. На нормативном уровне предлагается проведение анализа законодательства и правоприменительной деятельности.

При этом нельзя не заметить сложившуюся тенденцию к трансформации правового мониторинга; в настоящее время может выделить несколько этапов правового мониторинга:

1. Мониторинг законотворческого процесса, а именно анализ и изучение вносимых и рассматриваемых законопроектов в Государственной Думе Федерального Собрания. Данный вид правового мониторинга заключается в выявлении как общих, так и частных тенденций изменений отраслевого законодательства, трансформации отдельных правовых институтов и общего совершенствования правовых норм путем как внесения изменений в отдельные законодательные акты, так и принятия отдельных нормативных правовых актов.

При детальном анализе можно установить не только общее количество вносимых, рассматриваемых и принятых актов, но и общую закономерность изменения той или иной отрасли права. В частности, в последние годы большое значение уделяется и активно происходит совершенствование только отдельных отраслей. Например, в законодательство в области социальных отношений в 2019 году был внесен 91 законопроект; также — в Кодекс об административных правонарушениях (в 2019 году было внесено 229 законопроектов)⁶.

2. Мониторинг законодательства, который выражается непосредственно в исследовании эффективности, а также тенденций и закономерностей действия нормативных правовых актов.

Более детальный мониторинг отдельных отраслей законодательства позволяет выявить некорректные или неэффективные правовые нормы с целью совершенствования законодательства и обеспечения продуктив-

⁶ URL: <http://www.sozd.duma.gov.ru>

ного регулирования общественных отношений. Это также необходимо для установления качества нормативно-правовой базы конкретных правовых институтов и их актуальностью для регулирования социально-экономических отношений.

Таким образом, условно мониторинг законодательства можно разделить на общий и отраслевой. При этом методика по их проведению должна быть унифицирована с целью установления общего алгоритма изменений законодательства и тенденций его развития.

В доктрине права особое значение придается текущему и оперативному мониторингу [25], что в настоящее время является не очень целесообразным, так как законотворческий процесс, а также изменения в законодательстве существенным образом «не успевают» за происходящими в обществе процессами.

Так, профессор Ю.А. Тихомиров неоднократно отмечал в своих работах, выступлениях и докладах, что необходимо «преодолеть подход к праву в целом и законодательству (как его ядру) в качестве сугубо «оформительского» фактора, который определяет непрерывное внесение изменений и поправок в законы и иные правовые акты» [20].

Это свидетельствует в первую очередь о том, что динамика развития общественных отношений изменилась, ускорились не только информационные и технологические процессы, но и социально-экономические отношения, а правовая система, в свою очередь, остается малоподвижной и негибкой.

В большинстве случаев мониторинг законодательства проводится только отдельными специалистами и (или) учеными по отдельным отраслям законодательства «вручную», где алгоритм исследований и методика его проведения различаются, что приводит к разнородным выводам и при практической реализации является крайне неэффективным. Так как вносимые предложения в большинстве случаев имеют «точечные» рекомендации, это приводит впоследствии и к точечным изменениям законодательства без учета всей совокупности правовых норм, регулирующих те или иные общественные отношения. Например, автором в своих более ранних работах были исследованы проблемы реализации защиты права на судопроизводство и исполнение судебного акта в разумный срок, в том числе и с учетом правового мониторинга [3, 2].

3. Особого внимания заслуживает мониторинг правоприменения. Термин «мониторинг правоприменения» часто встречается в научных публикациях и исследованиях как в доктрине права, так и в отраслевых научных изысканиях. Это связано, в частности, с его прикладным характером и непосредственной возможностью на реальных примерах выявить проблемы в реализации и применении тех или иных правовых норм.

Данная форма правового мониторинга наиболее ярко отражает действительность современного правового регулирования. В частности, анализ материалов судебной практики позволяет выявить особенности реализации как отдельных правовых норм, так и эффективность отдельных правовых институтов.

В своих исследованиях особое значение данному виду мониторинга уделяет профессор В.Д. Зорькин: «мониторинг правоприменения необходимо вести в систем-

ном единстве с мониторингом правотворчества, мониторингом создания и уточнения новых правовых норм» [11].

По мнению автора, мониторинг правоприменения является наиболее значимым для совершенствования законодательства и развития правовых механизмов по защите прав, свобод и законных интересов заинтересованных лиц, так как при проведении этого вида мониторинга можно выявить наиболее сложные моменты в правовом регулировании. Столкновение норм, пробелы в праве, неполнота или полное отсутствие какого-либо регулирования в тех или иных отраслях или правовых механизмах выявляются с наиболее полной широтой в правоприменительной деятельности, а именно при анализе и систематизации материалов судебной практики национальных судов.

При этом наиболее важное значение при осуществлении мониторинга правоприменения имеют решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов первой и второй инстанции, а также проверочных и надзорных инстанций.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что для повышения эффективности проводимого правового мониторинга на всех этапах формирования правовой нормы необходимо применять единую унифицированную методику или методологию правового мониторинга. Это позволит повысить эффективность предоставляемых выводов проводимого мониторинга.

При этом особо важным итогом проведения правового мониторинга является выработка предложений по конкретизации норм, законов, подготовка концептуальных изменений в той или иной отрасли права или правовом институте.

Повышению эффективности проводимого правового мониторинга может способствовать развитие и внедрение информационно-коммуникационных технологий, в частности, создание специализированных информационных систем, позволяющих анализировать отдельные отрасли права и правовые институты по ключевым словам.

Так, авторы инициативного проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» [16] отмечают, что необходимо проводить правовой мониторинг для систематической оценки и корректировки процедур подготовки и принятия (издания) нормативных правовых актов и результативности их реализации, который способствует устойчивости циклов действия нормативных правовых актов.

Исходя из огромного массива законодательной базы и материалов судебной практики, проведение систематического правового мониторинга в Российской Федерации затруднено, поэтому в условиях цифровизации и развития информационно-телекоммуникационных технологий создание специализированного программного обеспечения по обработке данных в области законодательства и судебной практике позволит оптимизировать, синхронизировать и повысить эффективность проводимого правового мониторинга.

Например, на интернет-портале «Судебные и нормативные акты РФ»⁷ осуществляется поиск судеб-

⁷ URL: <http://www.sudact.ru>

ных решений по ключевым словам или статьям закона для проведения анализа отдельных категорий дел, что в итоге позволяет предоставить информационно-аналитический материал реализации отдельного правового института. При этом существует ряд проблем в области систематизации данного поиска, многие другие аспекты также требуют доработки в области информационных технологий, в том числе и на указанной информационной платформе.

Поэтому целесообразно развивать и использовать единую методику проведения правового мониторинга на всех этапах реализации нормы права, а также применять данную методику при разработке и формировании технических заданий для создания программного обеспечения в данной области; однако развитие данного направления осложнено без принятия соответствующего федерального закона.

При этом нельзя недооценивать значение проведения исследований в данной области, так как даже мониторинг отдельных правовых институтов позволяет выявить противоречия в законодательстве и выработать предложения по их устранению, например, путем конкретизации отдельных правовых норм или концептуального совершенствования того или иного института.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что основное содержание правового мониторинга заключается в анализе действующего законодательства, законопроектов и материалов судебной практики, выявления закономерных тенденций в его совершенствовании, а также выработке предложения на основании проведенных исследований и прогнозов.

Методология правового мониторинга

Для повышения оптимизации проводимого правового мониторинга целесообразно определить наиболее эффективный способ научного познания.

Так, особое значение имеет методология правового мониторинга в общем и методы научного познания в частности, так как правильно выбранный метод познания позволяет оптимизировать и ускорить процесс проведения мониторинга.

Методология представляет собой совокупность методов научного познания [12]. Метод — это совокупность основных способов получения новых знаний и методов в решениях поставленных задач. Метод выражается в исследовании феноменов, систематизации, корректировки новых и полученных ранее знаний. Умозаключения и выводы делаются с помощью правил и принципов рассуждения на основе эмпирических (наблюдаемых и измеряемых) данных об объекте. Базой получения данных являются наблюдения, эксперименты и другие способы сбора информации. Для объяснения наблюдаемых фактов выдвигаются гипотезы и строятся теории, на основании которых формулируются выводы и предположения. Полученные прогнозы проверяются экспериментом или сбором новых фактов [14].

Следует также отметить, что метод целесообразно рассматривать как систему закономерных правил и принципов познания, при этом раскрывающий общие и особенные черты, свойства, структуру и элементный состав объекта познания.

Выбор метода познания напрямую зависит и от категории объекта познания, например, для одиночных фактов, таких как определение сфер или группы явлений, применяются конкретно-социологические методы: наблюдение, анкетирование, интервьюирование, анализ письменных источников (документов), что наиболее часто применяется в сфере правотворчества, правового регулирования и правоохраны.

Особое значение имеет типология как один из способов научного познания, которая используется для изучения признаков, связей, функций, отношений, уровней организации объектов как сосуществующих, так и разделенных во времени и пространстве.

Научные исследования, проводимые на основе типологических процедур, являются универсальными, так как базируются на определении сходства и различий, выявлении оптимальных способов их идентификации, а также позволяют выявить основные элементы системы и ее закономерности.

Типологизация законотворческого процесса позволит не только повысить эффективность законодательства Российской Федерации, но и систематизировать законотворческий процесс.

Методология мониторинга законотворчества представляет собой научно организованный процесс, с помощью которого осуществляется изучение и познание правотворческой деятельности, проводимой в Российской Федерации.

Эффективность проводимого мониторинга зависит от выбора методик и методов его достижения, так как конечный результат зависит от постановки заданных критериев, задач и способов достижения.

Особое значение при проведении мониторинга, вне зависимости от его вида, является правильное формирование методов и техники сбора и обработки информации.

В частности, можно выделить основные методы оценки информации:

- 1) установление единичных фактов (наблюдение, изучение документов, опросы);
- 2) сбор первичной информации (монографическое, сплошное, выборочное обследование, экспериментальное наблюдение).

К методам обработки информации относятся: описание, классификация, экспериментальный, статистический, системный, генетический или исторический виды анализа, типологизация, социальное моделирование. Техника сбора информации включает в себя: приемы качественной проверки первичной информации на ее адекватность, обоснованность и устойчивость, измерение количественных характеристик первичных фактов («шкалирование»), а также статистический аппарат выборки единиц наблюдения и приемы качественного и количественного выравнивания характеристик [27].

При этом, несмотря на логичность унификации терминологии и обобщения в обозначении правового мониторинга, это представляется целесообразным по ряду причин.

В частности, по назначению и субъектному составу можно выявить правовые коллизии, пробелы, противоречия в одном правовом акте, а также выявить недостаточность в правовом регулировании или, наобо-

рот, избыточность правовых норм, отсутствие единообразия в правовых позициях как в системе судов общей юрисдикции, так и в системе арбитражных судов. При этом цель правового мониторинга заключается именно в устранении неэффективности в правовой системе Российской Федерации.

Для повышения оценки эффективности правовых актов, как вносимых, так и принимаемых, необходимо проводить анализ законотворческого процесса в процессе правового мониторинга, так как проводимая законотворческая политика, направленная на приведение в соответствие федерального и регионального законодательства с положениями Конституции Российской Федерации и федеральным законодательством, должна быть согласованной, отличаться единообразием и унифицированным подходом с целью исключения создания дополнительной правовой неопределенности в правовом регулировании и правовых коллизий. Цель мониторинга законотворчества заключается в формировании единообразного подхода к правотворческой политике и выявлении единых алгоритмов.

Методология проведения правового мониторинга при формировании, развитии и реализации правовой нормы должна быть единой и согласованной, потому что различные методы оценки приведут к несогласованным результатам.

Основу методологии правового мониторинга составляет непосредственный анализ законотворческой деятельности субъектов права законодательных инициатив, который, в свою очередь, может подразделяться на анализ по субъектному составу (субъекты права законодательной инициативы), проводимый анализ вносимых инициатив по отраслям законодательства; целевое назначение — внесение изменений в действующие правовые акты или принятие новых законов, формирование новых отраслей права и правовых институтов.

При этом можно выделить несколько основных этапов:

1. Формирование статических данных внесенных законопроектов (общий анализ).
2. Анализ динамики изменений по отдельным отраслям законодательства (специальный анализ).
3. Анализ проектов правовых актов применительно к отдельным правовым институтам, формирование прогнозов по реализации законопроектов и устранению уже имеющихся правовых пробелов и коллизий в праве в отдельно взятой отрасли законодательства (детальный анализ).

Таким образом, анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что одним из методов проведения мониторинга является статистический, который представляет собой систематический анализ законопроектов, вносимых в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.

Реализация осуществляется посредством статистической сводки, группировки материалов статистического наблюдения, статистического наблюдения, выборки, корреляционного и регрессивного анализа.

Статистический метод применяется к тем или иным фактам при помощи методов анкетирования, наблюдения, анализа письменных источников, чтобы выявить общие и устойчивые события, что в итоге выражается в

форме обобщенных фактов, раскрывающих количественную сторону исследуемого события или явления [18].

Нельзя не отметить и значение использование эмпирических методов, в частности, наблюдение и классификацию.

Наиболее эффективен для проведения правового мониторинга метод анализа; это универсальный научный метод, который позволяет осмыслить и выявить отдельные особенности законотворческого процесса.

При этом нельзя не отметить, что существует еще один метод, используемый в правовом мониторинге — юридическое прогнозирование.

В науке отмечается, что юридическое прогнозирование также формируется из ряда методов, это:

- фактографический метод;
- статистический метод;
- экстраполяция;
- метод сравнительного правоведения;
- метод математического моделирования [18].

Таким образом, использование метода юридического прогнозирования в проводимом правовом мониторинге может объединить все вышеуказанные методы, что может существенным образом повысить эффективность результатов данного рода исследований, в частности, данный вывод может быть более подробно раскрыт в следующих исследованиях по этой тематике.

Для построения эффективной правовой системы целесообразно использовать указанные методы на всех этапах правового мониторинга, так как они составляют основу юридического прогнозирования, которое, в свою очередь, позволит сформулировать стратегические направления законотворческой деятельности.

Автор полагает, что регламентация конкретизированной методики правового мониторинга на федеральном законодательном уровне позволила бы оптимизировать и повысить его эффективность.

Информационно-коммуникационные технологии в правовом мониторинге

Информационно-коммуникационные технологии (далее — ИКТ) в современном обществе являются инструментом, позволяющим не только упростить и ускорить совершение отдельных действий, но и оптимизировать социально-значимые процессы, а также повысить эффективность организацию того или процесса как в экономике и предпринимательской деятельности, так и в государственном управлении. Сфера правотворчества и правоприменения не является исключением, так как развитие ИКТ в этих областях имеет большое значение. При этом существует и ряд проблем, препятствующих полноценному развитию ИКТ в данных областях и, соответственно, в правовом мониторинге.

В Российской Федерации действует базовый закон, определяющий особенности правового регулирования и базовые понятия в информационно-технологической сфере — Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁸. При этом

⁸ С изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021 г. // Российская газета, № 165, 29.07.2006.

следует отметить, что каждая отдельная отрасль как в экономике, так и в общественных отношениях обладает совокупностью специфических инструментов, требующих конкретизации. Например, использование ИКТ в сельском хозяйстве и образовании будет существенным образом различаться. Поэтому необходимо разрабатывать индивидуальные инструменты ИКТ для каждой отдельной отрасли или сферы общественной жизни.

ИКТ позволяют не только упростить отдельные процессы в экономических отношениях, но и обеспечить совершенствование отдельных методов как обработки информации, так и её систематизации и каталогизации в сфере государственного управления. В частности, это имеет большое значение для специалистов, осуществляющих мониторинг правотворческой деятельности, законодательства и правоприменения, так как для его осуществления и проведения требуются существенные количественные и качественные затраты, поэтому внедрение «универсальной информационной системы» позволило бы существенным образом не только ускорить процесс его проведения, но и оптимизировать его и повысить его эффективность.

В связи с огромным массивом нормативной базы, материалов судебной практики и законопроектов анализ и систематизация по отдельным правовым институтам или отраслям права осложнены. Действующие информационные системы в Российской Федерации в настоящее время в данной области не согласованы и требуют дальнейшего развития.

В настоящее время в Российской Федерации действует информационная система pravo.gov.ru — официальный интернет-портал правовой информации. На этом портале осуществляется официальное опубликование правовых актов и размещен банк данных «Законодательство России»; в данной информационной системе взаимосвязанный поиск нормативных актов отсутствует, поиск по ключевым словам также осложнен. Для заинтересованного лица, не имеющего профильного образования, а также не являющегося уверенным пользователем, пользоваться такой информационной системой будет непросто.

Автор придерживается точки зрения, что правовой мониторинг является одним из видов юридической деятельности, направленной на анализ и систематизацию законодательной базы государства, а также выявление пробелов и неопределенности в нормативных правовых актах и подготовку прогнозов в развитии российского законодательства. Поэтому для развития правового мониторинга необходимо разработать информационную систему, позволяющую осуществлять систематизированный поиск законодательных актов, проектов федеральных законов и материалов судебной практики по заданной тематике. Необходимо детально проработать нормативно-правовую базу в данной области, систематизировать как федеральное, так и региональное законодательство в информационной среде (то есть необходимо создать каталог действующего законодательства в той или иной информационной системе, позволяющей отслеживать состояние того или иного закона в реальном времени в сети Интернет с учетом вносимых изменений и имеющихся на рассмотрении законопроектов), в том числе и по отраслям

права и правовым институтам. Например, отношения, регулируемые Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) в области совместно нажитого имущества, отражены в ст. 256 ГК РФ, далее эти же правоотношения конкретизируются в Семейном кодексе Российской Федерации (далее — СК РФ) в главе 7 «Законный режим имущества супругов». Нужно сформировать переход по гиперссылкам по данному виду правоотношений, а также привязывать не только нормативные акты, регулирующие тот или иной вид правоотношений, но и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации.

Подобный алгоритм поиска сформирован в информационно-справочных системах «Консультант Плюс», «Гарант» и многих других, которые предназначены для коммерческого использования, и не может быть доступен для широкого круга пользователей. При этом доступ к актуальным версиям действующих законов для неограниченного числа заинтересованных лиц осложнен.

Нельзя не отметить значение согласованности «информационных банков» действующего законодательства и законопроектных актов. Это позволило бы в режиме реального времени анализировать готовящиеся и вносимые изменения.

Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации предпринимаются попытки развития ИКТ и их распространения для различных видов общественных отношений, при этом требуется их дальнейшее развитие и совершенствование.

Правовой мониторинг имеет длительную историю, как в советской правовой доктрине, так и в российской. При этом сохраняются открытые вопросы, требующие дальнейших исследований. Автором была предпринята попытка проанализировать современное состояние правового мониторинга как одного из видов юридической деятельности на основании анализа федерального и регионального законодательства, нормативных правовых актов иностранных государств, правовой доктрины, материалов законодательской деятельности субъектов законодательной инициативы. По результатам проведенной работы автором были сделаны следующие **выводы**:

1. Современная правовая система Российской Федерации нуждается в дальнейшем совершенствовании и повышении эффективности правового регулирования путем оптимизации процесса совершенствования правовой базы посредством принятия отдельного базового закона о правовом мониторинге или закона о нормативных правовых актах, регулирующих отношения в области правотворческой деятельности.

2. Необходимо определить и унифицировать понятие правового мониторинга на федеральном законодательном уровне, оптимизировать и принять единую методику его проведения в отношении не только материалов судебной практики, но также законопроектов и непосредственно нормативных актов.

3. Выработать единый механизм и правовой алгоритм анализа законопроектов, законов, подзаконных актов и материалов правоприменительной деятельности, что возможно реализовать с помощью современных ИКТ.

4. Унифицировать методику правового мониторинга законопроектов, законов, подзаконных актов

и материалов правоприменительной деятельности на уровне федерального закона.

жет быть использован положительный опыт зарубежных государств в данной сфере.

5. Привести в соответствие и унифицировать действующее законодательство в этой области, для чего мо-

Литература

1. Алексеева М.В. К вопросу об актуальности института правового мониторинга для конституционного права Российской Федерации // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 47—49.
2. Белякова А.В. Проблемы исполнения судебного акта в разумный срок в системе арбитражных судов Российской Федерации // Вестник арбитражной практики. 2020. № 3. С. 75—83.
3. Белякова А.В. Судебная практика по отдельным категориям дел в контексте правового мониторинга (на примере института защиты права на судопроизводство в разумный срок) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 127—141.
4. Горохов Д.Б. Проблемный результат отечественного правотворчества: законодательное установление охраны «жизни или здоровья животных и растений» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 45—78.
5. Горохов Д.Б. Проблемы качества и эффективности применения Закона об ответственном обращении с животными // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 153—171.
6. Горохов Д.Б. Современное законодательство в сфере содержания, использования и охраны животных // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 138—153.
7. Желдыбина Т.А. Правовой мониторинг: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 2—5.
8. Законодательство в сфере противодействия коррупции: концептуальные основы и место в системе российского законодательства : научно-практическое пособие / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.М. Цирин и др.; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М. : Инфотропик Медиа, 2020.
9. Залоило М.В. Мониторинг законодательства о противодействии коррупции : научно-практическое пособие / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М. : Проспект, 2021.
10. Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 20—29.
11. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика : монография. М. : Норма; ИНФРА-М, 2019 г. С. 99.
12. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М. : Аванта+, 2001 г. С. 46—47.
13. Концепция консолидации законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции: научно-практическое пособие / А.И. Абрамова, М.В. Залоило, А.А. Дорская и др.; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М. : Проспект, 2021.
14. Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника : учебник. М. : Юстицинформ, 2014 г. 536 с.
15. Лукьянова В.Ю., Павлушкин А.В. Мониторинг законодательства Российской Федерации: динамика и тенденции развития в постсоветский период // Мониторинг правоприменения. 2021 г. №№ 2—3.
16. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / Рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021 г. С. 70—71.
17. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики : монография / Д.Б. Горохов, В.И. Радченко, Н.Н. Черногор и др.; под ред. Н.Н. Черногора. М. : Изд-во Международного юридического института, 2010 г. 232 с.
18. Сырых В.М. Метод правовой науки (Структура методов теоретического познания государства и права) : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. М., 1981.
19. Морозов А. В. История и перспективы развития системы мониторинга правоприменения Минюста России // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2(35). С. 11—17.
20. Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски : монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Инфра-М, 2015.
21. Тихомиров Ю.А. Юридическое прогнозирование: научно-практическое пособие / Ю.А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2018. 168 с.
22. Черногор Н.Н. Юридическая техника правового мониторинга: постановка проблемы и подходы к исследованию // Законодательство и экономика. 2010. № 1. С. 15—20.
23. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 8—21.
24. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 5—26.
25. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика : монография / Ю.А. Тихомиров, В.П. Емельянцева, А.А. Аюрова [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.П. Емельянцева. М. : ИЗИСП; ИНФРА-М, 2015.
26. Шаршун В. А. Цифровизация нормотворчества: опыт Республики Беларусь / В. А. Шаршун // Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций : сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, Саратов, 17—18 октября 2019 года / Под редакцией Н.Н. Ковалева. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2019. С. 17—21.
27. Ядов В.А. Роль методологии в определении методов и техники конкретного социологического исследования // Вопросы философии. 1966. № 10. С. 33.

LEGAL MONITORING IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

Anna Beliakova⁹

Keywords: law-making, legal analysis of laws, legal assessment, law enforcement, monitoring of laws, problems in the implementation of laws, law-making activities, methodology of monitoring, analysis of draft laws.

Abstract.

The development and meaning of legal monitoring at the present stage of transformation of Russia's legal system and legal paradigm is analysed in the paper. A comparative legal analysis of the laws of a number of foreign countries is carried out with a view to identify features of legal regulation of monitoring the laws. A justification is given for the author's position on the need to improve the regulation of legal monitoring by the law, considering the experience accumulated over the recent years, as well as on the need to improve and unify the legal monitoring methodology.

Purposes of the study: identifying the research and practical significance of improving the legal framework for monitoring laws, law enforcement and law-making activities, presenting arguments for improving the legal monitoring methodology.

Methods of study. For achieving the said goals general scientific methods were used: analysis, synthesis, generalisation, and the dialectical method as well as the methods of formal logic, juridical technique and comparative legal analysis.

Results obtained. The modern legal paradigm of the Russian Federation undergoes not only changes in law enforcement activities, but also a transformation of its structure (new legal institutions as well as new branches of laws are rapidly forming). Moreover, not only the efficiency of implementation of laws is especially significant but also the state of current federal and regional laws as well as the law-making activities. To eliminate legal uncertainties in law and the laws, it is needed to improve the existing legal monitoring institution by unifying its terminology, improving the methodology for carrying it out and working out a basic law for regulating features of law-making activities. A position is put forward that it is needed to develop information and communication technologies in carrying out legal monitoring.

References

1. Alekseeva M.V. K voprosu ob aktual'nosti instituta pravovogo monitoringa dlia konstitutsionnogo prava Rossiiskoi Federatsii. Rossiiskaia iustitsiia, 2017, No. 11, pp. 47–49.
2. Beliakova A.V. Problemy ispolneniia sudebnogo akta v razumnyi srok v sisteme arbitrazhnykh sudov Rossiiskoi Federatsii. Vestnik arbitrazhnoi praktiki, 2020, No. 3, pp. 75–83.
3. Beliakova A.V. Sudebnaia praktika po odel'nym kategoriiam del v kontekste pravovogo monitoringa (na primere instituta zashchity prava na sudoproizvodstvo v razumnyi srok). Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia, 2019, No. 6, pp. 127–141.
4. Gorokhov D.B. Problemnyi rezul'tat otechestvennogo pravotvorchestva: zakonodatel'noe ustanovlenie okhrany "zhizni ili zdorov'ia zhivotnykh i rastenii". Pravo. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki, 2019, No. 2, pp. 45–78.
5. Gorokhov D.B. Problemy kachestva i effektivnosti primeneniia Zakona ob otvetstvennom obrashchenii s zhivotnymi. Zhurnal rossiiskogo prava, 2020, No. 4, pp. 153–171.
6. Gorokhov D.B. Sovremennoe zakonotvorchestvo v sfere sodержaniia, ispol'zovaniia i okhrany zhivotnykh. Zhurnal rossiiskogo prava, 2017, No. 4, pp. 138–153.
7. Zheldybina T.A. Pravovoi monitoring: sravnitel'nyi analiz rossiiskogo i zarubezhnogo opyta. Rossiiskaia iustitsiia, 2020, No. 1, pp. 2–5.
8. Zakonodatel'stvo v sfere protivodeistviia korruptsii: kontseptual'nye osnovy i mesto v sisteme rossiiskogo zakonodatel'stva : nauchno-prakticheskoe posobie. D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo, A.M. Tsirin i dr., pod red. d-ra iurid. nauk, prof. D.A. Pashentseva. M. : Infotropik Media, 2020.
9. Zaloilo M.V. Monitoring zakonodatel'stva o protivodeistvii korruptsii : nauchno-prakticheskoe posobie. Pod red. d-ra iurid. nauk, prof. D.A. Pashentseva. M. : Prospekt, 2021.
10. Zaloilo M.V. Operezhaiushchii kharakter pravotvorchestva i problema sinkhronizatsii pravovogo regulirovaniia. Zhurnal rossiiskogo prava, 2019, No. 9, pp. 20–29.
11. Zor'kin V.D. Konstitutsionnyi Sud Rossii: doktrina i praktika : monografiia. M. : Norma; INFRA-M, 2019, p. 99.
12. Kerimov D.A. Metodologiia prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava). 2-e izd. M. : Avanta+, 2001, pp. 46–47.

⁹ Anna Beliakova, Ph.D. (Law), Senior Researcher at the Laboratory of Legal Monitoring and Sociology of Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: belyakova.av@gmail.com

13. Kontseptsiiia konsolidatsii zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o protivodeistvii korruptsii: nauchno-prakticheskoe posobie. A.I. Abramova, M.V. Zaloilo, A.A. Dorskaia i dr.; pod red. d-ra iurid. nauk, prof. D.A. Pashentseva. M. : Prospekt, 2021.
14. Krasnov Iu.K., Nadvikova V.V., Shkatulla V.I. Iuridicheskaiia tekhnika : uchebnik. M. : Iustitsinform, 2014. 536 pp.
15. Luk'ianova V.Iu., Pavlushkin A.V. Monitoring zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii: dinamika i tendentsii razvitiia v postsovetsskii period. Monitoring pravoprimereniia, 2021, No.No. 2–3.
16. O normativnykh pravovykh aktakh v Rossiiskoi Federatsii (initsiativnyi proekt federal'nogo zakona). 6-e izd., pererab. i dop. Ruk. avt. kollektiva T.Ia. Khabrieva, Iu.A. Tikhomirov. M. : Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2021, pp. 70–71.
17. Pravovoi monitoring: aktual'nye problemy teorii i praktiki : monografiia. D.B. Gorokhov, V.I. Radchenko, N.N. Chernogor i dr.; pod red. N.N. Chernogora. M. : Izd-vo Mezhdunarodnogo iuridicheskogo instituta, 2010. 232 pp.
18. Sryykh V.M. Metod pravovoi nauki (Struktura metodov teoreticheskogo poznaniia gosudarstva i prava) : dis. ... d-ra iurid. nauk: 12.00.01. M., 1981.
19. Morozov A. V. Istoriia i perspektivy razvitiia sistemy monitoringa pravoprimereniia Miniusta Rossii. Monitoring pravoprimereniia, 2020, No. 2(35), pp. 11–17.
20. Tikhomirov Iu.A. Pravo: prognozy i riski : monografiia. M. : Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii; Infra-M, 2015.
21. Tikhomirov Iu.A. Iuridicheskoe prognozirovanie: nauchno-prakticheskoe posobie. Iu.A. Tikhomirov; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii. M., 2018. 168 pp.
22. Chernogor N.N. Iuridicheskaiia tekhnika pravovogo monitoringa: postanovka problemy i podkhody k issledovaniiu. Zakonodatel'stvo i ekonomika, 2010, No. 1, pp. 15–20.
23. Chernogor N.N., Zaloilo M.V. Pravovoi monitoring: instrumental'naiia tsennost' i vektory razvitiia. Vestnik MGOU, seriia: Iurisprudentsiia, 2018, No. 3, pp. 8–21.
24. Chernogor N.N., Zaloilo M.V. Metamorfozy prava i vyzovy iuridicheskoi nauke v usloviakh pandemii koronavirusa. Zhurnal rossiiskogo prava, 2020, No. 7, pp. 5–26.
25. Effektivnost' zakonodatel'stva: voprosy teorii i praktika : monografiia. Iu.A. Tikhomirov, V.P. Emel'iantsev, A.A. Aiurova [i dr.]; otv. red. Iu.A. Tikhomirov, V.P. Emel'iantsev. M. : IZiSP, INFRA-M, 2015.
26. Sharshun V. A. Tsifrovizatsiia normotvorchestva: opyt Respubliki Belarus'. V. A. Sharshun. Problemy i vyzovy tsifrovogo obshchestva: tendentsii razvitiia pravovogo regulirovaniia tsifrovyykh transformatsii : sbornik nauchnykh trudov po materialam I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Saratov, 17–18 oktiabria 2019 goda. Pod redaktsiei N.N. Kovalevoi. Saratov : Saratovskaia gosudarstvennaia iuridicheskaiia akademiia, 2019, pp. 17–21.
27. Iadov V.A. Rol' metodologii v opredelenii metodov i tekhniki konkretnogo sotsiologicheskogo issledovaniia. Voprosy filosofii, 1966, No. 10, p. 33.

О ПРИНЦИПАХ МОНИТОРИНГА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Уваров А. А.¹

Ключевые слова: государство, законодательство, правоприменение, мониторинг, принципы, антикоррупционный, превентивность, комплексность, оперативность, научность, гласность, эффективность.

Аннотация.

Цель работы: выявить и отразить основные принципы мониторинга правоприменения в Российской Федерации.

Метод исследования: диалектические методы познания.

Результаты. Мониторинг правоприменения пока не нашел отражение в специальном федеральном законе. Отражение основных принципов именно на федеральном уровне обусловлено исключительной компетенцией РФ по вопросу федерального коллизионного права (п. «п» ст. 71 Конституции РФ). В статье перечисляются и анализируются следующие принципы мониторинга правоприменения: комплексность, плановость, научность, оперативность, гласность и открытость, координированность, эффективность. С учетом того, что в правовой мониторинг органически включен и антикоррупционный мониторинг, представляется целесообразным выделить и специальные принципы антикоррупционного мониторинга, среди которых: принцип комплексного использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер; принцип приоритетного применения мер по предупреждению коррупции; принцип государственного сотрудничества с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами. В заключении автор последовательно анализирует и объясняет необходимость применения этих принципов.

DOI: 10.21681/2226-0692-2022-1-56-60

Актуальность исследования принципов проведения мониторинга правоприменения связана с необходимостью выработки установления предмета, режима, цели, задач, эффективности и других параметров правоприменения. Представляет определенный научно-практический интерес и выявление специальных принципов антикоррупционного мониторинга как разновидности правового мониторинга. Понятие «принцип права» имеет характер общей установки или требования, которое должно пронизывать всю ткань юридически значимых действий со стороны участвующих в этих действиях субъектов права. По мнению отдельных авторов, под принципами права «следует понимать исходные нормативно-руководящие начала (императивные требования), определяющие общую направленность правового регулирования общественных отношений, когда они непосредственно (легально) выражены в нормативных правовых актах или иных формах права»² [1]. Проявление правовых принципов возможно и в качестве основных правовых идей, которые не формализованы в отдельной норме нормативного правового акта, т. е. не

имеют его структурных частей. Благодаря этому свойству принципы права выполняют свою отмечаемую в науке вспомогательную (субсидиарную) функцию в правовом регулировании: толкование норм права применительно к фактическим обстоятельствам дела, преодоление коллизий и пробелов в праве³ [2]. Что касается исследований принципов мониторинга правоприменения, то авторы преимущественно обращаются к правотворчеству в этой сфере субъектов РФ, где сделаны попытки сформулировать подобные принципы⁴ [3]. Поскольку в исключительном ведении Российской Федерации находится сфера федерального коллизионного права (п. «п» ст. 71 Конституции РФ), было бы правильным сначала урегулировать этот вопрос в федеральных нормативных правовых актах. Так, уже из определения понятия мониторинга правоприменения, данного в п. 2 Положения о мониторинге правоприменения в Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ

² Карташов В.Н. Принципы права // Общая теория государства и права. Академический курс в 3 т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2007. Т. 2. С. 95.

¹ Уваров Александр Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Всероссийского государственного университета юстиции, Сочинский филиал, г. Сочи, Российская Федерация. E-mail: uvarov.al@mail.ru

³ Поляков С.Б. Легальные и реальные принципы права // Журнал Российского права. 2018. № 9. С. 20.

⁴ См.: Прокопьева Н.В., Иванов И.В. Понятие и принципы мониторинга правоприменения: теоретико-правовой аспект // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 155—160; Фадеева Е.С. Принципы правового мониторинга институтов государства // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4. С. 23—28, и др.

от 20.05.2011 г. № 657⁵, выявляются два его важнейших принципа — комплексность и плановость. Комплексность предполагает, во-первых, полный и всесторонний охват источников информации, составляющих предмет исследования; во-вторых, сами способы исследования этой информации (сбор, обобщение, анализ, оценка); в-третьих, разностороннюю и взаимосвязанную систему целей и задач мониторинга (устранение пробелов, коллизий, коррупциогенных факторов, дублирования и других дефектов законодательства и правоприменения); в-четвертых, скоррелированный, полный и адекватный результат, выраженный в исчерпывающем перечне возможных решений (принятие актов, их изменение или признание утратившими силу; о мерах по совершенствованию нормативных правовых актов, повышению эффективности правоприменения и противодействия коррупции; перечень государственных органов, ответственных за реализацию вышеуказанных мер). При составлении перечня подлежащих правовому мониторингу нормативных правовых актов (п. 2 Положения о мониторинге правоприменения в РФ) используется правоприменительная практика различных органов власти, а также не формализованная в каких-то актах информация (от общественных, научных, правозащитных и иных организаций, средств массовой информации, граждан; статистическая и социологическая информация). Эта информация нуждается в дополнительной обработке с точки зрения

- необходимости выявления и дифференциации каналов ее поступления;
- критериев относимости и допустимости применительно к целям и пригодности для решения задач мониторинга;
- ее полноты, репрезентативности и достоверности;
- и т. п.

Принцип комплексности тесно связан с системностью, т. е. определенным упорядочением элементов, где место каждого элемента обусловлено его значимостью и характером взаимоотношений с другими элементами. Системность проявляется в видах и иерархичности рассматриваемых актов, подведомственности их принятия и отраслевой принадлежности, территориальном уровне применения, срочности действия и т. п. Таким образом, принцип комплексности связан с определенной упорядоченностью подлежащих мониторингу правовых актов, исходя из их видов, формы, содержания и порядка исследования.

Плановость мониторинга как принцип предполагает регулярность и срочность его проведения. В соответствии с Указом Президента РФ от 20.05.2011 г. № 657 это ежегодный мониторинг, план которого утверждается Правительством РФ до 1 сентября. Плановость мониторинга предполагает также его постоянный характер и определенную преемственность результатов и выводов. Поскольку это разновидность надзорной деятельности, то для оценки исполнения плана предусматривается отчетность соответствующих органов и должностных лиц, ответственных за выполнение тех или иных показателей плана. Хотя антикоррупционный мониторинг проводится в рамках мониторинга правоприменения, прин-

цип плановости первого обусловлен и своими дополнительными факторами, связанными с борьбой с коррупцией. Так, ежегодно национальные планы борьбы с коррупцией принимаются Президентом РФ, в их развитие принимает свои планы Правительство РФ; свои планы по борьбе с коррупцией принимаются и иными органами государственной власти. Положения этих планов должны быть интегрированы в соответствующие антикоррупционные мониторинги правоприменения. В силу пункта 2 Методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 19.08.2011 № 694⁶) плановость как основа проведения мониторинга может быть представлена в виде как текущего мониторинга, осуществляемого на регулярной основе в отношении отрасли (подотрасли) законодательства и группы нормативных правовых актов, так и оперативного мониторинга, осуществляемого в течение первого года действия нормативных правовых актов РФ, выполнения решений Конституционного Суда РФ и постановлений Европейского суда по правам человека. Применительно к планам антикоррупционного мониторинга оперативный мониторинг целесообразно также проводить по фактам:

- невыполнения или ненадлежащего выполнения показателей текущего плана мониторинга;
- резонансных преступлений, коррупционных скандалов или событий, ставших предметом массового общественного недовольства, публикаций в средствах массовой информации, парламентских расследований;
- принятия новых (действующих в течение 1 года) антикоррупционных мер;
- на основании мотивированного обращения с просьбой провести антикоррупционный мониторинг правоохранительных и иных органов государственной власти (прокуратура, МВД, суд, Уполномоченный по правам человека, Счетная палата, избирательная комиссия, и др.) и институтов гражданского общества (Общественная палата, политические партии, профсоюзы);
- и т. п.

Научность как принцип мониторинга правоприменения означает прежде всего использование методологии научного исследования, включающей в себя как общенаучные (законы и принципы диалектики познания), так и частнонаучные методы исследования (системный, сравнительно-правовой, логико-языковой и др.) Правовая наука использует обширный понятийный аппарат, поэтому, абстрагируясь от эмпирической правовой практики, являющейся предметом мониторинга правоприменения, исследователь, т. е. субъект проведения мониторинга правоприменения, должен использовать адекватную научную терминологию. Выявляя определенные закономерности в эмпирических данных, важно найти им научное объяснение, творчески переработать и сделать выводы и предложения, содержащие новые полезные знания о правовой действительности. Если говорить конкретно о мониторинге правоприменения, в том числе с целью выявления коррупциогенных факторов, научный подход здесь проявляется в необходимости систематизировать по представленным

⁵ СПС «Гарант».

⁶ СПС «Гарант».

в законодательстве признакам правовые дефекты законодательных и правоприменительных актов, найти возможности их устранения в рамках действующего законодательства, а в случае отсутствия соответствующего механизма — разработать и представить его модель. Антиподом научного подхода в данном процессе является неоправданное возведение случайных явлений в закономерность; замена объективного анализа, построенного на эмпирических данных и апробированных в теоретических концепциях, субъективным, не подтвержденным никакими фактами оценочным суждением, и т. п. Таким образом, с принципом научности непосредственно связаны такие принципы, как объективность, достоверность и обоснованность.

Принцип оперативности проведения мониторинга правоприменения отражает динамичное свойство этой деятельности и очень важен с точки зрения своевременности реагирования на правовые, в том числе коррупционные дефекты. Известно, что чем дольше такие дефекты, особенно в законах, остаются незамеченными, тем сильнее происходит усугубление негативных правовых последствий, которые выражаются как в общей деформации правовой системы, так и в обрастании, в частности, закона, такими же деформированными подзаконными актами и актами правоприменительной деятельности, уже в массовом порядке порождающими нарушение прав и свобод граждан, коррупционные схемы и связи лиц, которые используют в своих корыстных целях эти дефекты законодательства. Возможен и целый ряд иных негативных экономических, политических, социальных и прочих последствий от такого рода дефектов. Представляется, что оперативность мониторинга должна быть скоррелирована с реальностью и степенью угроз, которые связаны с соответствующими (в том числе коррупционными) дефектами законодательства. Обычно в рамках всего российского государства диагностирует наиболее важные и актуальные проблемы в своих посланиях Президент РФ. В пределах своей компетенции ежегодно сообщают о такого рода проблемах Уполномоченный по правам человека в РФ, Счетная палата РФ, Общественная палата РФ, Генеральный прокурор РФ и др.

Очевидно, что мониторинг правоприменения — это деятельность государственных органов, которая осуществляется отнюдь не только для служебного пользования. Это не акция внутреннего расследования государственного аппарата для определения симптомов его возможной болезни и поэтому закрытая от внешнего наблюдения. Поэтому, разумеется, какая-то аналогия с «врачебной тайной» здесь неуместна. Если государственный организм болен, то об этом должен знать прежде всего его хозяин, т. е. народ. Следовательно, гласность и открытость проведения мониторинга правоприменения — это принцип, без которого просто немислимо его проведение. Именно поэтому среди источников, поступающих для составления плана мониторинга информации, упоминаются предложения не только государственных органов, но и институтов гражданского общества и средств массовой информации. При осуществлении самого мониторинга правоприменения используется информация, поступившая от общественных, научных, правозащитных и иных организаций,

граждан и иных источников, а также из средств массовой информации. В свою очередь, антикоррупционная экспертиза, которая может использоваться в процессе мониторинга правоприменения, проводится в том числе и с участием независимых (общественных) экспертов [5]. Сам доклад о результатах мониторинга после его рассмотрения Президентом РФ подлежит опубликованию Минюстом России в средствах массовой информации⁷, а также размещению на официальных сайтах Президента РФ, Правительства РФ и Минюста России в сети Интернет.

Принцип координированности мониторинга правоприменения предполагает прежде всего связь с авторами и разработчиками нормативных правовых актов, а также субъектами их правоприменения. Ситуация, когда государственный орган, принявший какой-либо нормативный правовой акт, находится в неведении относительно того, как этот акт на самом деле работает, должна кардинальным образом измениться. Как отметил Ю.А. Тихомиров, «правовой мониторинг как структурный и информационно-аналитический механизм анализа и оценки жизненного цикла закона и иного нормативного правового акта открывает путь для измерения его эффективности» [5]. Для систематизации правовой информации, необходимой для проведения мониторинга правоприменения, уже созданы многие предпосылки: сформированные Минюстом России регистры нормативных правовых актов федеральных исполнительных органов власти, правовых актов субъектов РФ и муниципальных образований. Само Министерство юстиции РФ осуществляет за этими актами надзор через свои регистрационные, учетные, экспертные и иные полномочия. Ежегодно до 1 июня в Минюст России вносятся предложения для составления плана мониторинга правоприменения от: Генеральной прокуратуры, Уполномоченного по правам человека в РФ, Счетной палаты РФ, Центризбиркома, Центрального банка, Общественной палаты, государственных корпораций, фондов и иных организаций, созданных Российской Федерацией на основании федерального закона, Следственного комитета, федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов РФ, институтов гражданского общества, СМИ, органов местного самоуправления (через органы государственной власти субъектов РФ). По итогам рассмотрения доклада о результатах мониторинга Президентом РФ могут быть даны поручения государственным органам и организациям, а также должностным лицам о разработке законодательных и иных нормативных правовых актов РФ и принятии иных мер по реализации предложений, содержащихся в указанном докладе.

Что же касается эффективности, на необходимость измерения которой указывает Ю.А. Тихомиров [5, с. 14], то этот показатель также должен войти в число принципов мониторинга правоприменения. Другое дело, что для этого потребуются создание специального механизма измерения этой эффективности. Если исходить из того, что конечный продукт мониторинга правоприменения — это предложения по совершенствованию

⁷ Одним из таких средств массовой информации, где публикуется доклад о результатах мониторинга, является наш журнал (прим. ред.).

законодательства и практики его правоприменения (в том числе по устранению коррупциогенных факторов), то от того, в какой степени будут реализованы эти предложения, будучи отраженными в докладе Президента РФ после его опубликования, и зависит эффективность. Следует обратить внимание и на то, что после представления проекта доклада Президенту РФ содержащиеся в нем предложения еще не становятся автоматически руководством к действию. Данные предложения должны быть рассмотрены самим Президентом РФ, после чего могут быть откорректированы им, на основании чего президентом даются конкретные поручения государственным органам, организациям, должностным лицам. Таким образом, оценка эффективности мониторинга правоприменения должна быть также скоррелирована со степенью реализации указанных поручений Президента РФ.

Думается, что представленный перечень принципов проведения мониторинга правоприменения нельзя в полной мере считать исчерпывающим. Вместе с тем автор, выделяя указанные принципы, намеренно не упоминал универсальные принципы деятельности всего государственного аппарата в целом: законность, демократизм, защита прав и свобод человека, профессионализм, разделение властей, федерализм и др., чтобы отразить особенности и акцентировать внимание на мониторинге правоприменения как на специальной государственной функции, связанной с такими важными государственными задачами, как создание правового государства, борьба с коррупцией, совершенствование работы государственного аппарата, повышение гарантий прав и свобод человека и т. п.

В рамках мониторинга правоприменения можно выделить и ряд более узких, специальных принципов, касающихся антикоррупционного мониторинга. Все они в той или иной мере связаны с антикоррупционным законодательством. Намеренно опуская его общие (универсальные) принципы (защита прав и свобод человека, законность, публичность и открытость, неотвратимость ответственности за коррупционные действия), выделим лишь специальные:

- принцип комплексного использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер;
- принцип приоритетного применения мер по предупреждению коррупции;
- принцип государственного сотрудничества с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами.

Надо сказать, что в отсутствии специальной процедуры антикоррупционного мониторинга выделение этих принципов весьма условно. То, что в целях борьбы с коррупцией преимуществом должны обладать превентивные (профилактические) меры, обусловлено многофакторностью этого явления, отсутствием четкого алгоритма правовых действий, связанных с фиксацией, оценкой и ответственностью (за исключением уголовно наказуемых). Именно поэтому в данной ситуации более приемлем комплексный подход, ориентированный на все возможные истоки и корни коррупции, которая проявляется в экономической, политической, социальной, духовной сферах жизни нашего общества. Лишь налаживая должный контроль за проявлением всех этих источников коррупции и применяя комплексный механизм для ее противодействия, в данном случае в процессе мониторинга правоприменения, можно рассчитывать на хоть какой-то положительный результат. Большим заблуждением является мнение, что коррупция — это только болезнь государственного аппарата, с которой можно справиться путем его самоочищения. На самом деле коррупция пронизывает все поры нашего общества. Пожалуй, не в меньшей степени, чем публичная, ею заражены и частно-хозяйственная деятельность, деятельность общественных организаций, некоммерческих структур, политических партий и др. Именно поэтому в борьбе с коррупцией так важен принцип сотрудничества государства с институтами гражданского общества, международными организациями, отдельными гражданами и их объединениями.

Литература

1. Карташов В.Н. Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 158—166.
2. Поляков С.Б. Легальные и реальные принципы права // Журнал Российского права. 2018. № 9. С. 17—28.
3. Прокопьева Н.В., Иванов И.В. Понятие и принципы мониторинга правоприменения: теоретико-правовой аспект // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 155—160.
4. Тихомиров Ю.А. Практические аспекты осуществления антикоррупционного анализа и оценки реализации правовых актов // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 14—21.
5. Фадеева Е.С. Принципы правового мониторинга институтов государства // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4. С. 23—28.

ON THE PRINCIPLES OF LAW ENFORCEMENT MONITORING

Aleksandr Uvarov⁸

Keywords: state, legislation, law enforcement, monitoring, principles, anti-corruption, preventiveness, multifacetedness, promptness, scientific nature, publicity, efficiency.

Abstract.

Purpose of the work: identifying and explaining the main principles of law enforcement monitoring in the Russian Federation.

Method of study: dialectical methods of cognition.

Results obtained. Law enforcement monitoring is so far not reflected in a special Russian federal law. Reflecting the main principles at the federal level is caused by the exclusive competence of the Russian Federation in regard of federal conflict of laws (the Constitution of the Russian Federation, Article 71, item "p"). The following principles of law enforcement monitoring are mentioned and analysed in the paper: multifacetedness, preventiveness, plannedness, scientific nature, promptness, publicity and openness, coordinatedness, and efficiency. Considering that anti-corruption monitoring is an organic part of law enforcement monitoring, it is also considered appropriate to emphasise special principles of anti-corruption monitoring which include: multifaceted use of political, organisational, information and propagandistic, social and economic, legal, special, and other measures, priority use of corruption prevention measures, government co-operation with civil society institutions, international organisations and natural persons. In the concluding section the author sequentially analyses and explains the need for using these principles.

References

1. Kartashov V.N. Printsipy prava: poniatie, struktury, funktsii. *Juridicheskaja tekhnika*, 2020, No. 14, pp. 158—166.
2. Poliakov S.B. Legal'nye i real'nye printsipy prava. *Zhurnal Rossiiskogo prava*, 2018, No. 9, pp. 17—28.
3. Prokop'eva N.V., Ivanov I.V. Poniatie i printsipy monitoringa pravoprimereniia: teoretiko-pravovoi aspekt. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2015, No. 2, pp. 155—160.
4. Tikhomirov Iu.A. Prakticheskie aspekty osushchestvleniia antikorrupsionnogo analiza i otsenki realizatsii pravovykh aktov. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2009, No. 10, pp. 14—21.
5. Fadeeva E.S. Printsipy pravovogo monitoringa institutov gosudarstva. *Monitoring pravoprimereniia*, 2019, No. 4, pp. 23—28.

⁸ Aleksandr Uvarov, Dr.Sc. (Law), Professor, Head of Department at the Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice, Sochi, Russian Federation. E-mail: uvarov.al@mail.ru

КУМУЛЯТИВНАЯ ОХРАНА СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ: ВЕЛИКАН БЛЕНДЕРБОР, ПОЛЕЗНАЯ СМЕСЬ ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ?

Афанасьева Е. Г.¹

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, исключительные права, товарные знаки, географические указания, наименования мест происхождения товаров, фирменные наименования, коммерческие обозначения, объекты авторских прав, промышленные образцы, злоупотребление правом, компенсация за нарушение исключительных прав.

Аннотация.

Цель работы: исследование допустимости и эффективности охраны товарных знаков и иных средств индивидуализации одновременно и как других объектов интеллектуальной собственности — кумулятивной охраны, выявление ее достоинств и недостатков, рисков, которые она несет.

Метод исследования. Автором выдвинуты и проверены с помощью анализа нормативных правовых актов, деловой и правоприменительной практики гипотезы о допустимости нескольких вариантов кумулятивной охраны товарных знаков и иных средств индивидуализации, ее плюсах, минусах и рисках.

Результаты исследования. Охарактеризованы преимущества кумулятивной охраны товарных знаков и иных средств индивидуализации в разных правовых режимах в рамках права интеллектуальной собственности и риски, которые несет такая охрана для правообладателей, их контрагентов и иных лиц; показано, в каких случаях кумулятивная охрана недопустима и поведение правообладателей, претендующих на получение преимуществ от нее, может и должно квалифицироваться как злоупотребление правом.

DOI: 10.21681/2226-0692-2022-1-61-68

Введение

Для современного права интеллектуальной собственности нередким явлением стала охрана одного объекта сразу в двух или более правовых режимах (если такие режимы не являются несовместимыми)². По остроумному замечанию В.Ю. Джермакяна, таким образом правообладатель дважды снимает шкуру с одного барана [1]. В доктринальных источниках это явление называют наслоением правовых режимов или пересечением режимов интеллектуальных прав [2, 3]. По терминологии, используемой Роспатентом, это «параллельная охрана смежных объектов»³. Термин «параллельная охрана» кажется вполне удачным, чего нельзя сказать о «смежных объектах», поскольку это словосочетание вызывает ассоциации с объектами смежных прав. В п. 63 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — «Постановление Пленума № 10») говорится в том числе об этом явлении как о «связанности» объектов интеллектуальных

прав: «Если имеется несколько принадлежащих одному лицу результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, связанных между собой: произведение и товарный знак, в котором использовано это произведение, товарный знак и наименование места происхождения товара, товарный знак и промышленный образец, компенсация за нарушение прав на каждый объект определяется самостоятельно».

Что же толкает правообладателей на получение кумулятивной охраны, какие задачи они решают с ее помощью, какие выгоды из этого извлекают? Всегда ли использование кумулятивной охраны следует считать допустимым и несет ли она наряду с преимуществами для правообладателей какие-то риски? Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим наиболее распространенные варианты таких сцепок правовых режимов.

1. Товарный знак и произведение

Распространенный вариант такого наложения правовых режимов — охрана одного и того же объекта в режиме авторского права как произведения или его части и как товарного знака — словесного, изобразительного, комбинированного, объемного.

² Т. н. кумулятивная охрана.

³ См., напр., п. 3 Рекомендаций по соотношению правовой охраны промышленных образцов с правовой охраной товарных знаков, утв. Приказом Роспатента от 19.08.1999 № 141 (далее — «Рекомендации Роспатента 1999 г.»).

¹ Афанасьева Екатерина Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: afanasieva@predprim.ru

Вот один из характерных примеров. Правообладатель (ЗАО «Аэроплан») покупает в магазине за 265 Р. контрафактный товар (зонтик) и по итогам этой «контрольной покупки» предъявляет владельцу магазина (индивидуальному предпринимателю) иск о выплате компенсации в размере 100 000 Р.: за нарушение исключительных прав на пять товарных знаков и исключительных авторских прав на пять произведений изобразительного искусства — рисунки (изображения персонажей) «Симка», «Нолик», «Мася», «Папус», «Дим Димыч». При этом товарные знаки как раз и представляют собой изображения и наименования этих персонажей (зарегистрированные для ряда товаров, в числе которых и «зонты от дождя и солнца»)⁴. Дело необычно тем, что ответчик его выиграл, поскольку истцу не удалось доказать, что спорный товар был приобретен именно у него, однако в остальном оно достаточно типично: правообладатель совершает «контрольную покупку» товара (детский рюкзачок, полотенце, линейку), на котором изображены любимые детьми мультипликационные персонажи, одновременно зарегистрированные как товарные знаки: Смешарики, Фиксики, Маша и Медведь, Богатыри и конь Юлий, Барбоскины и пр. Ситуации могут различаться в деталях (полное или неполное совпадение товарных знаков и персонажей, наличие или отсутствие оснований для снижения размера компенсации «ниже низшего предела»), сходство же их заключается в том, что истцу принадлежат одновременно авторские права на персонажей и исключительные права на них же как на изобразительные или комбинированные (реже — словесные) товарные знаки.

Любой ли персонаж может сам по себе считаться объектом исключительных авторских прав? Ст. 1259 Гражданского кодекса России (в дальнейшем — ГК РФ) устанавливает два условия для такой самостоятельной охраны: персонаж должен являться самостоятельным результатом творческого труда автора и быть выражен в объективной форме. Применительно к таким произведениям, как мультфильмы, Верховный Суд РФ добавляет, что персонаж должен быть оригинальным, узнаваемым среди остальных персонажей мультфильма в силу его «внешнего вида, движений, голоса, мимики и иных признаков, предназначенных для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия». При этом от истца, который обращается за защитой права на персонажа как на часть произведения, требуется «обосновать, что такой персонаж существует как самостоятельный результат интеллектуальной деятельности»⁵.

Из этого следует, что регистрация персонажей как товарных знаков как минимум позволяет обеспечить правовую определенность в ответе на вопрос о том, являются ли они самостоятельными по отношению к целому произведению (комиксу, мультфильму, видеоигре) объектами исключительных прав: правообладателю уже не надо доказывать, что каждый из них — самостоятельный результат творческой деятельности, имеет свою

индивидуальность и стал узнаваемым в отрыве от мультфильма (комикса, игры). Возникает впечатление, что это своего рода подстраховка на случай, если суд не согласится с узнаваемостью персонажа, чтобы, например, можно было квалифицировать картинку из мультфильма, на которой изображены одновременно два персонажа, не как одно нарушение одного права на одно аудиовизуальное произведение, а как два нарушения прав на двоих персонажей (правда, как видно по последним делам, вместо такого рода доказательств истцы теперь нередко просто заявляют о том, что являются правообладателями рисунков, изображающих Машу, Медведя, Папуса, Дедуса, Симки и др.)⁶.

Примером эффективности регистрации в качестве товарного знака имени персонажа может служить долгая борьба фермеров братьев Чебурашкиных за регистрацию товарного знака, который включал бы их симпатичную фамилию. После того, как потерпели неудачу их попытки зарегистрировать для своей продукции обозначения «Чебурашкин продукт», «Ферма братьев Чебурашкиных», «Чебурашкина сельхозпродукция», «Продукт Чебурашкина», «Сельхозпродукция Чебурашкина» и «Продукция Чебурашкина», братья решили доказать, что писатель Эдуард Успенский не является автором слова «Чебурашка», и даже обзавелись лингвистическим заключением о том, что еще задолго до написания книги «Крокодил Гена и его друзья» в Поволжье чебурашками называли поплавки для сетей и бурлацкие приспособления. Однако эти усилия были тщетны, поскольку заявкам братьев Чебурашкиных противопоставлялись не авторские права Эдуарда Успенского, а товарный знак, зарегистрированный на имя учрежденного писателем ООО «Чебурашка». Если насчет того, является ли само имя Чебурашка объектом авторских прав, еще возможны были сомнения, то регистрация имени персонажа в качестве товарного знака с более ранним приоритетом безусловно могла быть противопоставлена заявке братьев Чебурашкиных⁷.

Вместе с тем правообладатели, которым одновременно принадлежат и авторские права на персонажей, и исключительные права на товарные знаки, содержащие их имена или изображения, вовсе не ограничиваются решением задачи достижения большей правовой определенности и предсказуемости и не пренебрегают возможностью, к примеру, за Машу и Медведя, изображенных на одном контрафактном рюкзаке, запросить компенсацию как за 4 нарушения. Одна Маша одновременно является произведением (объектом авторских прав) и товарным знаком, такое же удвоение происходит и с Медведем, каждый из них становится таким двухголовым великаном Блендербором из английских народных сказок, каждая из голов которого готова нанести противнику укус.

⁴ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.05.2020 № С01-257/2020 по делу № А56-147182/2018.

⁵ Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015. П. 9.

⁶ См., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 17.12.2019 № 307-ЭС19-23390 по делу № А13-19368/2018; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.05.2019 № 305-ЭС19-36 по делу № А41-39965/2018.

⁷ См., напр.: Пузырев Д. Чебурашка даст молока // Ежедневная деловая газета РБК. 10.06.2013. Впоследствии братьям Чебурашкиным все-таки удалось осуществить свое давнее намерение, добившись частичного прекращения правовой охраны противопоставляемого товарного знака по причине его длительного неиспользования.

Такой подход может показаться довольно странным с точки зрения здравого смысла, однако не нарушает букву закона. А.С. Ворожевич объясняет его тем, что изображение в подобных случаях способно выполнять одновременно две функции: эстетическую (как объект авторского права) и индивидуализирующую (как товарный знак) [2]. Это напоминает такое известное в уголовном праве явление, как «идеальная совокупность». В доктринальных источниках можно встретить и предложение рассматривать такую двойную защиту исключительных прав на персонажей как злоупотребление правом [4]. Вместе с тем формально допустимость такого удвоения может быть обоснована ссылкой на п. 63 постановления Пленума № 10, а довод о том, что предъявление требования о взыскании компенсации за нарушение прав и на объект авторского права, и на средство индивидуализации, которые представляют собой одно изображение, является злоупотреблением правом, не встретил поддержки у Суда по интеллектуальным правам⁸. Правда, в 2014 г. законодатель несколько ограничил аппетиты правообладателей, претендующих на кумулятивную компенсацию, хотя бы дав судам возможность с учетом характера и последствий нарушения снижать ее размер (абз. 3 п. 3 ст. 1252 ГК РФ) до половины суммы минимальных размеров всех компенсаций за допущенные нарушения (а с учетом позиции Конституционного Суда по вопросу соразмерности и справедливости компенсации, суды, принимая во внимание обстоятельства конкретного дела, теперь вправе снизить размер компенсации еще сильнее).

Кумулятивная охрана в режиме произведения и товарного знака, помимо мультипликации компенсации, позволяет правообладателям соединить привлекательные свойства разных правовых режимов в рамках права интеллектуальной собственности, компенсировать слабые стороны одного правового режима сильными сторонами другого [5, с. 623]. Авторско-правовая охрана исключительных прав, хотя и действует в течение очень продолжительного срока, но все-таки не бесконечна, а товарный знак может охраняться бессрочно, если своевременно продлевать его охрану или если он признан общеизвестным. С другой стороны, исключительное право на товарный знак может прекратиться из-за длительного его неиспользования, а для авторского права такие последствия его неосуществления не предусмотрены. Авторское право, в отличие от товарного знака, не привязано к определенным товарам и услугам, зато в отношении товарных знаков, в отличие от объектов авторских прав, законом не предусмотрены случаи свободного использования.

Как видно, для правообладателя в такой кумулятивной охране одни сплошные плюсы. Риски же и минусы скорее существуют для третьих лиц, в том числе для добросовестных контрагентов. Как справедливо отме-

чают В.И. Елисеев и А.С. Ворожевич, лицензиат может получить право на использование изобразительного товарного знака, но столкнуться с ответственностью за несанкционированное использование того же изображения как объекта авторских прав [2], или, наоборот, по лицензионному договору приобрести, например, право на воспроизведение в трехмерной форме персонажа как объекта авторских прав, но не быть вправе использовать зарегистрированный для игрушек товарный знак, изображающий этого персонажа; если же авторские права на персонажа и права на его изображение как на товарный знак принадлежат разным правообладателям, ситуация для лиц, стремящихся к правомерному использованию таких объектов, может еще сильнее осложниться [6]. В качестве примера можно привести злключения некоторых компаний, желавших использовать образы героев мультфильмов, снятых по книгам Эдуарда Успенского, и пострадавших из-за неясности, с кем им заключать лицензионные договоры — с писателем или с киностудией. А.С. Ворожевич и В.И. Елисеев предлагают варианты, которые могли бы способствовать большей правовой определенности в подобных ситуациях: например, при регистрации товарного знака, включающего в себя объект авторских прав, отражать в реестре информацию о принадлежности авторских прав правообладателю товарного знака либо о том, что обладатель авторских прав дал на регистрацию товарного знака согласие [2]; сформулировать в ГК РФ диспозитивное правило о том, что если лицо, обладающее одновременно исключительным правом на произведение и товарный знак, включающий это произведение или его охраняемые части, предоставляет по договору право использования товарного знака, то и право на использование объектов авторских прав считается предоставленным в том объеме, который необходим для использования товарного знака [6]. Вполне обоснованно предложение квалифицировать как злоупотребление правом поведение правообладателя, который, передавая по лицензионному договору право использовать товарный знак, сохраняет исключительное авторское право на его изобразительный компонент и затем предъявляет лицензиату иск о его нарушении [2].

2. Товарный знак и промышленный образец

По поводу возможности совмещения этих двух правовых режимов в доктрине можно встретить разные точки зрения. Разногласия отчасти вызваны разным пониманием пп. 3 п. 9 ст. 1483 ГК РФ, запрещающего регистрацию в качестве товарного знака обозначения, которое тождественно старшему промышленному образцу или схоже с ним до степени смешения.

А.В. Генис считает, что такая кумулятивная охрана невозможна [7]. Э.П. Гаврилов предлагает установить в законодательстве, что «если правообладатель желает охранять принадлежащий ему объект как промышленный образец, то все авторские права на этот объект прекращаются, а патентные права и права на товарные знаки не могут возникать» [8]. А.С. Ворожевич полагает, что одновременная охрана в двух режимах допустима (в том случае, когда правообладателем товарного знака и про-

⁸ См.: Информационная справка, подготовленная по результатам обобщения судебной практики Суда по интеллектуальным правам в качестве суда кассационной инстанции с учетом практики Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации по некоторым вопросам, возникающим при взыскании компенсации за нарушение авторских и смежных прав (утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 05.04.2017 № СП-23/10). П. 6.

мышленного образца является одно и то же лицо) [2]. С этой точкой зрения стоит согласиться.

В Рекомендациях Роспатента 1999 г. говорится о допустимости «параллельной правовой охраны» в режиме товарного знака и промышленного образца таких объектов, как бутылки, тубики, канистры, ярлыки, этикетки, обертки, обложки для книг и даже лотерейные билеты (п. 3.1, 3.2). Справедливости ради надо сказать, что эти рекомендации были составлены еще в период действия Закона РФ от 23.09.1992 № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», в ч. 2 ст. 7 которого ограничение было сформулировано иначе, нежели сейчас: «Не регистрируются в качестве товарных знаков обозначения, воспроизводящие ... промышленные образцы, права на которые в Российской Федерации принадлежат другим лицам» (курсив мой — Е.А.).

Казалось бы, законодатель неслучайно изменил формулировку и в пп. 3 п. 9 ст. 1483 ГК РФ не включил уточнение о других лицах. Однако в первоначальной редакции этого подпункта упоминались и доменные имена. Невозможно предположить, что законодатель хотел запретить лицу, имеющему право на использование доменного имени, зарегистрировать включающий его товарный знак. Так что логичным кажется вывод о правильности ограничительного толкования пп. 3 п. 9 ст. 1483 ГК РФ: нельзя регистрировать товарный знак, тождественный или схожий до степени смешения с промышленным образцом другого лица, имеющим более ранний приоритет. Такое толкование соответствует и пп. 2 п. 5 ст. 1352 ГК РФ.

Смысл совмещения этих двух правовых режимов заключается как в мультипликации компенсации, так и в том, чтобы соединить их привлекательные стороны. Патент на промышленный образец действует пять лет и может несколько раз продлеваться, но в пределах 25 лет. Товарный же знак может охраняться бесконечно долго. В отличие от промышленного образца, в отношении товарного знака не предусмотрены законом случаи использования без согласия правообладателя, а также не признается право преждепользования. Преимуществом правового режима промышленного образца является предоставление ему временной правовой охраны со дня публикации сведений о поданной заявке до дня публикации сведений о выдаче патента (ст. 1392 ГК РФ).

Недостатком такой кумулятивной охраны является риск снижения оборотоспособности прав на товарный знак и промышленный образец: не исключен отказ Роспатента в регистрации их отчуждения порознь или признание договора о таком отчуждении недействительным в силу п. 2 ст. 1365 и п. 2 ст. 1488 ГК РФ (со ссылкой на возможность введения потребителей в заблуждение относительно товара или его изготовителя). Как раз такой пример приведен в п. 3.3.7.2 Рекомендаций по вопросам проверки договоров о распоряжении исключительным правом на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации⁹. В качестве примера из судебной практики можно привести дело по поводу отчуждения исключительных прав

на товарные знаки со словесным элементом «Раптика», одной из причин признания которого недействительным явилось сохранение у правообладателя права на использование этого обозначения в составе промышленных образцов — этикеток для рыбных консервов¹⁰.

Еще одним минусом такой кумулятивной охраны является уплата двойных пошлин — и за регистрацию товарного знака (и продление его правовой охраны), и патентных пошлин за промышленный образец.

Рассмотренный вариант «два в одном» может за счет объекта авторского права (произведения дизайна) превратиться и в «три в одном».

3. Товарный знак и фирменное наименование

Распространенной практикой является регистрация товарного знака, в который в качестве словесной части входит такой элемент фирменного наименования, как «добавление». Совмещение этих двух правовых режимов доступно только коммерческим организациям, поскольку только их наименования могут охраняться как объекты интеллектуальной собственности. В качестве примера можно привести хотя бы инициатора уже упоминавшихся судебных разбирательств ООО «Маша и Медведь». В результате этого правовой режим фирменного наименования усиливается такими привлекательными чертами товарного знака, как возможность защиты путем взыскания компенсации (и привлечения нарушителя при определенных обстоятельствах не только к административной, но даже и к уголовной ответственности) и возможность коммерциализации объекта интеллектуальных прав через заключение лицензионных договоров. Кроме того, если товарный знак будет признан общеизвестным, его правовая охрана впоследствии может быть распространена и на иные товары, нежели те, в отношении которых он был признан общеизвестным, в то время как право на фирменное наименование охраняется лишь от использования тождественного или схожего до степени смешения наименования в аналогичной сфере деятельности.

Но и у фирменного наименования есть свои плюсы по сравнению с товарным знаком — невозможность прекращения права из-за длительного неиспользования, а также возможность без соблюдения формальностей заняться новыми видами деятельности и распространить на них действие исключительного права.

Однако такая кумулятивная охрана связана и с некоторыми рисками для правообладателя. В результате оборотоспособность исключительного права на товарный знак может быть снижена в силу уже упоминавшегося п. 2 ст. 1488 ГК РФ (и такой пример отчуждения исключительного права на товарный знак, грозящего введением потребителей в заблуждение, также был приведен в упоминавшихся Рекомендациях Роспатента 2009 г.). Суд по интеллектуальным правам пояснил, что под введением в заблуждение надо понимать перенесение информации о товаре, содержащейся в товарном знаке, на нового правообладателя, что «может создать искаженное представление о товаре или его произво-

⁹ Утв. приказом Роспатента от 29.12.2009 № 186 (далее — «Рекомендации Роспатента 2009 г.»).

¹⁰ См.: Определение ВАС РФ от 15.09.2011 № ВАС-11412/11 по делу № А41-27786/2010.

дите, способное повлиять на решение потребителя»¹¹. Хрестоматийным уже стал пример, как ООО «Жанетт» смогло по этому основанию добиться признания недействительным заключенного прежним директором договора и вернуть себе товарные знаки со словесным элементом «жанетт»¹². Есть и более свежий случай, когда Роспатент по этому мотиву отказал в регистрации отчуждения ООО «Торговый Дом «Европа» исключительных прав на товарный знак со словесным элементом «Торговый Дом «Европа»¹³.

В доктринальных источниках можно встретить утверждение о том, что совпадающий с фирменным наименованием товарный знак вовсе не оборотоспособен и не может быть предметом даже лицензионного договора [9]. Это, конечно, явное преувеличение: во-первых, это ограничение установлено в отношении договора об отчуждении исключительного права; во-вторых, в определенных обстоятельствах отчуждение исключительного права на словесный товарный знак, включающий элементы фирменных наименований обеих сторон сделки, не будет создавать риск введения потребителей в заблуждение (например, если он еще не использовался и потребители не ассоциируют его с первоначальным правообладателем) [10].

В этом плане любопытен пример спора о признании недействительным договора об отчуждении исключительных прав на товарные знаки (в том числе со словесными элементами «ИНМОР» и «INMOR»), сторонами которого выступали две Санкт-петербургские компании с одинаковыми фирменными наименованиями: ЗАО «Инмор» с Казанской улицы и ЗАО «Инмор» с Бумажной улицы¹⁴. Суд согласился с доводом ответчика об истечении срока исковой давности, и истцу не удалось вернуть себе право на товарный знак, однако и риск введения потребителей в заблуждение в результате исполнения этого договора был неочевиден, хотя истец и пытался доказать его существование с помощью данных социологического опроса.

Другой примечательный спор возник из-за отказа Роспатента зарегистрировать переход права на знак обслуживания «АВРОРА» от прежнего правообладателя ООО «АВРОРА ИНТУР» к приобретателю, который специально ради этого переименовался из ООО «Такси Мегаполис» в ООО «Такси Аврора»¹⁵. Судя по данным открытых реестров, приобретателю в конце концов удалось исправить недостатки в оформлении документов и убедить Роспатент в том, что риск введения потребителей в заблуждение отсутствует: передача ему исключительных прав на товарный знак по свидетельству РФ № 437256 была зарегистрирована; более того, впоследствии была зарегистрирована передача прав на этот товарный знак по договору новому правообладателю —

ООО «Холдинговой компании «Бизнесинвестгрупп», в фирменном наименовании которого слово «Аврора» вообще отсутствует.

С.В. Зыков, основываясь на изучении материалов правоприменительной практики, отмечает тенденцию смягчения подхода в отношении такого рода договоров и делает вывод, что «Суд по интеллектуальным правам признает недействительными договоры по указанному основанию лишь в исключительных и достаточно очевидных для любого лица обстоятельствах» [11].

Таким образом, риск уменьшения оборотоспособности товарного знака при кумулятивной охране в варианте «товарный знак плюс фирменное наименование» существует, но все-таки о полной потере товарным знаком оборотоспособности в таком случае говорить было бы неверно.

В качестве третьего элемента к этой паре может быть добавлена авторско-правовая охрана (например, ООО «Чебурашка», товарный знак «Чебурашка» и имя персонажа, если согласиться с тем, что оно само по себе охраноспособно как объект авторских прав).

4. Товарный знак и коммерческое обозначение

Бывают случаи, когда коммерческое обозначение просто опережает товарный знак. Право на него возникает в силу фактического использования и приобретения известности на определенной территории, а затем правообладатель регистрирует товарный знак, совпадающий с коммерческим обозначением. Как и в случае со сцепкой «авторское право плюс товарный знак», регистрация коммерческого обозначения в качестве товарного знака способствует большей правовой определенности: для защиты права на коммерческое обозначение правообладателю надо доказать, что оно возникло в силу фактического использования для индивидуализации предприятия и приобретения известности на определенной территории и когда это произошло, а право на товарный знак и приоритет подтверждаются свидетельством.

Казалось бы, после регистрации одноименного товарного знака смысл в коммерческом обозначении теряется. Это средство индивидуализации во всем слабее — оно имеет локальный характер (действует на территории, в границах которой можно доказать его известность, например, города, региона), его невозможно защищать, используя взыскание компенсации, за его несанкционированное использование не грозит привлечение к уголовной ответственности, его оборотоспособность снижена (право на него может передаваться лишь в составе предприятия или комплекса исключительных прав по договорам продажи, аренды предприятия или коммерческой концессии), исключительное право на него по причине «заброшенности» должно прекратиться быстрее, чем на товарный знак, автоматически и без учета уважительных причин неиспользования. Однако в силу того, что объекты индивидуализации не совпадают (товар или услуга и предприятие), на практике эти средства индивидуализации сосуществуют и могут удачно дополнять друг друга как при использовании самим правообладателем, так и в составе комплекса исключительных прав, являющихся предметом договора

¹¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.12.2019 № С01-924/2019 по делу № А56-114236/2017.

¹² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 06.08.2015 № С01-570/2015 по делу № А41-28961/2014.

¹³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 05.02.2021 № С01-1228/2020 по делу № А40-318234/2019.

¹⁴ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.12.2019 № С01-924/2019 по делу № А56-114236/2017.

¹⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.09.2020 № С01-1085/2020 по делу № А40-301039/2019.

коммерческой концессии (франчайзинга). Кроме того, если, например, правообладателю по какой-то причине не удастся продлить охрану товарного знака, у него по крайней мере останется коммерческое обозначение.

Эта пара правовых режимов может быть дополнена как авторско-правовой охраной, так и фирменным наименованием.

5. Фирменное наименование и коммерческое обозначение

Такой набор подходит для небольших коммерческих организаций как «эконом-вариант». Правовые режимы фирменного наименования и коммерческого обозначения менее привлекательны в сравнении с товарным знаком, промышленным образцом и объектом авторских прав (невозможность взыскания компенсации вместо убытков, привлечения нарушителя к уголовной ответственности, необоротоспособность права на фирменное наименование и малая оборотоспособность права на коммерческое обозначение), но зато не требуют соблюдения отдельных формальностей и уплаты пошлин за предоставление, поддержание в силе и продление правовой охраны.

6. Географическое указание и товарный знак

Совместимы ли эти правовые режимы? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Охрана одного и того же обозначения в качестве географического указания (НМПТ) и товарного знака для одних и тех же товаров противоречит сути и назначению этих средств индивидуализации [12]. Если обозначение охраняется как товарный знак, то оно ассоциируется с определенным товаропроизводителем (услугодателем) безотносительно к месту, в котором товары производятся (оказываются услуги); если как географическое указание (НМПТ) — с любым товаропроизводителем, который доказал, что его товар обладает особыми свойствами, качеством, репутацией, другими характеристиками, которые исключительно или в значительной степени обусловлены географическим происхождением товара.

П. 7 ст. 1483 ГК РФ допускает включение в товарный знак географического указания (НМПТ) лицом, имеющим право на их использование, лишь в отношении тех же товаров и, что очень важно, — в виде неохраняемого элемента. Иначе монополизация географического указания (НМПТ) одним лицом заблокировала бы иным лицам, способным производить в данной местности товары, обладающие особыми свойствами (качеством, репутацией, другими характеристиками), возможность заявлять о месте происхождения своих товаров и предоставила бы правообладателю необоснованные конкурентные преимущества.

Этой логике явно противоречит пример с водкой «Русская». Истцу, ФКП «Союзплодоимпорт», удалось добиться от ответчика, ЗАО «Типография автограф», двойной компенсации за изготовление партии этикеток с рисунком и надписью «Водка Народная Русская» — как за нарушение одновременно исключительного права на товарный знак со словесным элементом «Русская» (по свидетельству № 38389) и на использование НМПТ «Рус-

ская водка» (по свидетельству № 65/1). Размер компенсации за нарушение права на товарный знак при этом истец подсчитал исходя из двукратной стоимости права, а за НМПТ — из двукратной стоимости контрафактных этикеток. Среди возражений ответчика был довод о том, что «у истца отсутствуют основания заявлять одновременно о нарушении прав на товарный знак и НМПТ, поскольку НМПТ включено в товарный знак в качестве неохраняемого элемента», однако суд этот довод отклонил, сославшись на то, что «спорный товарный знак зарегистрирован в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации 10.10.1969, тогда как НМПТ зарегистрировано в Государственном реестре наименований мест происхождения товаров Российской Федерации значительно позже — 05.06.2003», а «лицу, на имя которого зарегистрирован товарный знак, не может быть отказано в его защите (даже в случае, если в суд представляются доказательства неправомерности регистрации товарного знака) до признания предоставления правовой охраны такому товарному знаку недействительной ... или прекращения правовой охраны товарного знака...»¹⁶. Однако представляется, что суд мог и должен был отказать истцу в требовании о двойной компенсации со ссылкой на злоупотребление правом. Именно злоупотреблением правом является использование наименования места происхождения товара в качестве охраняемого элемента товарного знака и двух несовместимых правовых режимов — в данном случае для необоснованного взыскания двойной компенсации.

Заключение

Кумулятивная охрана средств индивидуализации, как правило, является осознанной стратегией правообладателя для решения нескольких задач: достижения большей правовой определенности (для вариантов «авторское право плюс товарный знак» и «коммерческое обозначение плюс товарный знак»), мультипликации компенсации за нарушение исключительных прав (для вариантов «авторское право плюс товарный знак» и «промышленный образец плюс товарный знак») и соединения привлекательных черт разных правовых режимов. Вместе с тем такая практика связана с некоторыми неудобствами и рисками как для третьих лиц, так и для самих правообладателей. Для третьих лиц это риски неопределенности при заключении лицензионных договоров (в особенности для варианта «авторское право плюс товарный знак»), а для самого правообладателя — риск снижения оборотоспособности товарного знака (для вариантов «товарный знак плюс промышленный образец» и «товарный знак плюс фирменное наименование»). Совершенно несовместимыми в рамках кумулятивной охраны являются правовые режимы географического указания (НМПТ) и товарного знака. Поведение правообладателей, которым все-таки удастся добиться такой кумулятивной охраны и претендовать на ее преимущества, следует квалифицировать как злоупотребление правом.

¹⁶ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.11.2014 № С01-236/2013 по делу № А76-9871/2012.

Литература

1. Джермакян В.Ю. Комментарий к гл. 72 «Патентное право» Гражданского кодекса РФ (постатейный). 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. СПС «КонсультантПлюс».
2. Ворожевич А.С. Пересечение прав на товарные знаки, произведения и промышленные образцы // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 18. С. 45—57.
3. Королева А.Г. Соотношение авторской и патентной форм охраны промышленного дизайна // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8. С. 80—88.
4. Смирнова Е.А., Шишанова А.А. О сложной юридической судьбе персонажей мультипликационных фильмов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 6. С. 19—30.
5. Афанасьева Е.Г., Харитонов Ю.С. Глава 13. Интеллектуальная собственность в современной экономике: правовые вопросы // Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития : монография / отв. ред. Е.П. Губин. М. : Юстицинформ, 2019. С. 616—648.
6. Елисеев В.И. Проблемы кумулятивной охраны результатов интеллектуальной деятельности // Законодательство. 2017. № 2. С. 22—28.
7. Генис А.В. Правовая охрана внешнего вида изделий в иностранных государствах // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 1. С. 39—48.
8. Гаврилов Э.П. Как усовершенствовать право на промышленные образцы и товарные знаки? // Патенты и лицензии. 2021. № 6. С. 26—29.
9. Трахтенгерц Л.А. Товарный знак, содержащий фирменное наименование правообладателя, не может быть уступлен другим лицам // Комментарий судебно-арбитражной практики / Под ред. В.Ф. Яковлева. М. : Юридическая литература, 2012. Вып. 18. С. 118—124.
10. Афанасьева Е.Г., Долгих М.Г., Гвимрадзе Т.А. Товарный знак как товар: способы распоряжения // Предпринимательское право. 2016. № 4. С. 27—35.
11. Зыков С.В. Введение потребителя в заблуждение при отчуждении исключительного права на товарный знак // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2021. № 7. С. 43—50.
12. Афанасьева Е.Г., Долгих М.Г. «Откуда дровишки?», или Риски монополизации топонимов // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 37—41.

Автор выражает благодарность за использование материалов, предоставленных СПС «Консультант» и «Гарант

CUMULATIVE PROTECTION OF MEANS OF IDENTIFICATION: GIANT BLUNDERBORE, A USEFUL MIX OR ABUSE OF LAW?

Ekaterina Afanas'eva¹⁷

Keywords: *intellectual property, exclusive rights, trademarks, geographical indications, names of places of origin of goods, business legal names, trade names, copyright objects, registered designs, abuse of law, compensation for violations of exclusive rights.*

Abstract.

Purpose of the work: studying the acceptability and efficiency of protection of trademarks and other means of identification as being at the same time other intellectual property objects, i. e. cumulative protection, identifying its advantages, drawbacks and risks related to it.

Method of study. The author puts forward and tests, using the analysis of legal regulations, business and law enforcement practice, a hypothesis that multiple variants of cumulative protection of trademarks and other means of identification are acceptable, as well as its advantages, drawbacks and risks.

Results of the study. The benefits of cumulative protection of trademarks and other means of identification in different legal regimes within the framework of intellectual property law are described, as well as the risks of such protection to which right holders, their contractees and other persons are exposed. Cases are shown when cumulative protection is unacceptable, and the conduct of right holders claiming benefits from this protection can and should be considered as an abuse of law.

References

1. Dzhermakian V.Iu. Kommentarii k gl. 72 "Patentnoe pravo" Grazhdanskogo kodeksa RF (postateinyi). 2-e izd., ispr. i dop. M., 2010. SPS "Konsul'tantPlus".
2. Vorozhevich A.S. Peresechenie prav na tovarnye znaki, proizvedeniia i promyshlennye obraztsy. Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam, 2017, No. 18, pp. 45-57.
3. Koroleva A.G. Sootnoshenie avtorskoi i patentnoi form okhrany promyshlennogo dizaina. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 2021, No. 8, pp. 80-88.

¹⁷ Ekaterina Afanas'eva, Ph.D. (Law), Associate Professor at the Business Law Department of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation. E-mail: afanasieva@predprim.ru

4. Smirnova E.A., Shishanova A.A. O slozhnoi iuridicheskoi sud'be personazhei mul'tiplikatsionnykh fil'mov. *Intellektual'naiia sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*, 2018, No. 6, pp. 19–30.
5. Afanas'eva E.G., Kharitonova Iu.S. Glava 13. *Intellektual'naiia sobstvennost' v sovremennoi ekonomike: pravovye voprosy. Predprinimatel'skoe pravo Rossii: itogi, tendentsii i puti razvitiia : monografiia. Otv. red. E.P. Gubin. M. : Iustitsinform, 2019, pp. 616–648.*
6. Eliseev V.I. Problemy kumuliativnoi okhrany rezul'tatov intellektual'noi deiatel'nosti. *Zakonodatel'stvo*, 2017, No. 2, pp. 22–28.
7. Genis A.V. Pravovaia okhrana vneshnego vida izdelii v inostrannykh gosudarstvakh. *Intellektual'naiia sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*, 2018, No. 1, pp. 39–48.
8. Gavrilov E.P. Kak usovershenstvovat' pravo na promyshlennye obraztsy i tovarnye znaki? *Patenty i litsenzii*, 2021, No. 6, pp. 26–29.
9. Trakhtengerts L.A. Tovarnyi znak, sodержashchii firmennoe naimenovanie pravoobladatelia, ne mozhet byt' ustuplen drugim litsam. *Kommentarii sudebno-arbitrazhnoi praktiki. Pod red. V.F. Iakovleva. M. : Iuridicheskaiia literatura, 2012. Vyp. 18, pp. 118–124.*
10. Afanas'eva E.G., Dolgikh M.G., Gvimradze T.A. Tovarnyi znak kak tovar: sposoby rasporiiazheniia. *Predprinimatel'skoe pravo*, 2016, No. 4, pp. 27–35.
11. Zikov S.V. Vvedenie potrebitelia v zabluzhdenie pri otchuzhdenii iskluchitel'nogo prava na tovarnyi znak. *Intellektual'naiia sobstvennost'. Promyshlennaia sobstvennost'*, 2021, No. 7, pp. 43–50.
12. Afanas'eva E.G., Dolgikh M.G. "Otkuda drovishki?", ili Riski monopolizatsii toponimov. *Predprinimatel'skoe pravo*, 2019, No. 2, pp. 37–41.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ ПО ОПРОСАМ СЛУШАТЕЛЕЙ УЧЕБНЫХ КУРСОВ

Шулепин М. В.¹, Воронов В. В.²

Ключевые слова: Россия, дополнительное профессиональное образование, опрос слушателей, сотрудники полиции, повышение квалификации, направления развития.

Аннотация.

Цель статьи — представление возможностей развития дополнительной профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел для роста их человеческого и социального капиталов. В работе проведён социологический анализ функционирования института дополнительного профессионального образования сотрудников органов внутренних дел на базе ведомственной модели в системе Министерства внутренних дел (МВД) России.

Метод исследования — сравнительный анализ мониторингового опроса слушателей ВИПК МВД России в период 2011—2015 годов с авторским опросом в 2019 году слушателей того же учреждения и его территориальных подразделений, а также Факультета переподготовки и повышения квалификации Московского университета МВД РФ имени В.Я. Кикотя (N=384).

Информационную базу составляют данные статистики, регулярных мониторинговых опросов, проведенных в 2011—2015 годах на выборке из 18,2 тыс. слушателей учебных курсов ведомственных программ ДПО в ВИПК МВД России, а также результаты авторского социологического исследования.

Полученные результаты. В работе определены конкретные возможности такого развития: повышение профессионального уровня сотрудников, передача передового опыта, развитие правовых компетенций, развитие социальной коммуникации с гражданами, общественными объединениями, средствами массовой информации. Определены субъективные (слабая инициативность сотрудников) и объективные (ведомственная централизация) ограничения деятельности данного института. Представлены направления повышения эффективности дополнительного профессионального образования в деятельности сотрудников органов внутренних дел России: практическая ориентированность актуальных учебных программ, рост гибкости и разнообразия форматов обучения.

DOI: 10.21681/2226-0692-2022-1-69-78

Введение. В современных условиях нестабильности особую актуальность приобретает проблема эффективности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел (ОВД) для поддержания правопорядка и общественной безопасности [1; 4; 9]. Высокая скорость социальных изменений в российском обществе диктует необходимость изучения вопросов активности субъектов ведомственного дополнительного профессионального образования (ДПО) — сотрудников ОВД: их мотивации, оценки полученных знаний, мобильности, социально-коммуникационного взаимодействия и деятельности в плоскости анализа возможных изменений ДПО, чтобы выявить основные тенденции и барьеры его развития. Востребованность актуальных и достоверных знаний о процессе функционирования существующего института ДПО в системе МВД России и ее восприятии ключевыми субъектами — сотрудниками ОВД в качестве референтной группы (слушателей учебных курсов) обу-

словлена научно-практической потребностью заинтересованных лиц в ведомстве и обществе иметь адекватное представление о текущем состоянии института ДПО в правоохранительной системе МВД. Указанное обстоятельство может выступить основанием для его корректировки в соответствии с функциями МВД и с позиции усложнения правоохранительной деятельности, а также современными социальными запросами общества в обеспечении правопорядка и безопасности граждан. Эти запросы обусловлены растущим социальным неравенством в российском обществе, порождающим новые формы асоциального поведения, изменчивым характером угроз общественной безопасности, изменениями технологической основы как совершения правонарушений, так и методов их расследования и профилактики.

Вместе с тем закрытость ведомственного института ДПО усложняет процесс его адаптации к внешней среде в современных условиях. Имеющееся противо-

¹ Шулепин Михаил Владимирович, аспирант Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация. E-mail: mihailshulepin@mail.ru

² Воронов Виктор Васильевич, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: viktor.voronov@du.lv

речие между потребностями в профессиональных компетенциях, востребованных в служебной деятельности сотрудников ОВД и отвечающих современным социальным запросам общества в охране правопорядка, и фактическим содержанием и структурой подготовки ведомственного института ДПО представляется одним из барьеров в повышении эффективности их профессиональной деятельности. Очевидна дополнительная необходимость в социологическом анализе отраслевого ДПО МВД России как социального института, его влияния на возможности и ограничения повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников ОВД. Работа направлена на решение следующих задач:

- оценить опыт участия сотрудников ОВД в программах дополнительного профессионального обучения;
- выявить основные мотивы участия сотрудников в программах ДПО и воспринимаемые ими результаты обучения;
- определить потребности и ожидания от института ДПО;
- выявить факторы, негативно влияющие на качество исполнения служебных обязанностей;
- сравнить фактическое и востребованное содержание программ ДПО в системе МВД;
- оценить вклад программ ДПО в повышение качества исполнения служебных обязанностей;
- выявить направления повышения эффективности ДПО в работе сотрудников ОВД.

Методология и методы. Основой исследования выступает комплексный анализ развития ведомственного института ДПО на основе правового, образовательного, социально-экономического подходов. Проведен анализ отечественных и зарубежных работ по теме исследования. Изучены нормативные документы ДПО в системе МВД России, материалы статистики. В работе представлен сравнительный анализ мониторингового опроса слушателей Всероссийского института повышения квалификации (ВИПК) МВД России в период 2011—2015 годов [9, с. 64—70; 7] и авторского исследования, проведенного в 2019 году в том же учреждении. Эмпирическая база исследования представлена в форме массового анкетного социологического опроса среди сотрудников ОВД — слушателей ВИПК МВД России и факультета переподготовки и повышения квалификации Московского университета МВД (сентябрь — декабрь 2019 г., N = 384 чел.). Анкетирование проводилось раздаточным методом под контролем анкетера. Тип выборки: целенаправленная, со случайным отбором на последнем этапе.

Социально-демографические характеристики респондентов таковы: по полу респонденты представлены почти поровну: 49,7% — мужчины, 50,3% — женщины. По возрастным когортам респонденты представлены следующим образом: 21—30 лет (16,9%), 31—40 лет (50,8%), 41—50 лет (23,2%), старше 50 лет (1,3%). В исследовании приняли участие сотрудники ОВД с разным опытом службы. Средний стаж службы в системе МВД среди респондентов составил 12,4 лет. При этом распределение респондентов по стажу выглядит следующим образом: до 5 лет у 20,7% ответивших, от 6 до 10 лет стажа — у 19,4%, от 11 до 20 лет стажа — у 48,3%, более 20 лет стажа — у 11,6%.

Состав выборки достаточно разнороден с точки зрения стажа службы, который является важным фак-

тором, влияющим на восприятие потребностей службы и оценки соответствия им обучения в институте ДПО. Выборка также представляет различные категории сотрудников ОВД. Наибольшая часть респондентов (54,5%) относится к среднему начальствующему составу, еще треть (33,6%) — к старшему начальствующему составу. Более половины респондентов (62,5% ответивших) занимает текущую должность в течение 1—5 лет; еще 20,3% — от 5 до 10 лет, 7,3% — более 10 лет. Сформированная выборка референтной группы обладает достоверностью для оценки текущих тенденций в восприятии института ДПО его слушателями — сотрудниками ОВД, а также для определения роли отдельных социально-демографических и социально-профессиональных факторов в их мотивации, ожиданиях от дополнительного образования, отношении к полученным результатам и возможности их использования в профессиональной деятельности.

Результаты исследования и обсуждение. Полученные в ходе исследования данные позволили оценить текущее состояние дополнительного образования в системе МВД России. Предыдущие исследования, проведенные российскими специалистами, показывают, что недостаточный профессиональный уровень является самой распространенной причиной неэффективного исполнения служебных обязанностей. Такая оценка, данная самими сотрудниками ОВД, носит устойчивый характер на протяжении последних лет. Е.А. Тульская приводит результаты регулярных мониторинговых опросных исследований, проведенных в общей сложности на выборке из 18,2 тыс. слушателей ведомственных программ ДПО в ВИПК МВД России. Согласно им, в течение 2011—2015 гг. респонденты оценивали важность отдельных причин неэффективности служебной деятельности сотрудников ОВД следующим образом: низкий профессиональный уровень — 35,5% (от общего числа респондентов); формализм при выполнении служебных обязанностей — 25,2%; низкая поддержка со стороны населения — 16,3%; правовая некомпетентность сотрудников — 9,0%; отсутствие должного контроля со стороны руководителей — 3,9%; другие причины — 4,7% [9, с. 65—66]. Распределение ответов оказывается очень устойчивым и мало меняется на протяжении последних лет. Аналогичные данные представлены и в отчете ВИПК МВД России [7, с. 4]. Экспертные оценки, даваемые специалистами, также показывают, что фактический уровень теоретических и практических знаний сотрудников ОВД, способы и алгоритмы решения ими служебных задач нередко не совпадают с современными требованиями правоохранительной деятельности [3, с. 15—19]. На первом и втором местах в ранжированном перечне негативных факторов находятся формализм при исполнении служебных обязанностей (18,8% ответивших) и недостаток поддержки со стороны населения (14,1%). Наиболее значим фактор низкой профессиональной подготовки сотрудников ОВД (23,1%).

Респонденты признают достаточно существенной проблему дефицита профессиональных связей (социальной коммуникации) с коллегами (25%). Такое положение обусловлено текущим преобладанием закрытого вида социального капитала сотрудников ОВД, что выступает барьером в получении новых навыков и знаний

из-за отраслевой ограниченности социальных сетевых связей в формализованной должностной структуре системы МВД России и не обеспечивает условий для разнообразной горизонтальной передачи знаний и обмена профессиональным опытом. Более половины (51,5%) от общего «веса» факторов, негативно влияющих на служебную деятельность, находятся в сфере прямой ответственности института ДПО и непосредственно связаны с задачами передачи знаний и развитием компетенций сотрудников ОВД.

Восприятие сотрудниками ОВД ключевых проблем неэффективности служебной деятельности подтверждает роль и потенциальную ценность ДПО как института в их устранении. Этому способствует обязательный характер повышения квалификации (не реже одного раза в 5 лет) в системе МВД России. Ведомственным ДПО, в который входит 41 организация, включая филиалы, ежегодно охвачено около 50 тысяч сотрудников ОВД, что составляет 7% их общей численности [8].

Обязательность требований создает риски формального отношения к обучению со стороны всех участников образовательного процесса, влияя на мотивацию, содержание и результаты обучения. По результатам нашего опроса, более половины респондентов уже имели опыт участия в программах ДПО. Треть ответивших на соответствующий вопрос (33,2%) проходили дополнительное обучение один раз, 14,8% — два раза, 10,3% — три раза и более. Не имеют такого опыта 41,7% респондентов. Различия в опыте отражают различия в возрасте и общем стаже службы в системе ОВД. Эти данные в целом соответствуют типичной для ВИПК МВД России ситуации: по итогам исследования 2015 года, предыдущий опыт повышения квалификации имелся у 49% респондентов [7, с. 2]. У ряда респондентов имеется также опыт повышения квалификации в гражданских вузах.

Результаты опроса позволяют оценить личные мотивы участия в программах ДПО и представление респондентов об изучаемых образовательных программах. Ответы респондентов на вопрос о доминирующих мотивах участия в программах ДПО показали, что доминируют два мотива: профессиональное развитие (58,7% ответов) и соответствие институциональным требованиям (32,6% ответов). На первый взгляд может показаться, что доминирование мотива профессионального развития свидетельствует о высоком уровне личной мотивированности сотрудников ОВД. Однако почти треть респондентов указывает, что руководствуется внешними мотивами (требованиями переподготовки). Внутренние мотивы, которые можно назвать долговременными, связанные с возможностью использования повышения квалификации для вертикальной или горизонтальной профессиональной мобильности, в совокупности были выбраны лишь у 8,2% респондентов. Профессиональное развитие как повышение уровня профессиональной подготовки сотрудника ОВД через институт ДПО в текущих условиях мало связано с его карьерным ростом по субъективным (вакансии) и объективным (служебные нормативы) причинам. Однако личное профессиональное развитие без соответствующего роста карьерных возможностей вряд ли соответствует интересам развития самой системы МВД России.

Анализ условий принятия решения подтверждает доминирование формально-институциональных факторов участия в дополнительном обучении. При ответе на открытый вопрос о том, кто принимал решение о направлении на дополнительное обучение, подавляющее большинство (98,2% ответивших) указали на вышестоящее руководство. Лишь менее 2% респондентов заявило о наличии собственной инициативы, что свидетельствует о важнейшем потенциальном значении данного фактора в повышении эффективности ДПО в результатах деятельности сотрудников ОВД. Респондентам было также предложено оценить значимые причины участия в дополнительном обучении: «исполнение требований законодательства», «личное стремление к своему профессиональному развитию», «перспективы продвижения по службе», «несоответствие базового образования виду служебной деятельности», «предстоящая смена профиля служебной деятельности», «увеличение уровня денежного содержания». При оценке ситуации в целом респонденты более сдержанно оценивали роль мотива профессионального развития. Относительный вес данного мотива уменьшился почти на 20 процентных пунктов. Напротив, долговременные мотивы оказались выражены гораздо более явно, — например, мотив ролевого соответствия, который может быть отнесен к институциональным мотивам. Хотя профессиональное развитие сотрудника (декларируемая цель дополнительного образования) признается значимым мотивом принятия решения, более существенное значение играют внешние институциональные стимулы.

Для анализа внешних социально-демографических характеристик слушателей ведомственного ДПО был проведен дополнительный анализ. Слушатели-женщины значительно более, чем мужчины, оценивали роль мотива профессионального развития как основания своего участия в дополнительном обучении. Мужчины, напротив, более высоко оценивали роль институциональных и стратегических мотивов. Для сотрудников ОВД мужского пола характерна более прагматическая мотивационная структура. Сотрудники женского пола склонны в большей мере рассматривать дополнительное профессиональное обучение как способ развития человеческого капитала. Однако при этом они не рассматривают его в качестве ресурса и условия профессиональной мобильности.

Проведенные исследования показали: слушатели программ ДПО считают, что среди основных функций данного института (контролирующая, мотивационная, передачи знаний, мобильности, социально-коммуникационная) главными являются три. Во-первых, получение информации об опыте деятельности ОВД в России. Во-вторых, повышение уровня теоретических знаний. В-третьих, овладение навыками исполнения служебных обязанностей, соответствующими занимаемой ими должности [7, с. 5]. Варианты приоритета из указанных трёх функций ДПО для повышения квалификации выбрали соответственно 28,6%, 25,2% и 22,0% респондентов. Была также рассмотрена оценка респондентами восприятия институциональных функций ДПО с учетом двух дополнительных факторов: уровня занимаемой должности сотрудников, а также соответствия между фактическими и ожидаемыми институциональ-

Основные задачи института ДПО сотрудников ОВД,
в % от общего числа выборов, совершенных респондентами (N=384),
2019 г.

Задачи института ДПО	Для среднего начальствующего состава		Для старшего начальствующего состава	
	фактические	ожидаемые	фактические	ожидаемые
Повышение общеобразовательного уровня сотрудников	31,7	23,9	24,7	17,0
Изучение нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность ОВД	23,3	20,1	26,3	19,7
Совершенствование практических навыков исполнения служебных обязанностей по должности	22,6	33,1	17,0	26,5
Доведение информации о передовом опыте деятельности других подразделений МВД России	10,4	16,5	18,2	26,7
Доведение информации о передовом опыте деятельности правоохранительных органов зарубежных государств	2,2	2,4	4,9	3,8
Профилактика профессионального выгорания	2,4	3,1	3,5	4,6
Формальное выполнение требований нормативно-правовых документов	7,4	0,9	5,4	1,7

Примечание: допускалось до двух вариантов ответа.

ными функциями. В таблице 1 показано распределение ответов респондентов на вопрос о фактических и ожидаемых (желательных) задачах института ДПО в системе МВД России (респонденты могли выбрать до двух вариантов ответа).

По данным таблицы 1, наибольшее несоответствие фактического содержания программ подготовки основным задачам института ДПО, по мнению проходящих переподготовку сотрудников, проявляется в двух аспектах:

- превалирование изучения общеобразовательных дисциплин над отработкой практических навыков служебной деятельности;
- недостаточный объем информации о передовом опыте территориальных ОВД.

Предварительный вывод, который можно сделать из анализа данных, заключается в следующем: в настоящее время институт ДПО в системе правоохранительных органов более ориентирован на трансляцию общетеоретических знаний, тогда как его ожидаемая ценность связана с передачей практического опыта и знаний.

Эта закономерность носит достаточно универсальный характер и показывает, что потребности сотрудников ОВД в практических компетенциях, необходимых им для служебной деятельности, существующим

институтом не удовлетворяются по этому критерию. Зарубежный опыт деятельности правоохранительных органов считается ограничено применимым для российской практики и не рассматривается как существенная задача института ДПО.

Вместе с тем имеющийся разрыв между фактическими и ожидаемыми задачами института ДПО не должен восприниматься как признак её дисфункциональности. Систематизирующие теоретические знания формируют универсальные компетенции, а потому могут быть более функциональными с точки зрения долгосрочных эффектов профессиональных институтов. Задачи института ДПО связаны с его способностью быстро и оперативно восполнять дефицит компетенций, необходимых для профессиональной деятельности [6]. Предположив, что более опытные сотрудники ОВД могут дать более точные экспертные оценки функционирования института ДПО, был проведен дополнительный анализ. Исследователи повторили предыдущие расчеты, разделив всех респондентов на две большие группы: тех, чей стаж службы менее и более 5 лет соответственно. Сопоставление показало, что больший опыт деятельности в ОВД не влияет на представление о том, в чем должно заключаться повышение квалификации профессионалов в этой сфере. Если среди сотрудников с небольшим стажем институт ДПО ассоциируется прежде всего

с повышением общеобразовательного уровня (27,9%), то для более опытных сотрудников его приоритетная функция — это изучение нормативно-правовой базы (32,5%). Такое расхождение может объясняться различием в программах, в которых участвуют сотрудники с разным стажем. Результаты исследования показали, что опытные сотрудники гораздо более остро чувствуют несоответствие между необходимым и фактическим уровнем получения практических знаний и навыков: соответствующая дельта оценок составила 15,4 процентных пункта (п/п), почти в два раза выше, чем для более молодых сотрудников. Отрицательная дельта оценок оказалась наиболее высокой для изучения нормативно-правовой базы, которая для опытных сотрудников составила –11,5 п/п, а для новичков — только –4,1 п/п. Более опытные сотрудники, лучше понимающие фактические потребности в компетенциях, более критично оценивают существующую систему ДПО с точки зрения ее соответствия актуальным потребностям роста профессионализма. Система повышения квалификации, по их мнению, существенно отстает от потребностей в практических навыках и уделяет избыточное значение правовым аспектам служебной деятельности, изучение которых не требует обращения к специализированным образовательным институтам.

Полученные данные показывают дифференцированное восприятие функций института ДПО в зависимости от категории сотрудников ОВД. Если для среднего начальствующего состава наиболее актуальной задачей ДПО считается получение практических навыков служебной деятельности, то для старшего начальствующего состава одинаково важны получение практических навыков и изучение лучшего опыта подразделений МВД

России. Это отражает различие в сферах ответственности двух категорий сотрудников ОВД: от старшего начальствующего состава ожидаются более высокие аналитические способности, умение планировать деятельность подразделений и адаптировать ее в зависимости от ситуации. Наличие информации о релевантном опыте других подразделений и способность применять его в собственной деятельности способствует качеству и эффективности деятельности ОВД, и старший начальствующий состав играет в этом ключевую роль.

Таблица 2 суммирует полученные от респондентов данные о восприятии фактического и желаемого тематического содержания программ ДПО средним и старшим начальствующим составом и подтверждает вывод о существовании заметного разрыва между фактическим и ожидаемым (предпочтительным) содержанием программ ДПО в учебных заведениях МВД России.

Приоритетными тематическими направлениями в программах ДПО остаются правовые и общетеоретические предметы, тогда как среди образовательных потребностей респондентов первое место принадлежит развитию практических навыков профессиональной деятельности. Слушатели программ ДПО хотели бы также получать больше психологических знаний и больше знакомиться с лучшими практиками правоохранительных органов.

Структура и приоритеты профессиональных компетенций, заложенных в программах ДПО, не в полной мере отвечают актуальным потребностям повышения профессионального уровня сотрудников. В отношении развития профессиональных компетенций сотрудников ОВД наблюдается явный дефицит практических знаний, умений и навыков. Слушатели в ходе обучения получают

Таблица 2

Профессиональные знания, умения и навыки, получаемые в институте ДПО сотрудниками ОВД, в % от общего числа выборов, совершенных респондентами (N=384), 2019 г.

Знания, умения, навыки	Для среднего начальствующего состава		Для старшего начальствующего состава	
	фактические	ожидаемые	фактические	ожидаемые
Теоретические основы управленческой деятельности	23,1	16,0	31,6	23,3
Правовые знания по исполнению служебных обязанностей	32,9	26,9	25,8	17,9
Психолого-педагогические знания	4,2	5,4	8,4	12,3
Практические навыки профессиональной деятельности	18,5	32,3	13,7	24,4
Знание особенностей деятельности органов внутренних дел	14,1	11,2	12,3	10,6
Знания о передовом опыте профессиональной деятельности подразделений в стране и за границей	6,7	7,9	8,0	11,5
Другое	0,4	0,2	0,2	0,0

Примечание: допускалось до двух вариантов ответа.

преимущественно теоретические и нормативно-правовые профессиональные знания. Как показывают наши данные, это остается в значительной мере нерешенной проблемой и в настоящее время.

Для уточнения содержания различий в повышении профессионального уровня между средним и старшим начальствующим составом респондентам был задан соответствующий вопрос. Результаты ответов представлены в таблице 3.

Таблица 3

Оценка респондентами ключевых различий в содержании программ ДПО для среднего и старшего начальствующего состава ОВД, в % от общего числа выборов, совершенных респондентами (N=384), 2019 г.

Вариант ответа	%
Уровень повышения правовых знаний	25,3
Степень изучения нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность ОВД	19,3
Глубина овладения практическими навыками исполнения служебных обязанностей по должности	34,1
Степень изучения информации о передовом опыте правоохранительной деятельности в РФ	16,3
Степень изучения информации о передовом опыте правоохранительной деятельности в зарубежных странах	3,9
Другое	1,2

Примечание: допускалось до двух вариантов ответа.

Полученные ответы в целом воспроизводят представление о том, какие направления образовательной деятельности института ДПО являются приоритетными. На первое место слушатели ставят практические навыки служебной деятельности и полагают, что никакого различия в программах для среднего и старшего начальствующего состава быть не должно.

Значимые различия между образовательными потребностями и фактическим содержанием программ ДПО в системе МВД России ведет к доказательному выводу, что результаты обучения в современных социальных условиях не является самоочевидными и нуждаются в критической оценке в разных аспектах со стороны слушателей. Однако регулярные исследования, проводимые в ВИПК МВД России, показывают стабильно растущий уровень удовлетворенности слушателей. По данным, приводимым Е.А. Тульской, в среднем за 2011—2015 годы 63,3% слушателей-респондентов заявили, что учебно-тематический план обучения полностью соответствует задачам служебной деятельности [9, с. 68]. Аналогичная оценка была дана при оценке соответствия направлению служебной деятельности полученных знаний, умений и навыков (65,9%). При этом за обследованный период произошло значительное улучшение обоих показателей: число полностью удовлетво-

ренных учебно-тематическим планом выросло с 50,3% в 2011 г. до 80,6% в 2015 г., а число полностью удовлетворенных полученными знаниями, умениями и навыками выросло соответственно с 52,4% до 81,1% [9, с. 68—69]. В отчете ВИПК приводятся близкие результаты: 83,4% респондентов заявили, что полученные знания, умения и навыки полностью соответствуют направлению их служебной деятельности [7, с. 6]. Данные мониторинговых исследований также показывают высокую готовность слушателей позитивно оценивать результаты обучения. С социологической точки зрения столь высокие цифры, полученные в ходе массового опросного исследования, могут быть признаком действия искажающих факторов ведомственного влияния, в частности, возможного стремления слушателей давать социально одобряемые или ожидаемые ответы в ситуации, когда опрос не является анонимным и проводится в рамках отношений формальной субординации. При этом недостаточный профессиональный уровень, по мнению самих сотрудников ОВД, продолжает оставаться главной причиной низкой эффективности служебной деятельности. В исследовании авторов были использованы два типа индикаторов для оценки результатов участия сотрудников в программах ДПО: 1) степень ее соответствия направлению служебной деятельности и 2) оценка вклада полученных знаний в эффективность служебной деятельности. Ответы респондентов на вопрос «Соответствует ли, на Ваш взгляд, программа обучения направлению Вашей служебной деятельности?» дали разные оценки степени соответствия программ ДПО направлению служебной деятельности. Полное соответствие отмечает немного более трети респондентов (35,9%). Также следует отметить, что каждый восьмой респондент (12,8%) предпочел уклониться от однозначного ответа на этот вопрос, выбрав вариант «Затрудняюсь ответить» или отказавшись отвечать на него в принципе. С учетом указанных выше особенностей контекста прохождения экспертного опроса расхождений между желаемым и фактическим содержанием обучения в институте ДПО, степень удовлетворенности слушателей результатами своего обучения является не такой высокой, как приводится в ведомственной системе повышения квалификации. Оценивая способность полученных знаний оказать помощь в служебной деятельности, респонденты нашего опроса были склонны к аналогичному паттерну ответов, хотя и более смещенному в позитивную сторону. Больше половины респондентов (51,8%) считают, что знания, полученные в ДПО, окажут им существенную помощь в работе. Пятая часть (21,6%) — «незначительную помощь». Устойчиво критичное отношение к полезности программ ДПО демонстрирует более четверти от всех опрошенных.

Для повышения точности диагностики проблем и «узких мест» в ее сопряжении с практической деятельностью ОВД и с учетом действия потенциальных искажающих факторов, в работе проведен дополнительный статистический анализ, чтобы лучше понять фактическую эффективность института ДПО и основные источники существующих проблем. В результате было выявлено, что занимаемая должность, стаж службы в занимаемой должности, а также наличие или отсутствие предыдущего опыта участия в программах ДПО не

оказывают существенного влияния на оценку степени их соответствия направлению служебной деятельности сотрудников ОВД.

Более детальный анализ показал, что эта зависимость не является линейной и носит сложный характер. Если сотрудники со средним стажем (от 6 до 20 лет) демонстрируют в целом мало негативное отношение к программам ДПО (8,5% ответов), то для «новичков» (стаж до 5 лет) и «старожилов» (стаж более 20 лет), наоборот, характерен определенный скепсис (21,3% и 11,9% ответов соответственно). Указанные особенности могут свидетельствовать о необходимости учёта данного фактора при составлении программ ДПО.

В специфических институциональных условиях проведения опроса слушателей и высокой вероятности действия фактора социальных ожиданий даже умеренно негативная оценка может интерпретироваться как показатель определенных проблем в функционировании института ДПО. Для менее опытных сотрудников (до 5 лет службы) такое несоответствие может быть следствием недостаточно точной «настройки» программ ДПО под нужды начинающих сотрудников ОВД. Для тех, кто выбирает максимально положительные оценки, может влиять эффект новизны, а недостаток опыта не позволяет достаточно рационально и взвешенно оценить результаты обучения с точки зрения их практической ценности.

Группа наиболее опытных сотрудников (более 20 лет службы) демонстрирует относительно скептическое отношение к программам ДПО, однако паттерн их ответов несколько иной. Они избегают крайних оценок и предпочитают выбирать умеренно-позитивный вариант ответа. Однако для них в большей мере характерна доминирующая стратегия служебной деятельности и снижение восприимчивости к новым знаниям и способам действия. Проверка этой гипотезы требует проведения отдельных психолого-педагогических исследований.

Группа сотрудников ОВД со средним опытом (6—20 лет службы) склонна давать наиболее позитивные оценки программам ДПО с точки зрения их соответствия служебной деятельности. У них нет завышенных ожиданий от института ДПО и своими высокими оцен-

ками они могут передавать свою общую удовлетворенность от участия в программе, которая является для них способом повышения социального капитала и смены социальных и профессиональных коммуникативных связей.

Выявленные различия между группами сотрудников могут также быть связаны с особенностями конкретных программ обучения. Была выявлена тенденция к более сдержанным оценкам полезности обучения среди тех, у кого уже имеется опыт обучения по программам ДПО: дополнительные знания «окажут существенную помощь в служебной деятельности» — 53,8% ответов, а «не окажут существенной помощи» — 40,1% ответов. Доля тех, кто считает обучение очень полезным, также оказалась более высокой среди менее опытных сотрудников (57,2%), что может быть связано с эффектом новизны и недостаточно точным представлением о будущих потребностях в тех или иных компетенциях.

Различие между сотрудниками ОВД в отношении доминирования внешних или внутренних мотивов дополнительной профессиональной подготовки представлено на рисунках 1 и 2.

Статистический анализ показал, что между личными мотивами обучения и каждым из индикаторов результатов существует устойчивая связь: критерий хи-квадрат (χ^2) для них составил соответственно 40,3 (значимость различий по χ^2 Пирсона $p \leq 0,01$) и 40,8 (значимость различий по χ^2 Пирсона $p \leq 0,01$). Более детальное изучение данных показало, что такой эффект достигается прежде всего за счет сотрудников с доминированием мотива личного профессионального роста.

Из рисунков следует, что слушатели с доминированием внутренней мотивации, то есть стремления к личному профессиональному развитию, демонстрируют более высокую оценку результатов обучения, чем респонденты с доминированием внешней мотивации (проходящие обучение в целях соответствия формальным требованиям). Такой результат согласуется с психолого-педагогическими исследованиями, показывающими влияние внутренней (учебной) мотивации на эффективность и результаты обучения [2; 10; 11; 12]. Этот вывод необходимо учитывать при проектировании об-

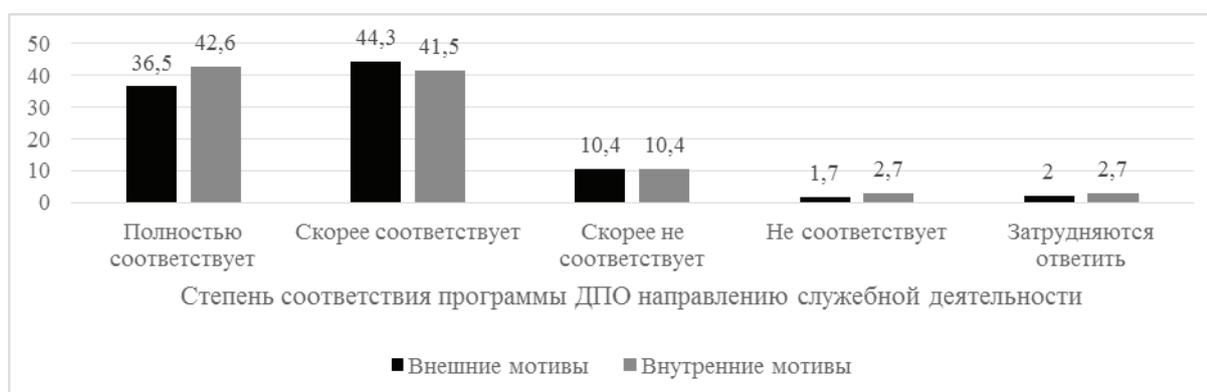

Рис. 1. Влияние мотивации респондентов на оценку соответствия программы обучения направлению служебной деятельности, % от числа ответивших (N=384), 2019 г.

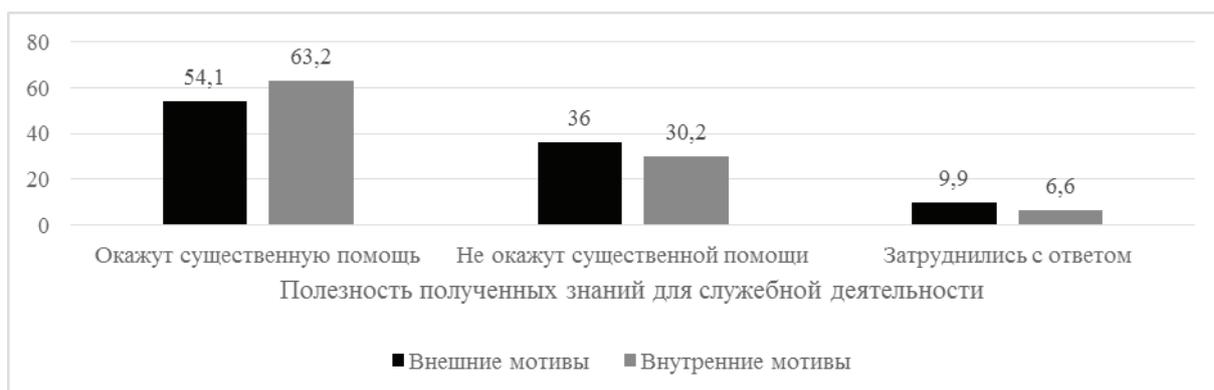

Рис. 2. Влияние мотивации респондентов на оценку полезности полученных знаний для служебной деятельности, % от числа ответивших (N=384), 2019 г.

разовательных моделей ведомственного института ДПО в системе МВД России, отличающегося известной степенью формализма.

Выводы. Обобщая полученные в ходе вторичных и авторских социологических исследований результаты, можно констатировать, что недостаточный профессионализм у сотрудников ОВД (недостаток навыков профессиональной работы в современном обществе) — главный фактор, негативно влияющий на качество исполнения служебных обязанностей. Это обуславливает актуальность и ценность повышения квалификации посредством института ДПО, его ценность для всей системы МВД России. Для него в настоящее время характерен заметный уровень формализма ведомственного института ДПО, что снижает инициативность сотрудников ОВД в повышении профессионализма. Отсутствие гибких возможностей выбора программ обучения и высокая роль внешних мотивов не способствует развитию профессиональных компетенций.

В действующих программах ДПО доминируют теоретические и формальные знания, тогда как потребность в практико-ориентированных знаниях и компетенциях, непосредственно задействованных в ходе служебной деятельности, остается удовлетворенной частично.

В настоящее время лишь формируются эффективные и прозрачные механизмы, которые бы увязывали результаты обучения по программам ДПО с возможностями профессиональной вертикальной и горизонтальной мобильности сотрудников ОВД, что приводит к снижению стратегической ценности образования сотрудников в ведомственном институте ДПО и их личной мотивации, а также уменьшению институциональных возможностей развития и эффективного использования человеческого и социального капиталов в профессиональной деятельности.

Полученные в ходе исследования результаты в совокупности с выводами других специалистов показывают ключевые «узкие места» современного института ДПО сотрудников ОВД и закладывают основу для разработки мер и направлений по совершенствованию образовательных подходов ведомственного института ДПО системы МВД России, среди которых важную роль играют практическая ориентированность актуальных учебных программ, а также рост гибкости, разнообразия форматов дополнительного профессионального обучения и их корреляции с профессионально-трудовой мобильностью сотрудников.

Литература

1. Васильева И.Н. О социальной коммуникации органов внутренних дел с гражданами (по результатам экспертного опроса) // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 152—158. DOI: 10.31857/S013216250010873-3
2. Гнездилова Л.Б., Гнездилов М.А. Мотивация обучения студентов как основа эффективной учебной деятельности в вузе. М.: Спутник+, 2017. 76 с.
3. Коблов Ф.Ч., Хадиков Р.Ш. К вопросу о совершенствовании профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел в период прохождения обучения в образовательных организациях МВД России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 47. С. 15—19.
4. Лесовик И.В. Дополнительное профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел как важнейшее условие повышения эффективности их профессиональной деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 4. С. 172—175.
5. Мертон Р. Явные и латентные функции / Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др. М.: АСТ: Хранитель, 2006. С. 105—187.
6. Ключарев Г.А., Диденко Д.В., Латов Ю.В., Латова Н.В. Непрерывное образование — стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств / Под ред. Ю.В. Латова. М.: ЦСПиМ, 2014. 433 с. ISBN 978-5-906001-27-6.
7. Отчет по результатам изучения мнения слушателей ВИПК МВД России, проходивших обучение в 8-м учебном сборе (с 8 по 23 сентября 2015 года). / О.Е. Каткова. Домодедово: ВИПК МВД России, 2015. 14 с.

8. План дополнительного профессионального образования сотрудников (федеральных государственных гражданских служащих и работников) МВД России в 2021 году. URL: http://mvd.ru/upload/site133/document_file/uo/14-1Plan.pdf (дата доступа: 20.06.2021).
9. Тульская Е.А. Внутренний мониторинг образовательного процесса как индикатор качества дополнительного профессионального образования в системе МВД России (на примере ВИПК МВД России) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2016. № 3. С. 64—70.
10. Яковлева А.А., Иванова И.А. Влияние мотивационно-ценностных ожиданий первокурсников на результаты обучения // Формирование общекультурных и профессиональных компетенций финансиста. М. : СВИФТ, 2017. С. 21—28.
11. Adler R.M., Bridgeman B., Liu O.L. Measuring learning outcomes in higher education: motivation matters // Educational Researcher. 2012. Vol. 41. Pp. 352–362.
12. Paulhus D. L. Socially desirable responding: the evolution of a construct. In: The Role of Constructs in Psychological and Educational Measurement / Ed. by H.I. Braun, D.N. Jackson, D. E. Wiley. Mahwah: Erlbaum, 2002. Pp. 49–69.

SPECIAL FEATURES OF FUNCTIONING OF FURTHER VOCATIONAL EDUCATION IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA ACCORDING TO STUDENT OPINION POLLS

Mikhail Shulepin³, Viktor Voronov⁴

Keywords: *Russia, further vocational education, student opinion polls, police officers, advanced training, lines of development.*

Abstract.

Purpose of the study: presenting opportunities for developing the potential for further vocational training of police officers in order to increase their human and social capitals. The paper presents a sociological analysis of functioning of the institution of further vocational education of police officers based on the departmental model used in the system of the Ministry of Internal Affairs (MIA) of Russia.

Method used: a comparative analysis of a monitoring poll of students of the All-Russian Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the period of 2011 to 2015 with the authors' poll carried out in 2019 with students of the same institute and its territorial branches as well as of the Retraining and Advanced Training Faculty of Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (N=384).

Statistical data resulting from regular monitoring polls carried out in the period of 2011 to 2015 with a sampling of 18.2 thousand participants in training courses of institutional programmes of further vocational education conducted by the All-Russian Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia as well as the results of sociological research carried out by the authors constitute the information base of this study.

Results obtained. Specific opportunities for such development are identified in the work: improving the professional level of officers, sharing of best practice, developing legal competencies, developing social communication with citizens, public associations and the media. Subjective (weak initiative of officers) and objective (institutional centralisation) restrictions for the activities of this institution are identified. Lines for increasing the efficiency of further vocational education in the work of Russia's police officers are presented: practical orientation of current curricula, increasing the flexibility and variety of training formats.

References

1. Vasil'eva I.N. O sotsial'noi kommunikatsii organov vnutrennikh del s grazhdanami (po rezul'tatam ekspert-oprosa). Sotsiologicheskie issledovaniia, 2021, No. 2, pp. 152–158. DOI: 10.31857/S013216250010873-3
2. Gnezdilova L.B., Gnezdilov M.A. Motivatsiia obucheniia studentov kak osnova effektivnoi uchebnoi deiatel'nosti v vuze. M. : Sputnik+, 2017. 76 pp.

³ Mikhail Shulepin, Ph.D. student at the Institute of Sociology of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: mihailshulepin@mail.ru

⁴ Viktor Voronov, Dr.Sc. (Sociology), Professor, Leading Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: viktor.voronov@du.lv

3. Koblov F.Ch., Khadikov R.Sh. K voprosu o sovershenstvovanii professional'noi podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del v period prokhozheniia obucheniia v obrazovatel'nykh organizatsiakh MVD Rossii. Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept", 2016, t. 47, pp. 15–19.
4. Lesovik I.V. Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie sotrudnikov organov vnutrennikh del kak vazhneishee uslovii povysheniia effektivnosti ikh professional'noi deiatel'nosti. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii, 2010, No. 4, pp. 172–175.
5. Merton R. Iavnye i latentnye funktsii. Merton R. Sotsial'naiia teoriia i sotsial'naiia struktura. Per. s angl. E. N. Egorovoi i dr. M. : AST: Khranitel', 2006, pp. 105–187.
6. Kliucharev G.A., Didenko D.V., Latov Iu.V., Latova N.V. Nepreryvnoe obrazovanie – stimul chelovecheskogo razvitiia i faktor sotsial'no-ekonomicheskikh neravenstv. Pod red. Iu.V. Latova. M. : TsSPiM, 2014. 433 pp. ISBN 978-5-906001-27-6.
7. Otchet po rezul'tatam izucheniia mnieniia slushatelei VIPK MVD Rossii, prokhodivshikh obuchenie v 8-m uchebnom sbore (s 8 po 23 sentiabria 2015 goda). O.E. Katkova. Domodedovo : VIPK MVD Rossii, 2015. 14 pp.
8. Plan dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniia sotrudnikov (federal'nykh gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh i rabotnikov) MVD Rossii v 2021 godu. URL: http://mvd.ru/upload/site133/document_file/uo/14-1Plan.pdf (data dostupa: 20.06.2021).
9. Tul'skaia E.A. Vnutrennii monitoring obrazovatel'nogo protsessa kak indikator kachestva dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniia v sisteme MVD Rossii (na primere VIPK MVD Rossii). Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniia kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2016, No. 3, pp. 64–70.
10. Iakovleva A.A., Ivanova I.A. Vliianie motivatsionno-tsennostnykh ozhidanii pervokursnikov na rezul'taty obucheniia. Formirovanie obshchekul'turnykh i professional'nykh kompetentsii finansista. M. : SVIFT, 2017, pp. 21–28.
11. Adler R.M., Bridgeman B., Liu O.L. Measuring learning outcomes in higher education: motivation matters. Educational Researcher. 2012. Vol. 41. Pp. 352–362.
12. Paulhus D. L. Socially desirable responding: the evolution of a construct. In: The Role of Constructs in Psychological and Educational Measurement. Ed. by H.I. Braun, D.N. Jackson, D. E. Wiley. Mahwah: Erlbaum, 2002. Pp. 49–69.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ

Медведева Н. В.¹, Фролова Е. В.², Рогач О. В.³

Ключевые слова: регион, социально-экономическое развитие, инвестиции, инвестиционный потенциал, инвестиционная привлекательность, территориальное развитие.

Аннотация.

В настоящее время вопросы территориального развития приобретают особую актуальность при переходе страны к экономическому росту инвестиционного типа.

Цель исследования: выявление зависимости между такими региональными характеристиками, как состояние инвестиционного климата, инвестиционная привлекательность, социально-экономическое положение, индекс физического объема инвестиций в основной капитал, на основе анализа государственной политики в области территориального развития.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели применялись методы сравнительного, статистического и системного анализа, дедукция и индукция, обобщение, теоретическое моделирование.

Результаты. Исследование базовых характеристик инвестиционного развития субъектов РФ показало, что те субъекты РФ, в которых наблюдается благоприятный инвестиционный климат, как правило, обладают высокой инвестиционной привлекательностью. Но при этом отсутствует прямая корреляционная зависимость между уровнем социально-экономического развития региона и состоянием его инвестиционного климата. Выявлено, что происходит активная государственная поддержка не только регионов с низким уровнем социально-экономического развития, но и тех, где создаются особые экономические зоны и территории опережающего развития.

DOI: 10.21681/2226-0692-2022-1-79-85

Введение

В современных условиях управление территориальным развитием во многом определяется способностью регионов интегрироваться в региональные и мировые процессы. В связи с тем, что Россия в настоящее время находится на развилке экономических траекторий, вопросы территориального развития приобретают особую актуальность при переходе страны к экономическому росту инвестиционного типа.

В современной экономике трудно переоценить роль инвестиций. Инвестиции являются важнейшей предпосылкой качественного экономического роста, основанного на технологическом развитии. Именно поэтому государство заинтересовано в привлечении инвестиций. Развитие инвестиционной деятельности в Российской Федерации является одним из важнейших направлений

государственной политики. В настоящее время утвержден Национальный план («дорожная карта») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021—2025 годы, в рамках которого предполагается усиление мер по снижению доли организаций с государственным и муниципальным участием на конкурентных рынках⁴.

Региональное развитие — сложный процесс, требующий междисциплинарного подхода. Каждый регион имеет свою индивидуальность и уникальные особенности. Ключевые факторы развития включают: природные и человеческие ресурсы, уровень технологического раз-

⁴ Национальный план («дорожная карта») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021—2025 годы, утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.09.2021 г. № 2424-р.

¹ Медведева Наталия Владимировна, кандидат социологических наук, доцент факультета управления Российского государственного социального университета, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: medvedevanv@rgsu.net

² Фролова Елена Викторовна, доктор социологических наук, профессор факультета управления Российского государственного социального университета, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: frolovaev@rgsu.net

³ Рогач Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент факультета управления Российского государственного социального университета, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: rogachov@rgsu.net

вития, капитал, знания, институциональные и законодательные рамки, ценности, этику и другие. В последнее время особую актуальность в рамках пространственного развития приобрел кластерный подход, предполагающий появление новых экономических условий и создание новых форм взаимодействия субъектов экономической системы [1].

Таким образом, без подробного анализа успешных кейсов регионального развития внедрение их систем развития непосредственно в другие регионы может привести к потере времени, капитала и человеческих ресурсов [2].

Вопросы пространственного развития являются предметом исследования ученых разных стран. Основными агентами регионального развития в Индонезии, по мнению Umanto [3], являются региональные банки развития, деятельность которых должна быть трансформирована с учетом новых социально-экономических условий. Особенности внедрения информационной системы регионального развития (SIPD) и ее роли в улучшении координации регионального развития представляют собой предмет исследования Dione [4]. Детерминанты устойчивого регионального развития в Румынии с использованием анализа множественных основных компонентов (MPCA) для построения индекса устойчивого развития рассматриваются в работе [5]. Исследования межрегиональных различий в социальном капитале, проведенные Arslan & Duran [6] в различных провинциях Турции, свидетельствуют о том, что социальный капитал не оказывает существенного влияния на экономический рост, но рост стимулирует создание социального капитала (в социальных нормах). В территориальном развитии Китая значимую роль играют инновации. Об этом свидетельствуют изменения государственной стратегии национальной экономики, которые привели к быстрому росту инновационной политики и развитию новых технологий [7].

Все это обуславливает необходимость анализа государственной политики РФ в области территориального развития в современных социально-экономических условиях.

Цель — на основе анализа государственной политики в области территориального развития выявить зависимость между такими региональными характеристиками, как состояние инвестиционного климата, инвестиционная привлекательность, социально-экономическое положение, индекс физического объема инвестиций в основной капитал.

Методы

Информационной основой исследования являются федеральные нормативные правовые акты, статистические данные и информационно-аналитические материалы Агентства стратегических инициатив, Аналитического центра при Правительстве РФ, данные Национального рейтингового Агентства за 2019—2020 гг.

В процессе проводимого исследования применялись методы сравнительного, статистического и системного анализа, дедукция и индукция, обобщение, теоретическое моделирование.

Результаты

В условиях рыночной экономики федеральные и региональные органы исполнительной власти по-прежнему используют формы прямого участия в инвестиционном процессе, в том числе:

- прямое централизованное предоставление инвестиционных ресурсов для государственных предприятий при осуществлении ими крупных проектов, имеющих важное экономическое или социальное значение;
- долевое участие в инвестиционных программах частных предприятий, с получением соответствующей доли в их активах;
- частичное или даже полное субсидирование также в предпринимательском секторе отдельных инвестиционных программ, которые связаны прежде всего с решением важных социальных вопросов;
- использование для финансирования инвестиционных проектов средств федерального и регионального бюджетов⁵.

Государство на региональном уровне управления сохраняет за собой функции прямого вмешательства в процесс принятия решений при осуществлении инвестиций за счет:

- проведения экспертизы инвестиционных проектов в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- защиты российских организаций от поставок морально устаревших и материалоемких, энергоемких и ненаукоемких технологий, оборудования, конструкций и материалов;
- разработки и утверждения стандартов (норм и правил), а также осуществления контроля за их соблюдением.

Главной задачей на всех уровнях государственно-го управления в этой сфере становится создание благоприятного инвестиционного климата для всей совокупности хозяйствующих субъектов.

К условиям создания благоприятного инвестиционного климата законодатель относит следующее:

- совершенствование системы налогов, механизм начисления амортизации и использования амортизационных отчислений;
- установление субъектам инвестиционной деятельности специальных налоговых режимов, не носящих индивидуального характера;
- защита интересов инвесторов;
- предоставление субъектам инвестиционной деятельности льготных условий пользования землей и другими природными ресурсами, не противоречащих законодательству Российской Федерации;
- расширение использования средств населения и иных внебюджетных источников финансирования жилищного строительства и строительства объектов социально-культурного назначения;
- поощрение и создание условий для развития наиболее прогрессивных, современных форм инвестиционной деятельности.

⁵ Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений».

Россия располагает обширными и многоплановыми пространственными ресурсами, за которые те или иные группы заинтересованных лиц могут как конкурировать, так и сотрудничать в целях рационального, экологически безопасного использования пространства, развивая его для достижения лучшего качества жизни населения страны в целом и на отдельных ее территориях [8].

В настоящее время в целях сбалансированного пространственного развития Российской Федерации Минэкономразвития России реализуется Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года, в которой определено 12 макрорегионов: Центральный, Центрально-Черноземный, Северо-Западный, Северный, Южный, Северо-Кавказский, Волго-Камский, Волго-Уральский, Уральско-Сибирский, Южно-Сибирский, Ангаро-Енисейский, Дальневосточный⁶.

Одним из современных инструментов инвестиционного развития регионов являются территории опережающего развития (ТОР). ТОР — это часть территории субъекта Российской Федерации, на которой в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения⁷.

Общее количество резидентов ТОР с начала 2020 года увеличилось на 22%. Территории опережающего развития за счёт особых условий и льгот привлекают резидентов с инвестициями и новыми рабочими местами в города, экономика которых остро нуждается в диверсификации.

По данным Минэкономразвития РФ, в настоящее время на территории РФ создано 87 ТОР в моногородах, в том числе в 5 моногородах, которые одновременно являются закрытыми административно-территориальными образованиями (ЗАТО), 3 ТОР в ЗАТО, 21 ТОР на Дальнем Востоке.

В соответствии с отчетами, полученными от регионов, на конец 1 квартала 2020 г. резидентами ТОР в моногородах привлечено 69,6 млрд рублей инвестиций и создано 27,3 тыс. новых рабочих мест, выручка резидентов составила более 149 млрд рублей.

Создание особых экономических зон (ОЭЗ) — это один из масштабных проектов по привлечению прямых инвестиций в приоритетные виды экономической деятельности. ОЭЗ — часть территории региона, на которой действует льготный режим предпринимательской деятельности, а также может применяться процедура свободной таможенной зоны⁸.

В России функционирует 33 ОЭЗ (15 промышленно-производственных, 7 технико-внедренческих, 10 туристско-рекреационных и 1 портовая). По данным

Минэкономразвития, за 15 лет работы в ОЭЗ зарегистрировались более 778 резидентов, из которых более 144 компаний с участием иностранного капитала из 41 страны. За эти годы общий объем заявленных инвестиций составил более 1 трлн рублей, вложенных инвестиций — более 440 млрд рублей, было создано более 38 тысяч рабочих мест, уплачено порядка 100 млрд рублей налоговых платежей, таможенных отчислений и отчислений во внебюджетные фонды.

В настоящее время наблюдается высокая дифференциация в развитии регионов России. Это обусловлено как социально-экономическими, природно-экономическими, национальными особенностями, так и развитием инвестиционной привлекательности.

По данным Национального рейтингового Агентства за 2019 год, инвестиции выросли в 43 регионах, а в 42 субъектах зафиксировано снижение инвестиционной активности. В большинстве регионов снижение инвестиций представляет собой возврат к отрицательной динамике после роста в 2017—2018 годах, однако в ряде регионов (например, в Самарской, Томской и Волгоградской областях) происходящее снижение — продолжение тренда, начавшегося в период кризиса 2014—2016 годов.

В рейтинге 2019 года 24 региона формируют категорию «высокая инвестиционная привлекательность» (Москва, Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий округ, Республика Татарстан, Московская область, Тюменская область, Ленинградская область и др.), наибольшее количество регионов (35) входит в категорию «средняя инвестиционная привлекательность» (Новосибирская область, Ростовская область, Красноярский край, Мурманская область, Курская область, Астраханская область и др.), а инвестиционная привлекательность 26 регионов оценивается как «умеренная» (Орловская область, Омская область, Республика Коми, Псковская область, Брянская область и др.). При этом на долю 24 регионов, инвестиционная привлекательность которых оценивается в рейтинге НРА как «высокая», приходится около 62% от суммарного объема инвестиций в основной капитал. В то же время на долю 26 регионов с «умеренной» инвестиционной привлекательностью приходится лишь менее 9% этого объема.

Таким образом, те регионы, в которых высокий уровень вложения инвестиций в основной капитал, как правило, обладают наибольшей инвестиционной привлекательностью.

В условиях цифровизации общества отдельно стоит отметить качество региональных инвестиционных порталов. В 2019 году они оценивались с точки зрения как их информационной наполненности, так и функционирования инструментов интерактивного взаимодействия между инвесторами и администрациями регионов (формы обратной связи, социальные сети, горячие линии). Результаты оценки этого параметра показали, что в большинстве регионов инвестиционные порталы работают в режиме достаточно удобных площадок раскрытия информации, но при этом интерактивные инструменты работают далеко не везде. Максимальную оценку при расчете рейтинга получил портал Калужской области, минимальную — портал Чеченской Республики.

Одним из важнейших показателей территориального развития является также состояние инвестици-

⁶ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р.

⁷ Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

⁸ Федеральный закон от 22.06.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации».

Показатели инвестиционного развития субъектов РФ

	Рейтинг регионов по состоянию инвестиционного климата (место)	Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов (группа) IC1, IC2, IC3 — высокая IC5- средняя	Рейтинг социально-экономического положения регионов (место)	Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, %.
Москва	1	IC1	1	108,9
Республика Татарстан	2	IC2	5	96,3
Тульская область	3	IC3	27	108,9
Санкт-Петербург	4	IC2	2	75,6
Московская область	5	IC2	4	103,2
Краснодарский край	6	IC3	8	79,1
Белгородская область	7	IC2	18	101,8
Калужская область	8	IC3	26	102,9
Республика Башкортостан	9	IC3	13	101,3
Ярославская область	10	IC5	40	100,7

онного климата в регионе. Агентством стратегических инициатив в 2020 году был представлен Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в регионах России. В первую десятку рейтинга вошли Москва, Республика Татарстан, Тульская область, Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край, Белгородская область, Калужская область, Республика Башкортостан, Ярославская область.

Если сравнить данные регионы по уровню инвестиционной привлекательности и состоянию инвестиционного климата, то следует заметить, что практически все регионы, обладающие хорошим инвестиционным климатом, имеют и высокую инвестиционную привлекательность. Однако, не все регионы с хорошим инвестиционным климатом занимают ведущие позиции в рейтинге социально-экономического развития регионов. В частности, Калужская, Тульская и Ярославские области находятся в 3-й десятке рейтинга. Следовательно, прямой зависимости между уровнем социально-экономического развития территории и состоянием инвестиционного климата не наблюдается.

Обсуждение

Управление развитием региона — один из значимых приоритетов государственной политики современной России. Следует признать некоторые успехи государства в области регионального развития: за последние годы разрабатывается все больше нормативных актов, регулирующих региональные процессы — это и вопросы эффективности, и оценки деятельности региональной власти, и использование программно-целевого подхода к управлению регионом, и инновационные приоритеты развития.

При этом современная модель территориального развития в России характеризуется существенными недостатками, к которым относятся следующие:

- в системе государственного управления отсутствуют инструменты согласованного использования территорий;
- фактически утрачена культура планирования использования территорий;
- в недостаточной степени развита межрегиональная кооперация;
- наблюдаются диспропорции между субъектами Российской Федерации в уровне и темпах социально-экономического развития, и они продолжают расти;
- отсутствие комплекса основ государственного регулирования заполняется в последние годы активностью крупных корпораций (в первую очередь сырьевых), которые оказывают большое влияние на пространственное развитие страны, лоббируя определенные проекты расселения населения и развития транспортной инфраструктуры⁹.

Таким образом, в отношении регионального развития сегодня можно различить два основных подхода:

- активное выравнивание социально-экономического положения регионов за счет мощной государственной поддержки слабых регионов;
- отказ от выравнивания и сосредоточения внимания на «точках», «полюсах» и «локомотивах» развития.

С одной стороны, уделяется особое внимание регионам с инновационным развитием, создаются ОЭЗ и ТОР. С другой же — по-прежнему наблюдается активная государственная поддержка регионов с низким уровнем социально-экономического развития.

Необходимость развития новых подходов к управлению регионом обуславливается как объективными факторами, так и сложившимися традиционными недо-

⁹ Управление развитием региона и города: теория и практика / Под ред. Г. А. Сульдиной, Р.М. Нуртдинова. Казань : Казанский государственный университет, 2010. 371с.

статками, новыми несоответствиями в самой управленческой системе:

- отсутствием четкого представления о функционировании механизма управления регионом и механизма развития экономики региона;
- превалированием отраслевого подхода в формировании региональных органов управления;
- дублированием функций управления по ряду направлений деятельности;
- недостаточным уровнем компетентности и творчества работников органов регионального управления;
- фрагментарностью организационных действий по развитию системы управления регионом и др.¹⁰.

Управление развитием региона означает новый подход ко всем объектам управления, суть которого в том, чтобы совместить экономическое (как экономическую выгоду для региона), социальное (как достижение социальной пользы для населения) и экологическое (как обеспечение безопасности) развитие. Развитие региона обычно рассматривается с точки зрения совокупности социальных и экономических целей: рост производства, доходов, изменения в административной структуре общества и др. Такое понимание комплексности с учетом совокупности социальных, культурных, экономических факторов, а также качественных и количественных характеристик принципиально отличает развитие от роста¹¹.

Управление развитием региона осуществляется с помощью широкого спектра различных стратегий, программ, конкретных действий и одноразовых мероприятий, посредством которых власть стремится стимулировать развитие экономики региона, создать новые рабочие места, увеличить налоговую базу, расширить возможности для определенных видов экономической активности¹².

Задача каждого региона — использовать свои внутренние ресурсы, которые сделают его конкурентоспособным и привлекательным для рынка. Прогресс одного региона во многом зависит от обстоятельств и взаимодействия различных секторов. Современная концепция регионального развития подразумевает целостное и устойчивое развитие региона, которое включает гармонизацию экономических, социальных и экологических целей. Она сочетает в себе пространственное, временное и многосекторальное измерение и подчеркивает «взаимность местных и внешних сил в управлении процессами развития» [2].

Для успешного развития территории необходимо иметь научно обоснованную праксеологическую собственную стратегию, вписанную в региональную, макрорегиональную и общегосударственную стратегии и соответствующие политико-управленческие практики по их реализации [9]. Необходимо стимулировать регионы к самостоятельному развитию и плодотворному

межрегиональному сотрудничеству. В современных условиях государственная региональная политика должна быть ориентирована на повышение сбалансированности пространственного развития национальной экономики путем выявления и раскрытия достоинств и преимуществ каждого региона, формирования и содействия укреплению новых агломераций динамичного экономического роста. Все это позволит обеспечить многополярное развитие территории страны и создать эффективные региональные и межрегиональные ареалы инновационно ориентированного опережающего социально-экономического прогресса [10].

Индикатором качества и результативности региональной социально-экономической политики можно считать устойчивое сбалансированное развитие локальных территорий и региона, снижение уровня внутрирегиональной социально-экономической дифференциации [11].

Если целенаправленная государственная политика, реализуемая на региональном уровне по основным направлениям, оказывается неэффективной, то и в экономике страны инвестиционная активность будет низкой. В современных условиях развитие регионов должно быть связано не с крупными народнохозяйственными проектами, а с совершенствованием существующих региональных и локальных хозяйственных систем на основе научно-технического прогресса и межрегиональной интеграции [12].

Конструктивное взаимодействие органов власти с бизнесом не только привлечет финансовые ресурсы в различные сектора экономики, но и позволит внедрять бизнес-инновации, улучшающие качество услуг для населения, реализовывать совместные проекты по территориальному развитию [13]. Результатами развития взаимодействия власти и инвесторов должны стать:

- внедрение новых технологий по инвестиционным процессам в регионе;
- выработка показателей эффективности в рамках исполнительной власти субъекта РФ;
- регулярный мониторинг их деятельности в данной сфере;
- создание условий для активного привлечения инвестиций, в том числе на инновационной основе.

Для этого необходимо обеспечить:

- содействие реализации инвестиционных проектов;
- приведение в соответствие с современными требованиями развития и капитализации малого бизнеса;
- содействие расширению и сегментированию малого и среднего предпринимательства;
- создание условий для расширения емкости рынка товаров и услуг.

Заключение

Анализ государственной политики в области территориального развития позволил сформулировать следующие выводы. В настоящее время существует два ключевых подхода в государственной политике в области пространственного развития. Со стороны государства активно поддерживаются регионы — точки роста, где создаются особые экономические зоны и территории опережающего развития. При этом по-прежнему наблюдается активная государственная поддержка регионов с

¹⁰ Кайль Я.Я., Епинина В.С. Новые подходы к управлению развитием региона в современной России // Актуальные проблемы и тенденции развития финансов, экономики и управления: региональный аспект. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Элиста : АУ РК «Издательский дом «Герел», 2012. С. 41—48.

¹¹ Шаститко А. Структурные альтернативы социально-экономического развития России // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 71—86.

¹² Управление развитием территории: региональный аспект : монография / под науч. ред. А.А. Зюскина, И.Н. Свистуновой. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2015. 212 с.

низким уровнем социально-экономического развития, происходит выравнивание социально-экономического положения регионов.

Исследование базовых характеристик инвестиционного развития субъектов РФ (состояние инвестиционного климата, инвестиционная привлекательность, социально-экономическое положение, индекс физического объема инвестиций в основной капитал) показало, что те субъекты РФ, в которых наблюдается благоприятный инвестиционный климат, как правило, обладают высокой инвестиционной привлекательностью. При этом не все регионы, обладающие достаточно высоким уровнем социально-экономического развития, являются инвестиционно привлекательными, отсутствует прямая корреляционная зависимость между уровнем социально-экономического развития региона и инвестиционной

привлекательностью. Следовательно, для повышения инвестиционной привлекательности российских регионов недостаточно оказывать государственную поддержку в целях выравнивания социально-экономического положения. Необходимо создание таких макроэкономических условий, которые должны обеспечить интенсификацию инвестиционных процессов, снятие различных бюрократических барьеров для инвесторов, развитие инструментов согласованного использования территорий, активное развитие межрегиональной кооперации. Таким образом, станет возможным создание системы межрегионального сотрудничества, основанного на повышении сбалансированности пространственного развития национальной экономики путем выявления и раскрытия достоинств и преимуществ каждого региона.

Литература

1. Kryukova E.M., Khetagurova V.Sh. Cluster Approach in the Development of Social Tourism in Russia. *Contemporary Problems of Social Work*. Vol. 5. No. 4 (20). 2019. Pp. 4–15.
2. Šabić, Dejan & Vujadinovic, Snezana. (2017). Regional development and regional policy. *Zbornik radova – Geografski fakultet Univerziteta u Beogradu*. 2017. Pp. 463–477. DOI: 10.5937/zrgfub1765463V
3. Umanto, Umanto. Reformulation of the Role of Regional Development Banks as Agents of Regional Development: A Reflection on the Regional Development Program and the Transformation Program of Regional Development Banks in Indonesia. *Bisnis & Birokrasi Journal*. 2019. DOI: 26. 10.20476/jbb.v26i2.10248
4. Dione, Frans. Implementation of Regional Development Information System (SIPD) in Increasing Coordination of Regional Development. *Jurnal Kebijakan Pemerintahan*. 2020. Pp. 21–28. DOI: 10.33701/jkp.v3i1.1061.
5. Davidescu, Adriana & Apostu, Simona & Pantilie, Andra & Amzuica, Bogdan. Romania's South-Muntenia Region, towards Sustainable Regional Development. Implications for Regional Development Strategies. *Sustainability*. 12(14):5799. July 2020. DOI: 12.5799.10.3390/su12145799 DOI: 10.3390/su12145799
6. Arslan, Hüseyin & Duran, Hasan. Social capital and regional development in Turkey. *Regional Science Policy & Practice*. 2020. DOI: 10.1111/rsp3.12318
7. Tkachenko S.V., Martynova M.Yu. China in the Industry of Innovation: Cooperation with Russia. *Contemporary Problems of Social Work*. Vol. 5. No. 1 (17). 2019. Pp. 35–44.
8. Маркин В.В. Пространственное развитие России: стратегия и политико-управленческие практики. В сборнике: Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект. Материалы VIII международной научно-практической конференции. 2019. С. 46–52.
9. Маркин В. В., Малышев М. Л., Землянский Д. Ю. Мониторинг региональных стратегий пространственного развития российских городов: моделирование политико-управленческих практик. Часть 1 // Мониторинг правоприменения. 2020. № 3(36). С. 51–65. DOI: 10.21681/2226-0692-2020-3-51-65
10. Управление развитием. Методология регионального стратегирования : монография / Под науч. ред. В. И. Сарченко, Л. В. Оборина. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2018. 600 с.
11. Ускова Т.В. Социально-экономическое развитие территорий: проблемы эффективности региональной политики // Проблемы развития территорий. Вып. 2(82). 2016. С. 7–18.
12. Lazhentsev V.N. A concept for program solution to the issues of formation and development of territorial economic systems. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017. Vol. 10. № 5. Pp. 37–50. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.3
13. Фролова Е.В., Медведева Н.В. Сотрудничество бизнеса и местной власти: проблемы и новые возможности // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1. С. 181–196.

A GOVERNMENT SYSTEM FOR MANAGEMENT OF TERRITORIAL DEVELOPMENT: FEATURES AND TENDENCIES

Nataliia Medvedeva¹³, Elena Frolova¹⁴, Ol'ga Rogach¹⁵

Keywords: *region, social and economic development, investments, investment potential, investment attractiveness, territorial development.*

Abstract.

At present, territorial development issues become especially topical during the transition of the country to economic growth of the investment type.

Purpose of the study: identifying the dependency between such regional characteristics as the state of investment climate, investment attractiveness, and index of physical volume of investments in fixed assets based on an analysis of state policy in the field of territorial development.

Methods of study. Methods of comparative, statistical and system analysis, deduction, induction, generalisation, and theoretical modelling were used to achieve the set goal.

Results obtained. Studying the basic characteristics of the investment development of subjects of the Russian Federation showed that the subjects of the Russian Federation with a favourable investment climate are as a rule highly investment-worthy. At the same time, there is no direct correlation between the level of social and economic development of the region and the state of its investment climate. It was found that active government support is provided not only for regions with a low level of social and economic development but also those where special economic zones and advanced development territories are created.

References

1. Kryukova E.M., Khetagurova V.Sh. Cluster Approach in the Development of Social Tourism in Russia. Contemporary Problems of Social Work. Vol. 5. No. 4 (20). 2019. Pp. 4–15.
2. Šabić, Dejan & Vujadinovic, Snezana. (2017). Regional development and regional policy. Zbornik radova – Geografski fakultet Univerziteta u Beogradu. 2017. Pp. 463–477. DOI: 10.5937/zrgfub1765463V
3. Umanto, Umanto. Reformulation of the Role of Regional Development Banks as Agents of Regional Development: A Reflection on the Regional Development Program and the Transformation Program of Regional Development Banks in Indonesia. Bisnis & Birokrasi Journal. 2019. DOI: 26. 10.20476/jbb.v26i2.10248
4. Dione, Frans. Implementation of Regional Development Information System (SIPD) in Increasing Coordination of Regional Development. Jurnal Kebijakan Pemerintahan. 2020. Pp. 21–28. DOI: 10.33701/jkp.v3i1.1061.
5. Davidescu, Adriana & Apostu, Simona & Pantilie, Andra & Amzuica, Bogdan. Romania's South-Muntenia Region, towards Sustainable Regional Development. Implications for Regional Development Strategies. Sustainability. 12(14):5799. July 2020. DOI: 12.5799.10.3390/su12145799 DOI: 10.3390/su12145799
6. Arslan, Hüseyin & Duran, Hasan. Social capital and regional development in Turkey. Regional Science Policy & Practice. 2020. DOI: 10.1111/rsp3.12318
7. Tkachenko S.V., Martynova M.Yu. China in the Industry of Innovation: Cooperation with Russia. Contemporary Problems of Social Work. Vol. 5. No. 1 (17). 2019. Pp. 35–44.
8. Markin V.V. Prostranstvennoe razvitie Rossii: strategija i politiko-upravlencheskie praktiki. V sbornike: Strategija i taktika realizatsii sotsial'no-ekonomicheskikh reform: regional'nyi aspekt. Materialy VIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 2019, pp. 46–52.
9. Markin V. V., Malyshev M. L., Zemlianskii D. Iu. Monitoring regional'nykh strategii prostranstvennogo razvitiia rossiiskikh gorodov: modelirovanie politiko-upravlencheskikh praktik. Chast' 1. Monitoring pravoprimeneniia, 2020, No. 3(36), pp. 51–65. DOI: 10.21681/2226-0692-2020-3-51-65
10. Upravlenie razvitiem. Metodologija regional'nogo strategirovaniia : monografiia. Pod nauch. red. V. I. Sarchenko, L. V. Oborina. Krasnoarsk : Sib. feder. un-t, 2018. 600 pp.
11. Uskova T.V. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie territorii: problemy effektivnosti regional'noi politiki. Problemy razvitiia territorii, vyp. 2(82), 2016, pp. 7–18.
12. Lazhentsev V.N. A concept for program solution to the issues of formation and development of territorial economic systems. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2017. Vol. 10. No. 5. Pp. 37–50. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.3
13. Frolova E.V., Medvedeva N.V. Sotrudnichestvo biznesa i mestnoi vlasti: problemy i novye vozmozhnosti. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia, 2018, No. 1, pp. 181–196.

¹³ Nataliia Medvedeva, Ph.D. (Sociology), Associate Professor at the Faculty of Management of the Russian State Social University, Moscow, Russian Federation. E-mail: medvedevanv@rgsu.net

¹⁴ Elena Frolova, Dr.Sc. (Sociology), Professor at the Faculty of Management of the Russian State Social University, Moscow, Russian Federation. E-mail: frolovaev@rgsu.net

¹⁵ Ol'ga Rogach, Ph.D. (Sociology), Associate Professor at the Faculty of Management of the Russian State Social University, Moscow, Russian Federation. E-mail: rogachov@rgsu.net

Editor-in-Chief

Aleksandr KARTSKHIIA,
Dr.Sc. (Law), Assoc. Prof., *Moscow*

Executive Editor,

Grigory MAKARENKO, *Moscow*

Editorial Board

Elena ANTONYAN, Dr.Sc. (Law), Prof., *Moscow*

Andrei GABOV, Dr.Sc. (Law), Prof., corr. member of the Rus. Acad. of Sciences, *Moscow*

Elizaveta DEMIDOVA-PETROVA, Dr.Sc. (Law), Assoc. Prof., *Kazan*

Vladimir ZAITSEV, Dr.Sc. (Law), Prof., *Moscow*

Sergei ZAPOL'SKII, Dr.Sc. (Law), Prof., *Moscow*

Sergei ZAKHARTSEV, Dr.Sc. (Law), Prof., *Moscow*

Oleg ZIBOROV, Dr.Sc. (Law), Assoc. Prof., *Moscow*

Pavel KABANOV, Dr.Sc. (Law), Assoc. Prof., *Kazan*

Igor' MATSKEVICH, Dr.Sc. (Law), Prof., *Moscow*

El'mira ATAGIMOVA, Ph.D. (Law), *Moscow*

Vladimir RADCHENKO, Ph.D. (Law), Assoc. Prof., *Moscow*

Valentin BABINTSEV, Dr.Sc. (Sociology), Prof., *Belgorod*

Valerii MARKIN, Dr.Sc. (Sociology), Prof., *Moscow*

Mikhail MALYSHEV, Dr.Sc. (Sociology), Prof., *Moscow*

Anatolii SILIN, Dr.Sc. (Sociology), Prof., *Tyumen*

Ol'ga URZHA, Dr.Sc. (Sociology), Prof., *Moscow*

Foreign Members

Viktor SHARSHUN, Ph.D. (Law), *Minsk, the Republic of Belarus*

Founder and publisher:

Federal State-Funded Institution "Scientific Centre for Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation" (SCLI)

Postal address:

Mikhalkovskaya str., bld. 65/1, 125438, Moscow, Russia

Telephone: +7 (985) 939-75-01

E-mail: monitorlaw@yandex.com

Guidelines for preparing manuscripts for publication and archive files are available on the website

<http://uzulo.su/mon-prav>

Printed by the Printing and Publication Division of the SCLI.

Approved for print on the 27th of December 2021.

Number of items printed: 120. Free price.

The journal can be subscribed to at post offices through the Press of Russia (Pressa Rossii) Catalogue. Publication index: 44723.

CONTENTS

INTERNATIONAL LAW AND ADMINISTRATION

ESG PRINCIPLES AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT: LEGAL ASPECTS

Beniamin Shakhnazarov 2

PUBLIC ADMINISTRATION AND LAW

FROM INTELLECTUAL LAW TO INTELLECTOLOGY

Boris Leont'ev, Valeriia Leont'eva 12

PHILOSOPHY OF LAW

THE COMPREHENSIVE CONCEPTION OF SUBJECT COMPOSITION

OF RESOCIALISATION RELATIONS

Viktor Sa'nikov, Sergei Zakhartsev, Kirill Voronkov 29

LEGAL DESIGN AND LEGAL TECH

LEGAL ONTOLOGIES IN MACHINE-READABLE FORMAT: A TOOL FOR

NAVIGATING LEGAL KNOWLEDGE ON THE SEMANTIC WEB

Svetlana Miroliubova 39

LEGAL MONITORING

LEGAL MONITORING IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT
STAGE

Anna Beliakova 46

ON THE PRINCIPLES OF LAW ENFORCEMENT MONITORING

Aleksandr Uvarov 56

INTELLECTUAL PROPERTY LAW

CUMULATIVE PROTECTION OF MEANS OF IDENTIFICATION: GIANT

BLUNDERBORE, A USEFUL MIX OR ABUSE OF LAW?

Ekaterina Afanas'eva 61

SOCIOLOGY

SPECIAL FEATURES OF FUNCTIONING OF FURTHER VOCATIONAL

EDUCATION IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

OF RUSSIA ACCORDING TO STUDENT OPINION POLLS

Mikhail Shulepin, Viktor Voronov 69

A GOVERNMENT SYSTEM FOR MANAGEMENT OF TERRITORIAL

DEVELOPMENT: FEATURES AND TENDENCIES

Nataliia Medvedeva, Elena Frolova, Ol'ga Rogach 79